

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

1

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

1

2023

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

1

2023

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синеокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2023

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,
109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6
Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049
Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru
Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS,
Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2023

Publisher: Russian Academy of Sciences
 Executor under contract No. 4Y-3A-130-22 LLC "United Editorial Office",
 109028, Moscow, Podkopaevsky lane, 5, office 6
 Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.
 Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru.
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Дискин И.Е.** Постмодернизм: философская парадигма или социологическая объяснительная схема? 7
- Фишман Л.Г.** Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего «компаратора» 20

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Паин Э.А.** Колебания маятника: модель или метафора перемен в национальной политике многосоставного государства? Случай СССР и постсоветской России 34

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шинкаренко А.А.** Государство перед экологическими вызовами: взгляд и подходы Латинской Америки 53

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Мизин В.И.** О нерешенном аспекте контроля над вооружениями: противоракетная дилемма 68
- Трунов Ф.О.** Линия ФРГ в военной области: дрейф от концепции «стратегической сдержанности»? 83

Трибуна молодого ученого

- Федоров С.И.** Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход 101
- Таскин Ф.А.** Уровень востребованности высшего образования в Германии 121

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

- Diskin I.** Postmodernism: Philosophical Paradigm
or Sociological Explanatory Scheme? 7
- Fishman L.** The Concept of Ressentiment and Modernity:
In Search of Elusive Comparator 20

ISSUES OF NATIONALITIES

- Pain E.** Swinging Pendulum: A Model or Metaphor for Change
in Policy on Nationalities in Multi-composite States?
The Case of USSR and Post-Soviet Russia 34

LATIN AMERICA STUDIES

- Shinkarenko A.** The State and Environmental Challenges:
Views and Approaches in Latin America 53

PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY

- Mizin V.** The Unsolved Issue of Arms Control: Anti-missile Dilemma 68
- Trunov Ph.** The Policy of Germany in Military Sphere:
Drift from the Concept of "Strategic Restraint"? 83

ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

- Fedorov S.** The Influence of Political Power on Models
of Industrial Organization: Institutional Approach 101
- Taskin F.** The Level of Demand for Higher Education in Germany 121

DOI: 10.31857/S086904992301001X
EDN: NBAANF

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Постмодернизм: философская парадигма или социологическая объяснительная схема?¹

© И.Е. ДИСКИН

Дискин Иосиф Евгеньевич, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Интерес к анализу научного статуса концепции постмодернизма обусловлен тем, что к ней зачастую обращаются без рефлексии границ и возможностей ее использования. Осмысленное же использование положений постмодернизма требует анализа проблем, которые стали стимулом для его появления, и изучения структуры социальных сред, представления которых близко концептуальным основаниям постмодернизма. Для таких сред постмодернизм выступает релевантной философской парадигмой. Показано, что свойственная постмодернизму проблематизация нравственных оснований социальной жизни существенно ограничивает круг социальных сред, для которых данная концепция способна выступать релевантной социологической объяснительной схемой. Границы релевантности концепции по отношению к определенным социальным средам определяются уровнем проблематизации в них нравственных оснований индивидуальной и социальной жизни. Соответственно, релевантное использование концепции постмодернизма в качестве социологической объяснительной схемы ограничено социальными средами, в которых постоянно анализируются нравственные основания их собственной личной и социальной жизни. Использование ее для сред, где мало сомневаются в нравственно-этических основаниях жизни, приводит к нерелевантным выводам.

Ключевые слова: постмодернизм, философская парадигма, социологическая объяснительная схема, нравственные основания

Цитирование: Дискин И.Е. (2023) Постмодернизм: философская парадигма или социологическая объяснительная схема? // Общественные науки и современность. № 1. С. 7–19. DOI: 10.31857/S086904992301001X, EDN: NBAANF.

¹ Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования НИУ ВШЭ «Самоорганизация граждан в условиях масштабных изменений экономической и социальной среды».

Postmodernism: Philosophical Paradigm or Sociological Explanatory Scheme?

© I. DISKIN

Iosif E. Diskin, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Abstract. The question of the scientific status of the postmodernism concept is relevant because of the fact that scientists appeal to it without reflecting on the boundaries and possibilities of its use. At the same time, the relevant use of the provisions of this concept requires an analysis of the problems that have become an incentive for its appearance, as well as of the structure of social environments whose consciousness corresponds to the conceptual foundations of postmodernism. For these environments, postmodernism is a relevant philosophical paradigm. It is shown that the total problematization of the moral foundations of social life, carried out by postmodernists, significantly limits the amount of social environments for which postmodernism is able to act as a relevant sociological explanatory scheme. These boundaries of relevance are significant for social environments that are not ready to problematize the moral foundations of their individual and social lives.

Keywords: postmodernism, philosophical paradigm, sociological explanatory scheme, moral pillars

Citation: Diskin I. (2023) Postmodernism: Philosophical Paradigm or Sociological Explanatory Scheme? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 7–19. DOI: 10.31857/S086904992301001X, EDN: NBAANF.

Вопрос о научном статусе постмодернизма следует изучить, поскольку термин постмодернизм стал широко употребляемым мемом. Целый ряд авторитетных исследователей и социальных мыслителей отсылают к постмодерну (и средствам его анализа) как к устоявшейся концепции, статус и границы применения которой уже не требуется анализировать [Неклесса 2021, Коктыш 2021]. Следует подчеркнуть, что в статье не стоит задача рассмотреть все аспекты данной концепции – задача ограничивается теми, которые обуславливают этот статус.

Представляется, что «тектонические сдвиги» в мировой экономике, возросшие геополитическая турбулентность и социально-политическая напряженность во многих странах мира (в том числе и в России) актуализируют проблему релевантности концепции постмодернизма и ее способности стать основой для понимания современных макросоциальных процессов.

Значение проблемы существенно возрастает в связи с тем, что устойчивые стереотипы массового и элитарного сознания, сформированные в том числе и под влиянием популярных теоретических концептов, обуславливают социальный «эффект колеи» [Дискин 2022b]. Важно также изучить роль стереотипов, связанных с концепцией постмодернизма, в становлении и воспроизводстве определенной структуры социально-политических отношений. Следовательно, следует обозначить характеристики социального субъекта, чьи социальные умозрения выражает обсуждаемая концепция.

Актуальность поднятых выше проблем возрастает в связи с необходимостью дать адекватные ответы на угрозы и вызовы, связанные с масштабными социальными структурными изменениями. Устойчивые стереотипы, сформированные в рамках концепта постмодернизма, могут создавать нерелевантные аналитические перспективы и неизбежно приводить к сомнительным социально-политическим решениям.

Соответственно, исходным пунктом исследования выступает вопрос о том, реакцией на какие социальные проблемы (включая сдвиги в массовом и элитарном сознании) стало появление обсуждаемой концепции. Решение позволит прояснить исходные интенции рассматриваемой концепции и границы ее релевантности.

Общепринятым стал тезис о том, что постмодернизм зародился в ответ на критику «больших нарративов», которая вошла в мейнстрим социальной мысли в послевоенный период. Также в традициях рационального социально-политического анализа такого рода нарративы начали связывать с тоталитарными режимами [Арендт 1996, Поннер 1992]. Следует отметить, что интенцией данного толкования стало требование четкой моральной определенности вплоть до идущего от Канта «ригоризма»².

«Сегодня, – пишет французский философ Ж.-Ф. Лиотар, – мы являемся свидетелями раздробления, расщепления “великих историй” и появления множества более простых, мелких, локальных “историй-рассказов”» [Цит. по: Ильин 1996]. Данная концепция сформировалась в русле идей Ф. Ницше – с интенциями критики тотальной рациональности, характерной для эпохи модерна. Она содержала отсылки к тенденциям развития архитектуры и актуального искусства. Влияние Ф. Ницше на становление постмодернизма отчетливо проявлялось в том, что аргументы основателей этой концепции систематически вносят в корпус достижений искусства [Лиотар 1996].

Другим импульсом к становлению постмодернизма стало стремление философски осмыслить новые достижения в математике и естественных науках, которые выходили за рамки механистической рациональности. Общеизвестно влияние на массовое сознание теории относительности А. Эйнштейна («пришел Эйнштейн и сказал “все относительно”»). Также к данному процессу можно отнести популярное изложение достижений квантовой физики: дуализм квантов как волны и как частицы, из которого следует принцип неопределенности Гейзенберга. Усиливали эту тенденцию и достижения математики. Так, теорема Геделя о неполноте превратилась в своего рода интеллектуальный мем. В ту же копилку добавляли такие теоретические конструкции, как размытые и случайные множества.

Данное влияние отчетливо прослеживается в структуре книги одного из основоположников постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», в которой видны интенции автора при анализе состояния знания. Исходная позиция Ж.-Ф. Лиотара приведена во введении: «Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» [Лиотар 1996]. Существенно, что обозначена связь между постиндустриальным обществом и культурой постмодерна.

Сущность достижений естественных наук не была до конца раскрыта, и этот фактор вкупе с угрозой ядерного апокалипсиса вызывали ощущение зыбкости, размытости социальной реальности и ее базовых оснований. Как представляется, постмодернизм был попыткой не только осмыслить новую реальность, но и создать альтернативный взгляд на нее.

Вызовы постиндустриального общества породили еще один круг проблем, на которые откликнулся постмодернизм, – массовизацию общества. «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета стало значимым интеллектуальным импульсом для соответствующего социаль-

² РИГОРИЗМ (франц. *rigorisme*, от лат. *rigor* – твердость, строгость). Строгое проведение какого-либо принципа в действии, поведении и мысли, исключающее компромиссы, учет др. принципов, отличных от исходного, и т. п. Философская энциклопедия. (<https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/7319-%D0%A0%D0%98%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%9C>).

ного представления о постмодернизме [*Ортега-и-Гассет* 2000]. Как писали в американской газете *Atlantic Monthly*, эта работа во многом задала мейнстрим социального видения: «Чем для XVIII века был “Общественный договор” Руссо, а для XIX – “Капитал” Маркса, тем же для XX века стало “Восстание масс” Ортеги» [Цит. по: *Гайдено* 1989].

Отправной точкой постмодернизма считается статья Л. Фидлера «Пересекайте границу, засыпайте рвы», опубликованная в 1969 г. в журнале *Playboy*. В ней автор призывал стереть прежние границы и статусы.

Значимой представляется связь секуляризации массового сознания в странах Запада и концепта «смерть Бога» у постмодернистов, которые продолжили традиции Ф. Ницше³. Постмодернизм откликнулся на нараставшую после Второй мировой войны секуляризацию социальной жизни, снижение регуляторного воздействия религиозных норм на общественную мораль и социальные ориентиры людей, связанные с европейской традицией⁴. Более того, секуляризация распространялась и во всем мире⁵.

Обсуждая статус концепции постмодернизма, важно также выделить специфику ее представления о социальной реальности. Прежде всего, следует отметить критику прежних социальных конструкторов. О.Ю. Цендровский отмечает: «Содержание оформившегося постмодернистского мировоззрения является по преимуществу критическим и негативным, оно “не столько создает «новое знание», сколько сеет сомнения в правомочности “старого знания”... Мыслители-постструктуралисты, чья философия стала одновременно базой и выражением постмодернистского мировоззрения, постулируют невозможность объективного познания и отсутствие критериев достоверности; ими устанавливается “принцип «методологического сомнения»” по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям. Легитимность идеалов модерна, его авторитеты и святыни обличаются в их внутренней иррациональности, беспочвенности и разрушительности. Прогресс, истина, смысл, порядок, справедливое общество, в общем, вся западная “логоцентрическая традиция”, по определению Жака Деррида, объявляется совокупностью идеологем и мифов» [Цендровский 2015].

Некоторые исследователи более радикально оценивают постмодернизм. Так, Н. Хомский, комментируя свою полемику с лидерами постмодернизма, заявил: «Что касается “деконструкции”, которая (также упоминается в дебатах), я не могу комментировать, потому что большая часть этого кажется мне тарабарщиной»⁶.

А.И. Солженицын, выступая на вручении ему премии Национального клуба искусств в Нью-Йорке (январь 1993 г.), отметил: «Для постмодерниста мир – не содержит реальных ценностей»⁷. Таким образом он присоединился к тем критикам постмодернизма, которые настаивали на том, что в основе концепции лежит принципиальный моральный релятивизм.

³ М. Фуко: «Смерть Бога обращает нас не к ограниченному и позитивному миру, она обращает нас к тому миру, что распускает себя в опыте предела... в акте эксцесса, излишества, злоупотребления, преодолевающих этот предел, переступающих через него, нарушающих его». Энциклопедия «История философии». «Смерть Бога». (<http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/history-of-philosophy/articles/485/smert-boga.htm>).

⁴ Оговорка о связи с европейской традицией необходима в связи с тем, что значительная часть мигрантов в странах Европы сохраняет религиозные ориентиры, характерные для стран их исхода.

⁵ Подробные данные о трендах секуляризации в мире приведены в: [Инглхарт, Вельцель 2011].

⁶ This text was posted by one jenm289@aol.com to rec.arts.books, 13 Nov 1995 03:21:23 -0500, message-id 486v63\$9an@newsbf02.news.aol.com. Jenm289 wrote: “The following was written several months ago by Noam Chomsky in a discussion. The discussion took place on LBBS, Z-Magazine’s Left On-Line Bulletin Board (contact sysop@lbbs.org to join)”.

⁷ Солженицын о постмодернизме. RuLit. (<https://www.rulit.me/books/sled-filosofiya-istoriya-sovremennost-read-341108-186.html?ysclid=lc644ytqbo217980550>).

Представление о социальной реальности постмодернисты создают, используя тотальную иронию и игровые формы, что приводит к отказу от априорной нормативности «вечных ценностей» и утверждению абсолютной конвенциональности формируемых воззрений.

Оценивая позиции нравственного релятивизма в концепциях постмодернизма, следует учитывать определенную дистанцию между их концептуальными декларациями, с одной стороны, и собственными представлениями о социальных нормах морали, с другой. Так, представитель постмодернизма в литературе У. Эко выражает эти нормы через главного героя своего культового романа «Имя Розы». Данный персонаж – Вильгельм Баскервильский – демонстрирует уникальное сочетание безупречной нравственности и проницательного ума⁸.

Постмодернистские социальные построения, с одной стороны, выступают отражением реальных условий, в которых значительная часть общества формирует свои представления о социальной действительности на основе определенных конвенций. В последних сочетаются социокультурные ценности, нормы и представления, а также учитываются индивидуальные социально-экономические интересы [Дискин 2022a].

С другой стороны, постмодернистский отказ от общезначимых норм закрывает возможность эмпирически анализировать социокультурные рамки тех конвенций, которые обуславливают представления большинства о социальной реальности. Соответственно, встает вопрос об универсальности оснований такого рода конвенций или, напротив, о специфике их структуры, характерной для различных социальных сред.

Для данной статьи критерием служит наличие определенного социокультурного фундамента, который лежит в основе рассматриваемых конвенций или выступает важной составляющей их формирования. Отказ от признания общезначимого или, по крайней мере, значимого статуса соответствующих ценностей и норм делает процесс межличностной и межгрупповой коммуникации непроницаемым. Взаимопонимание в рамках такой коммуникации предполагает наличие соответствующих базовых когнитивных конструкций, создаваемых, как отмечал еще К. Юнг, на определенном социокультурном фундаменте [Юнг 1991]⁹.

Таким образом, наличие или отсутствие прочных, общезначимых оснований массовых нравственных представлений выступает существенным признаком релевантности рассматриваемой концепции. Выявление социальных границ формирования той или иной структуры представлений о социальной реальности позволяет выстроить рамки применимости соответствующих социологических объяснительных схем.

Различия в структуре представлений о социальной реальности для соответствующих социальных сред влекут за собой вопрос о специфике объяснительных схем социального действия людей, принадлежащих к этим средам.

Подводя предварительные итоги, можно сделать вывод, что постмодернизм с течением времени приобрел статус научной парадигмы. Можно обратиться к критериям Т. Куна: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Кун 1977]. В данном смысле постмодернизм отвечает критерию признания его научным сообществом.

⁸ Эко У. (1997) *Имя Розы*. СПб.: Издательство «Симпозиум». 685 с.

⁹ Здесь уместно привести реплику Ю.А. Левады, которую он произнес на научном семинаре в 1986 г.: «Юнг исследовал коллективное бессознательное, а обнаружил культуру».

Не всеобщего, но широкого признания достаточно для того, чтобы, как уже отмечалось, на эту концепцию ссылались без специального обсуждения. Что же касается статуса модели для постановки проблем, по мнению известного философа А. Грязнова, постмодернизм «в некотором смысле взбудрил аналитическую философию»¹⁰. Он приводит данные американских аналитиков, согласно которым Деррида лидирует по количеству упоминаний среди философов¹¹. Общепризнанно также то, что постмодернизм дал импульс большому корпусу исследований в области языка, литературы и искусства¹². В результате произошла определенная институционализация постмодернизма. По оценке А. Грязнова, он «обосновался именно на отделениях английского языка и литературоведения»¹³.

В данном смысле постмодернизм можно рассматривать как специфическую философскую парадигму, ориентированную на тот сегмент представлений, в котором релевантность индивидуальной и социальной реальности имеет мало значения. Дж. Ваттимо в своей монографии продемонстрировал, что постмодернизм намеренно оторван от отражения реальности. По мнению исследователя, концепция ориентирована на внутренние задачи развития искусства [Vattimo 1988]. Парадигма постмодернизма в значительной мере выступает инструментом проблематизации несущих смысловых конструктов реальности. Ту же самую задачу ставят перед собой представители ряда направлений актуального искусства.

Данный тезис, в свою очередь, предостерегает против распространения концептуальных положений постмодернизма на иные сферы, в которых априорно требуется релевантность по отношению к социальной реальности¹⁴.

Критика концептуальных оснований постмодернизма уже не способна повлиять на его парадигмальный статус – его представления слишком укоренены в социуме. Чтобы обогнать эту позицию, можно обратиться к классической «теореме Томаса»¹⁵.

Проведем историческую аналогию. К.П. Победоносцев в своей статье «Великая лож нашего времени» раскритиковал концепцию «народовластия» [Победоносцев 1993]. Он последовательно разобрал инструментальные допущения, необходимые, чтобы парламентские институты эффективно функционировали, и показал отсутствие социальных предпосылок для этого. Тем не менее, представительная демократия в настоящее время выступает преобладающей социальной нормой, которой руководствуется большинство государств и народов мира [Инглхарт, Вельцель 2011]. Общеизвестные недостатки демократии либо вовсе игнорируют, либо рассматривают в стиле «теоремы Черчилля»: «Демократия – худшая форма правления, если не считать всех остальных»¹⁶.

¹⁰ Александр Грязнов. «Постмодерн взбудрил аналитическую философию». Ruthenia. (https://ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_03.htm).

¹¹ Там же.

¹² Примером тому может служить послесловие Ю. Лотмана к роману У. Эко «Имя Розы»: «Выход из лабиринта, где великий семиотик проецирует методологические концепции постмодернизма на текст романа». Эко У. (1997) Имя Розы. СПб.: Издательство «Симпозиум». 685 с. С. 658–659.

¹³ Александр Грязнов. «Постмодерн взбудрил аналитическую философию». Ruthenia. (https://ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_03.htm).

¹⁴ В качестве примера такого распространения можно привести: Хазин М. Л. Постмодерн – реальность или фантазия? (<https://khazin.ru/m-hazin-postmodern-realnost-ili-fantaziya/>). Здесь постмодерн используют уже как метафору, которая утратила какую-либо смысловую определенность.

¹⁵ «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям». Р. Мертон. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). Socioline. (<https://socioline.ru/node/828?ysclid=lc64i3xzgy509813606>).

¹⁶ Черчилль про демократию как «худшую из систем». ИноСМИ. 14 мая 2016. (<https://inosmi.ru/20160514/236528908.html>).

С тем же основанием – и последствиями – парадигму постмодернизма можно было бы считать «великой ложью нашего времени 2.0». Однако такие манифестации мало продвигают к пониманию границ адекватного обращения к ней. Также они не помогут рассмотреть использование этой концепции в качестве социологической объяснительной схемы, которая отвечает требованиям эмпирической верификации.

Такого рода анализ актуален в связи с тем, что постмодернистская концептуализация, ставшая устойчивым стереотипом, может ограничивать (возможно, уже ограничивает) формирование социальных представлений о рамках социальных преобразований. Соответственно, она способна стать фактором возникновения «эффекта колеи» [Дискин 2022b].

Для аналитического и социально-политического преодоления такого ограничения необходимо анализировать социальную диспозицию – выявлять социальные среды, в которых такая концептуализация способна (или, напротив, неспособна) служить социологической объяснительной схемой.

Чтобы решить данную задачу, следует ответить на ряд вопросов, связанных с тем, насколько концептуальные построения постмодернизма релевантны социальному контексту соответствующих сред. В первую очередь, необходимо локализовать нравственный релятивизм в качестве социального ориентира соответствующих сред. Затем можно структуризировать и охарактеризовать социальные среды, в которых преобладают представления, основанные на специфическом постмодернистском умозрении.

Ответы на эти вопросы позволяют уйти от примитивного отказа от постмодернистской парадигмы. Одновременно они помогут определить, в какой мере и кому представления, сформированные в рамках постмодернистской концептуализации, позволяют формировать структуру социальной реальности.

При ответе на первый вопрос позволительно предположить, что постмодернистская концептуализация в первую очередь применима к ситуациям трансформационного социокультурного перехода. В них прежние ценности, нормы и представления утрачивают свое регуляторное влияние, а новые еще не укрепились [см.: Дискин 2021a]. Следует также учитывать и периоды общего снижения социальной регуляторности. Данные процессы сопровождаются ростом нравственного релятивизма и разрушением социальной ткани¹⁷.

Отметим, что различные социальные среды (от малых сообществ до целых народов) проходят различные стадии социокультурного перехода. В такой ситуации нельзя предполагать, что какая-либо парадигмальная концептуализация может претендовать на статус общезначимой объяснительной социологической схемы.

Очевидно, что постмодернистская концептуализация не будет таковой в консолидированных обществах, мобилизованных религиозными или иными системами высоко значимых ценностей, которые в секулярных обществах выполняют функции гражданской религии [Дискин 2021b]. В таких обществах индивидов, которые сомневаются в доминирующем нравственном императиве, ждет незавидная судьба¹⁸. Также обсуждаемая концептуализация вряд ли применима к социальным средам, в которых «ригоризм» используют как модель восприятия социальной реальности, основанную на преобладании нравственных представлений [Дискин 2022a].

¹⁷ Здесь уместно отметить, что периоды трансформационных переходов обычно сопровождаются многочисленными обличениями нравственного упадка.

¹⁸ Здесь следует процитировать приговор Сократу: «неспособность признать богов, которых признает город» и «введение новых божеств». Why Socrates Died: Dispelling The Myths by Robin Waterfield. The Sunday Times. March 20, 2009. (<https://www.thetimes.co.uk/article/why-socrates-died-dispelling-the-myths-by-robin-waterfield-smstdw8bcgqg>).

Исходя из данных предположений, необходимо проанализировать, в какой степени постмодернизм может выступать социологической объяснительной схемой для «конвенционалистов»: социальных сред, взгляды которых формируются на основе как ценностей и норм, так и социально-экономических интересов [Дискин 2022a]. Выше уже отмечалась связь концептуализации постмодернизма и позиции о конвенциональности всех представлений о социальной реальности.

Применительно к предмету данного обсуждения важно прояснить, как соотносится влияние нравственно-этических компонент этой конвенции, с одной стороны, и сугубо прагматических (связанных с интересами), с другой.

В предельном случае «цинизма» или «нигилизма» (отрицание какой-либо регуляторной роли нравственно-этической компоненты) вопрос о соотношении отпадает: конвенция исчезает – получается некий «ригоризм» наоборот. Цинизм и нигилизм с их жесткой определенностью не оставляют места для деконструкции и дискурсивного анализа: постмодернизм с его проблематизацией представлений о социальной реальности уже не может быть объяснительной схемой. Соответственно, данная концепция может служить объяснительной схемой для представлений социальных сред, в которых нравственно-этические нормы сохраняют определенное регуляторное влияние в рамках характерных для них конвенций.

Исследования показывают, что «конвенционалисты» составляют большинство (примерно 75–80%) российского общества¹⁹. Они же демонстрируют, что нравственно-этические представления очень значимы для них. Отвечая на вопрос об отношении к протестным действиям, 47% респондентов выбрали следующий вариант: «Даже если митинг не согласован, но я поддерживаю повод для его проведения, нужно идти: принципы и спокойная совесть важнее»²⁰. Нравственные побудительные мотивы (по крайней мере, на вербальном уровне) перевешивают потенциальные риски возможных санкций. Последние наиболее значимы для социальных сред, в которых существенны рациональные резоны.

Также о значимости нравственно-этической компоненты говорят результаты исследования идеальных представлений о политическом лидере: «Такие качества (со знаком плюс), как честность, порядочность, нравственность, наличие совести, по мнению опрошенных, являются необходимым условием справедливости и законности власти» [Шестопал, Рогач 2020].

О роли и влиянии проблематизации нравственно-этической ситуации можно судить по результатам исследования ВЦИОМ, в котором изучалась динамика мнений россиян о наличии или отсутствии общероссийского единства (рис. 1).

Соответствующие оценки связаны с достаточно обобщенными представлениями россиян о социальной ситуации в стране. На рисунке видно, что первый раз эти оценки буквально «перевернулись» в 2014 г., после «Крымской весны» и формирования «крымского консенсуса». Большинство россиян (54%) разделяло мнение о наличии общероссийского единства. Снижение этого показателя в 2018 г. эксперты связывают с пенсионной реформой. Россияне преимущественно оценили ее как поправку высоко значимых в отечественной культуре ценностей социальной справедливости.

¹⁹ Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения. Научный доклад по результатам фундаментального исследования, осуществленного при финансовой поддержке РФФИ проект: 21-011-31887 опп. Рук. Проекта. Д.э.н. Дискин И.Е.

²⁰ Там же.

Рис. 1. Есть ли в России, по вашему мнению, сегодня народное единство или нет?

Figure 1. In your opinion, does Russia have national unity or not?

Источник: ВЦИОМ. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii>).

Source: WCIOM. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii>).

Граждане вернулись к прежним оценкам в ходе формирования «донецкого консенсуса»²¹. Этот факт может свидетельствовать о важном значении нравственно-этической атмосферы для части российского общества.

В целом приведенные соображения демонстрируют, что для абсолютного большинства «конвенционалистов» в условиях остро проблематизированной нравственно-этической ситуации значительно усиливается влияние соответствующей компоненты конвенции. Перефразируя известное выражение С. Хантингтона («культура имеет значение») – «нравственность имеет значение».

Следует подчеркнуть, что речь идет именно о нравственности. Этика и мораль в контексте данного исследования значимы в той мере, в которой они обуславливают общественную нравственность, выступающую социальным регулятором.

Представленные аргументы сужают социальное пространство, в котором постмодернистская концептуализация может выступать релевантной социологической объяснительной схемой.

Данный тезис, в свою очередь, ставит еще одну проблему: как социально-политический дискурс, основанный на постмодернистском концептуализме, будут воспринимать в социальных средах, для которых высоко значимы нравственно-этические основания.

В настоящее время соответствующий дискурс в целях своей легитимации обращается к определенным идеологическим основаниям [См.: Равочкин 2021]. В то же время за пре-

²¹ Впервые этот термин ввел Генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров. В стране сформировался «донецкий консенсус». Литературная газета. 25.05.2022. (<https://lgz.ru/article/-21-6835-25-05-2022/v-strane-sformirovalsya-donbasskiy-konsensus/?ysclid=lcg0a918pf727124730>).

делами обсуждений остается вопрос о том, как будут воспринимать и интерпретировать дискурс, слабо рефлексировавший собственные нравственные основания.

Выше аналогичная проблема уже затрагивалась в связи с технократически обоснованной пенсионной реформой, которую задумали и провели, не учитывая то, как ее нравственно-этические основания оценивает большинство российского общества.

Обсуждаемая проблема усугубляется в условиях, когда постмодернистская концептуализация становится нерелексироваемым стереотипом для многих аналитиков и политиков. Ставшая привычной для таких сред постмодернистская игра понятиями сильно раздражает значительную часть общества, для которого значимы нравственно-этические основания²².

На основе представленных выше рассуждений можно сделать вывод о том, что для релевантного использования постмодернистского концептуализма в качестве объяснительной социологической схемы требуется предварительно выявить его границы. Оно вполне допустимо в социальных средах, где проблематизация ролей и сущностей выступает необходимой частью творчества.

Также его можно применять при изучении слоев и групп, где проблематизация ситуации необходима в рамках профессиональной деятельности: например, для исследователей и аналитиков. Представляется, что такое видение объясняет, почему постмодернистская концептуализация значительно распространилась в соответствующих средах, которые в дальнейшем перенесли ее в элитные и субэлитные представления.

Важно также отметить ситуацию, связанную с проникновением постмодернистской концептуализации в политический дискурс. Он априорно предполагает аналогичный ценностный контекст у потенциального электората, в результате чего наталкивается на социокультурный барьер, основанный на качественно ином отношении избирателей к «игре ценностей».

Систематическое продвижение политических идей, основанных на философии постмодернизма, приведет либо к эрозии нравственно-этического фундамента общества, либо к делегитимации его институциональной основы и социально-политической дестабилизации. Перечисленные альтернативы, перефразируя И.В. Сталина, «обе хуже».

Иная ситуация складывается для массовых слоев и групп населения, в которых не слишком распространена проблематизация собственных устойчивых нравственных оснований. В них либо напрямую из религиозных заветов, либо опосредованно из транслируемых массовой культурой моральных принципов, преобладает максима Нагорной проповеди: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»²³.

Знание и глубокое чувствование нравственной «почвы» массового сознания дают базу для понимания границ обсуждаемой концепции. Представляется, что постмодернизм нельзя использовать в качестве объяснительной схемы восприятия социальной реальности теми массовыми слоями и группами, для которых их базовые ценности и нормы столь значимы, что в относительно стабильной ситуации не могут быть проблематизированы. В то же время следует учитывать, что социокультурный шок может стать импульсом для кардинальной смены оснований, на которых строятся соответствующие представления [Смелзер 2012]. Однако даже он не приведет к нравственному релятивизму и, соответственно, к релевантности постмодернистской объяснительной схемы.

В данной работе показано, что обращение к концепции постмодернизма в качестве релевантной социологической объяснительной схемы существенно ограничено харак-

²² Здесь следует указать на обратный эффект, когда идеологическая увлеченность и нравственный ригоризм вступают в противоречие с рациональной компонентой конвенции, тесно связанной с социально-экономическими интересами. Реакция – отторжение такого рода дидактики.

²³ Евангелие от Матфея 5 стих 37. Библия Онлайн. (<https://bible.by/verse/40/5/37/>).

тером нравственно-этического фундамента социальных сред, выступающих объектом исследования. Постмодернистские построения оказываются мало релевантными для тех из них, в которых относительно слабы сомнения относительно нравственно-этических оснований их собственной социальной и индивидуальной жизни.

Тем не менее, концепция может быть вполне релевантна для тех социальных сред, где рефлексия нравственно-этических оснований собственной жизни выступает имманентной составляющей их повседневности.

Такого рода теоретико-методологическое **видение** может существенно продвинуть релевантность выводов социологических исследований.

В завершение необходимо отметить, что в условиях современных социокультурных сдвигов актуальна теоретико-методологическая ревизия не только границ постмодернизма, но и других популярных концепций, которые способны создавать «эффект колеи» – границы для общественных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (1996) Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом. 672 с.
- Гайденко П.П. (1989) Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс» // Вопросы философии. № 4. С. 155–169.
- Дискин И. Е. (2022a) «Колея» и гражданское общество // Общественные науки и современность. № 5. 2022. С. 113–127.
- Дискин И.Е. (2021a) Консервативная модернизация. М: Политическая энциклопедия. 342 с.
- Дискин И.Е. (2022a) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94.
- Дискин И.Е. (2021b) Понимающая скорбь о крахе либерализма // Тетради по консерватизму. № 4. С. 26–37.
- Ильин И.П. (1996) Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада. 213 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.
- Некlessа А.И. (2021) Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–55.
- Ницше Ф. (2012) Рождение трагедии из духа музыки // В: Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Культурная революция. 416 с.
- Коктыш К.Е. (2020) Событие свободы: опыт деконструкции // Полис. Политические исследования. № 2. С. 21–36.
- Коллинз Р. (2009) Четыре социологических традиции. М.: ИД «Территория будущего». С. 179.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) Ред.: Л. Харрисон, С. Хантингтон. М.: Московская школа политических исследований. 320 с.
- Кун Т. (1997) Структура научных революций. М.: Прогресс. 300 с.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998) Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя. 160 с.
- Ортега-и-Гассет Х. (2000) Восстание масс // В: Избранные труды. М.: Весь мир. 702 с.
- Победоносцев К.П. (1993) Великая ложь нашего времени. М.: Издательский дом Русская книга.
- Поппер К.Р. (1992) Открытое общество и его враги. М.: «Феникс».
- Равочкин Н.Н. (2021) Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов современного общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Томск.

Смелзер Н. (2012) Рациональное и амбивалентное в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1. С. 22–46.

Цендровский О.Ю. (2015) Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. // Человек и культура. № 5. С. 1–57.

Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. (2020) Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. № 4. С. 166–180.

Юнг К. (1991) Архетип и символ. М.: «Ренессанс». 304 с.

Vattimo G. (1988) *The End of Modernity: Nihilism and Hermeneutics in Post-Modern Culture*. Cambridge: Polity Press.

REFERENCES

Arendt H. (1996) *Istoky totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom. 672 p.

Collins R. (2009) *Chetyre sociologicheskie traditsii* [Four Sociological Traditions]. Moscow: ID “Territoriya budushego”. 179 p.

Diskin I.E. (2022a) “Koleya” i gragdanskoye obshchestvo [Path Dependence and Civil Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. no. 5, pp. 113–127.

Diskin I.E. (2021a) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernisation]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 342 p.

Diskin I.E. (2022b) Modeli legitimatsii i alternativy socialnoy dinamiki [Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. no. 2, pp. 78–94.

Diskin I.E. (2021b) Ponimayushaya skorb o krahe liberalizma [Understanding Sorrow for the Collapse of the Liberalism]. *Tetrad po konservatizmu*. no. 4, pp. 26–37.

Ilyin I.P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada. 213 p.

Inglehart R., Welzel Ch. (2011) *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy. Sequence of Human Development]. Moscow: Novoye izdatel'stvo. 464 p.

Gaydenko P.P. (1989) Hose Ortega-y-Gasset i ego “Vosstaniye mass” [José Ortega-y-Gasset and his «Rise of the Masses»]. *Voprosy filosofii*. no. 4, pp. 155–169.

Neklessa A.I. (2021) Zivlitzatsiya kak prozess: multiplitsirovanniye subyekty Postmoderna [Civilization as a Process: Multiplied Subjects of the Postmodern]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. no. 5, pp. 39–55.

Nietzsche F. (2012) Rozhdeniye tragedii iz duha muzyki [The Birth of Tragedy from the Spirit of the Music]. In: Nietzsche F. *Polnoye sobraniye sochineniy v 13 tomah*. Vol. 1. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 416 p.

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture Matters: How Values Shape Human Progress] (2002) Ed(s): L. Harrison, S. Huntington. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 320 p.

Kotysh K.E. (2020) Sobytiye svobody: opyt dekonstruktsiyi [Freedom Event: The Deconstruction Experience]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. no. 2, pp. 21–36.

Kun T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress. 300 p.

Liotard J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The State of Postmodern]. Moscow: Institut eksperimental'noy sociologii; Spb: Aletaya. 160 p.

Ortega-y-Gasset H. (2000) Vosstaniye mass [The Revolt of the Masses]. In: *Izbranniye Trudy*. Moscow: Vesmir. 702 p.

Pobedonostsev K.P. (1993) *Velikaya lozh nashego vremeni* [The Great Lie of Our Time]. Moscow: Russkaya kniga.

Popper K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open Society and Its Enemies]. Moscow: Fenix. 1992.

Ravochkin N.N. (2021) *Rol' idey v stanovlenii i transformatsii politico-pravovykh institutov sovremennogo obshchestva* [The Role of Ideas in the Formation and Transformation of Political and Legal Institutions of Modern Society]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk. Tomsk.

Smalzer N. (2021) Ratsionalnoye i ambivalentnoye v socialnykh naukakh [Rational and Ambivalent in the Social Sciences]. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii*. no. 1, pp. 22–46.

Shestopal E., Rogach N. (2020) Idealnye predstavleniya kak faktor vospriyatiya realnogo politicheskogo lidera [Ideal Representations as a Factor in the Perception of a Real Political Leader]. *Polis. Politicheskoye issledovaniye*. no. 4, pp. 166–180.

Tzendrovskiy O. (2015) Kulturno-mirovozzrencheskiye osnovaniya globalno-setevogo obshchestva v XXI veke [Cultural and Ideological Foundations of the Global Network Community in the 20th Century]. *Chelovek i kultura*. no. 5, pp. 1–57.

Ung K. (1991) *Arhetip i simvol* [The Archetype and the Symbol]. Moscow: Rennesans. 304 p.

Vattimo G. (1988) *The End of Modernity: Nihilism and Hermeneutics in Post-Modern Culture*. Cambridge: PolityPress.

Информация об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Expert, Centre for Civil Society Studies and the Nonprofit Sector, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 09.01.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.02.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010021
EDN: NBCZTP

Оригинальная статья / Original article

Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего «компаратора»¹

© Л.Г. ФИШМАН

Фишман Леонид Гершевич, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия),
lfishman@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5062-8291

В статье рассмотрена трансформация использования понятия ресентимента в политической борьбе. Показано, что изначально эта концепция была сформулирована скорее с правых идеологических позиций, чтобы «разоблачать» якобы «истинную» подоплеку действий и идеологием левых и прогрессивных сил. Однако со временем левые и либералы также взяли ее на вооружение. Они начали находить у оппонентов почти все те черты, в которых их обвиняют правые. Представлены причины, которые сделали возможным такой разворот концепции. Обращено внимание на то, что оба правых классика ресентимента (Ф. Ницше и М. Шелер) ссылаются на понятия нормативности, нормальности, образцовости, некоего естественного порядка. Образец такой нормативности, вымышленный ницшевско-шелеровский аристократ, служит в базовой концепции ресентимента примером «господина» и объектом для сравнения, «компаратором». Однако в современных обществах такого общепризнанного господствующего социального субъекта нет. На его место претендуют различные политические силы и социальные группы. Таким образом, все противоборствующие стороны получают возможность уличать друг друга в ресентименте, и правая монополия на использование этой концепции оказывается разрушенной.

Ключевые слова: господин, левые, правые, ресентимент, Ф. Ницше, М. Шелер, «компаратор»

Цитирование: Фишман Л.Г. (2022) Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего «компаратора» // Общественные науки и современность. № 1. С. 20–33. DOI: 10.31857/S0869049923010021, EDN: NBCZTP.

¹ В данной статье используется встречающееся в зарубежной литературе слово *comparator*, которое означает образец, отсылающий к определенной социальной позиции, символизирующей «нормальность». На него должны ориентироваться члены общества, чтобы достигнуть необходимой степени успешности.

The Concept of Ressentiment and Modernity: In Search of Elusive Comparator

© L. FISHMAN

Leonid G. Fishman, Institute of Philosophy and Law, UrB RAS (Ekaterinburg, Russia), lfishman@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5062-8291

Abstract. This article examines the transformation of the resentment concept in political struggle. Originally, the concept of resentment emerged from right-wing ideological positions and was used to «expose» the supposedly «true» background of the actions and ideologies of left-wing and progressive forces. However, over time leftists and liberals also adopted it. They started finding in their opponents almost all the same features that the right accused them of having. The reasons that made this reversal possible are analyzed. The attention is drawn to the reference to normativity, normality, exemplarity, a certain natural order from both right-wing classics of the concept of resentment (F. Nietzsche and M. Scheler). The example of this normativity, the fictitious Nietzschean-Schlerian aristocrat, serves in the basic concept of resentment as an example of «master» and an object of comparison, a comparator. In modern societies, however, there is no such universally recognized superior social subject. Various political forces and social groups qualify for his place. Thus, all adversaries get the opportunity to accuse each other of resentment, and the right-wing monopoly on the use of this concept is overtaken.

Keywords: master, left, right, resentment, F. Nietzsche, M. Scheler, comparator

Citation: Fishman L. (2022) The Concept of Ressentiment and Modernity: In Search of Elusive Comparator. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 20–33. DOI: 10.31857/S0869049923010021, EDN: NBCZTP.

Введение

Сегодня представители политических сил противоположной идеологической направленности нередко обвиняют друг друга в ресентименте. В нем с равным успехом уличают как старых и новых левых, так и правых популистов, сторонников Трампа и т. д. Подобная ситуация наблюдается в супердержавках вроде США, где взаимные обвинения в ресентименте стали привычной частью соперничества демократов и республиканцев. Она сложилась и в небольших государствах вроде Венгрии, где на протяжении многих лет правые и левые обличали ресентимент друг друга в двух областях. Каждая из противоборствующих сил сосредоточилась в основном на одной из них: правые концентрировались на культуре, а левые – на партийной политике [Balázs 2021, 234]. Следует обратить внимание на то, что такое положение сложилось относительно недавно. Концепцию ресентимента обычно ассоциируют со взглядом на социальную реальность со стороны правых. Изначально и до сих пор к ней обращались правые мыслители и публицисты, чтобы «разоблачать» левых, революционеров, либералов. Однако в последние десятилетия левые (леволиберальные) авторы стали активно использовать ее, чтобы обличать теперь уже правых популистов и реакционеров². Как такая ситуация стала возможной? Почему данная идея превратилась в обоюдоострое оружие?

² Понятие «правый» здесь и далее используется в широком смысле – как позиция сторонников консервации существующих социально-политических порядков и сохранения положения тех социальных групп, которые сами для себя выглядят образцами социальной нормативности. Соответственно, термин «левый» обозначает по-

Правое оружие в правой руке

Концепция ресентимента³ изначально формулировалась как вполне однозначная правая позиция, если не прямо «реакционная». Убедиться в этом можно, обратившись к работам ее основателей – немецких философов Ф. Ницше и М. Шелера.

Дискурс о ресентименте у Ф. Ницше фокусируется на ущербной во всех отношениях личности низкого социального происхождения. Ей он противопоставляет личность благородную, гармоничную, сильную – образец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Для Ницше типично возводить хорошее к аристократическому, а плохое ассоциировать с плебейским: «Ориентиром, выводящим на правильный путь, стал мне вопрос, что, собственно, означают в этимологическом отношении обозначения “хорошего” в различных языках: я обнаружил тут, что все они отсылают к одинаковому преобразованию понятия – что “знатный”, “благородный” в сословном смысле всюду выступают основным понятием, из которого необходимым образом развивается “хороший” в смысле “душевно знатного”, “благородного”, “душевно породистого”, “душевно привилегированного”: развитие, всегда идущее параллельно с тем другим, где “пошлое”, “плебейское”, “низменное” в конце концов переходит в понятие “плохое”» [Ницше 1990, 418]. Ницше пишет о «высокородных» людях, которые чувствуют себя счастливыми, потому что они «позитивны», активны, не лгут себе [Ницше 1990, 453], – в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей» [Ницше 1990, 426]. Такие индивиды – крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что – забывал)» [Ницше 1990, 426]. «Активный, наступательный, преступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный... От того фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал и более свободным взглядом, более спокойной совестью...» [Ницше 1990, 453]. В случае, если у благородного человека и проявляется ресентимент, он быстро исчезает и не отравляет его. Идеализированному аристократу противопоставлены люди *ressentiment*: «эти физиологически увечные и истощенные червями существа» [Ницше 1990, 494], которые придумали самую «нечистую совесть». Наличие отталкивающих черт в аристократах приписывают негативному влиянию низов. «Рабское» в иерархии ценностей Ницше – это низкое в самих верхах, результат проникновения худших психологических свойств политически пассивной массы в господский менталитет: «“светская чернь”, “мещанство во дворянстве”, “дикие помещики”, “смесь французского с нижегородским” и т. д.» [Диденко 2012, 82]. Согласно ницшевской концепции ресентимента, если индивид долго испытывает характерные для него чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек, и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств.

Отдельно следует указать, что, согласно классической концепции ресентимента, люди ресентимента не могут иметь правильного представления о справедливости, так как они

зицию сторонников изменения существующих социальных порядков, которые выступают от имени ранее ущемленных и дискриминируемых социальных групп, обладателей новой нормативности.

³ Ресентимент – феноменальное единство переживаний и действия, обусловленное бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью «отомстить» виновникам перманентного унижения.

возмущены несправедливостью, подвержены чувству негодования, желанию отомстить. Как замечает А. Прокофьев, «в современной этической мысли... первичный импульс мстительности (и в определенной мере – первичный импульс зависти) является а) универсальной энергетической основой чувства справедливости, б) структурным прообразом этого чувства... тот, кто не имеет способности к первичным мстительным переживаниям, оказывается лишен возможности превратиться в справедливого человека. Он может стать гением альтруистического служения другим людям, но опыт справедливости будет знаком ему только внешне» [Прокофьев 2013, 190]. Ницше же всячески стремится отделить чувство справедливости от ресентимента, описывая его исключительно как реактивную месть, а справедливость – как безэмоциональное дистанцирование от всяческой субъективности и личной обиды. Понятно, что при такой постановке вопроса истинное чувство справедливости ведомо только аристократам, которые не склонны к мстительности. Именно они и формулируют объективные законы, которым людям ресентимента остается лишь безоговорочно подчиняться: «для людей ресентимента безоговорочное исполнение закона (каким бы он ни был по своему содержанию), а равно основанные на законе оценки представляют собой максимум совершенства. Они, имея неограниченную склонность к мести, подвергаются жесткому воспитательному воздействию, чтобы стать в минимальной степени мстительными. Однако для тех, кто создает законы, последние имеют характер “частных средств” выражения воли к власти, их содержание задано целью усиления воли к власти. Для представителей “активных и агрессивных сил” правовые ситуации являются “исключением”, а нарушение закона может оказаться столь же ценно, как и его соблюдение, если, конечно, нарушение не вызвано приступом реактивных аффектов» [Прокофьев 2013, 191]. Иными словами, для аристократа закон – который он, может быть, сам и сформулировал – не писан, а писан он только для черни. Именно такое представление о справедливости вытекает из классической концепции понимания ресентимента.

Философу во многом вторит М. Шелер. Он трактует ресентимент как «самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» [Шелер 1999, 13–14]. Ресентимент возникает там, где «особая сила этих аффектов идет рука об руку с чувством бессилия от невозможности претворить их в поступки, и поэтому их “сдерживают, закусив губу”, – из-за физической или духовной слабости, из страха и трепета перед тем, на кого направлены аффекты. Почва, на которой произрастает ресентимент, это прежде всего те, кто служит, находится под чьим-то господством, кто понапрасну прельстился авторитетом и нарвался на его жало» [Шелер 1999, 18].

Как и Ницше, Шелер считает ресентимент отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Важное место в его концепции занимает представление о некоем «вечном ранговом порядке ценностей» и «соответствующих ему аксиоматически ясных законах предпочтения, которые столь же объективны и столь же “очевидны”, как и истины математики. На данном порядке основана подлинная нравственность. «Ресентимент же – источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь» [Шелер 1999, 56] (Р. Генон, который упоминается в связи с этим пасса-

жем Шелера, тот же самый порядок вещей называет «нормальным»⁴). Из высказываний Шелера по данному поводу можно заключить, что для него вечному ранговому порядку ценностей в социальном смысле наиболее близок феодально-сословный порядок со всеми вытекающими следствиями.

Концепцию ressentiment Шелера во многом можно считать инвариантом концепции Ницше, основанной на противопоставлении аристократов и плебеев. Данная тенденция заметна даже в том пункте, в котором, как считают, позиция Шелера противоречит позиции Ницше – в вопросе о сущности христианства. Шелер (в отличие от Ницше) не считал подлинный дух христианства проявлением ressentiment. Несмотря на это, обнаруживается «странная связь между Ницше и Шелером в том смысле, что то, что Шелер называет истинной неизвращенной христианской любовью, имеет несколько общих черт с чистой ницшеанской “белокурой бестией”: жизненность, благородство духа и, прежде всего, склонность быть “активным”, а не “реактивным”. Когда Шелер порицает буржуазную современную этику – например, выраженную в социальном чувстве или альтруизме, – и призывает к любви, которая проистекает “из изобилия силы, благородства и жизненной силы”, в нем прослеживаются следы определенного позднеромантического аристократизма»⁵.

Философ рассуждает о целостном чувстве собственного достоинства, свойственном «благородному человеку», которое не «складывается» из особых чувств, основанных на ценности его отдельных качеств, способностей, дарований, а «составляет скорее саму его сущность и бытие». «Напротив, глубинный корень “подлости” (в точном смысле слова) заключается в том, что ощущение собственного достоинства и достоинства другого основано только на схватывании отношения между собственной ценностью и ценностью другого, а также в том, что вообще ясно осознаются только те качества, которые представляют собой “возможные” дифференцирующие значения между собственной ценностью и ценностью другого. “Благородному человеку” ценности даны в переживании до сравнения; подлый переживает их впервые лишь в сравнении и через его посредство» [Шелер 1999, 28–29]. Данный пассаж может показаться нейтральным, однако очевидно, что мнение представлено с точки зрения «благородного» – индивида, которому нет нужды (во всех смыслах) глядеть на другого с точки зрения «больше», «меньше», «выше», «ниже». Позиция Шелера – это в конечном счете позиция аристократа в морали, что видно и из последующих его рассуждений, которые должны выявить подоплеку современных взглядов на собственность. «Согласно их взглядам, – утверждает Шелер, – право собственности происходит из трудовой обработки вещей, а не из захвата или чего-то еще. Ясно, что этот новый масштаб ведет к радикальной критике существующего порядка собственности, поскольку право собственности исторически восходит к захвату, войне и дарению, к праву первородства и т. д. Все наследственное право, базирующееся на этих предпосылках, становится в принципе уязвимым, раз его нельзя представить как чисто техническое средство

⁴ «Поскольку “западное сознание” сложилось только в ходе недавнего периода истории, то и о противоположном, сугубо “восточном сознании”, можно говорить лишь применительно к настоящему времени. Изначально же это “восточное сознание” было поистине присуще как людям Востока, так и людям Запада, так как его происхождение совпадает с происхождением самого человечества. Таким образом, его вполне можно назвать “нормальным сознанием” уже потому, что оно в большей или меньшей степени лежало в основе всех известных нам цивилизаций за одним лишь исключением – цивилизации современного Запада». См.: Генон Р. Кризис современного мира. lib.ru. (<http://lib.ru/POLITOLOG/genon.txt>).

⁵ Bondi D. (2021) Victimism as the contemporary form of ressentiment. The paradoxically Christian roots of our culture's secular morality. *Dialegethai. Rivistatelematica di filosofia* [online], vol. 23. 31.07.2022. (<https://mondodomani.org/dialegethai/>).

распределения вещей, наиболее целесообразное с точки зрения плодотворного труда над ними... Разве не очевидно, что в основе этой “теории” лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда, что как раз поэтому их право собственности и объявляется либо принципиально иллюзорным, либо всего лишь результатом насилия, так что лишить их его – якобы “справедливое” дело?» [Шелер 1999, 155].

Шелер считал, что в былом сословном социальном порядке происходила «осмысленная селекция лучших», что соответствовало «живой природе аристократии». Остатки этой системы были выброшены на свалку истории, чтобы «гешефт можно было делать еще лучше». В итоге общество атомизировалось, а «вместо “сословия” – понятия, в котором групповое единство определяется благородной кровью и традицией, – появляется пустое понятие “класса”, то есть группы, объединенной на основе собственности, так называемого “образования” и известных модных нравов» [Шелер 1999, 183].

Вне зависимости от того, насколько описываемый Ницше и Шелером облик идеальной аристократии соответствует реальному положению дел, следует обратить внимание на то, что оба правых классика концепции ressentiment регулярно отсылают к нормативности, нормальности, образцовости, некоему естественному порядку и т. д. В современности именно данная особенность приведет к трансформации использования концепции ressentiment.

Следует отметить, что авторская интерпретация классической концепции ressentiment не претендует на исчерпывающий характер. В первую очередь она имеет критическую природу, что подразумевает дистанцирование от того, что сами создатели классических концепций думали об обнаруженном ими феномене. Автор заранее согласен с замечанием о том, что воззрения Ницше и Шелера значительно сложнее, чем они здесь представлены. В рамках данной статьи рассматривается не только то, что концепция ressentiment и сам ressentiment представляют собой в толковании Ницше и Шелера. Предметом исследовательского интереса выступает сама специфика трактовки, при которой ressentiment обнаруживают там, где другой, быть может, нашел бы нечто иное – праведное негодование, объяснимое желанием отомстить, объективно обусловленное бессилие и т. д., но не специфический феномен ressentiment во всей его сложности. В исследовании наибольшее внимание уделено тому аспекту классической концепции, у которого существует прямая преемственность с современным взглядом (правого или левого толка), обнаруживающим ressentiment. Соответственно, сделан акцент на ницшевско-шелеровской фигуре аристократа как вымышленном нормативном образце, с точки зрения которого другие социальные ориентации рассматриваются как позиции носителей ressentiment.

В современной интерпретации характерной чертой правой концепции ressentiment, которая в общих чертах совпадает с классической, стал упор на психологизм, склонность к деполитизации социальных вопросов. Когда же определенный вопрос политизируют, это происходит в антидемократическом духе с отсылкой к мифическому «здоровому» псевдоаристократическому этосу успешных людей. Обвинение в ressentimentе по-прежнему представляет собой излюбленный прием правых – особенно когда они ставят себе цель «разоблачить» левых. Современные правые обычно отсылают к психологическим аспектам концепции ressentiment Ницше: они критически анализируют леволиберальные риторики виктимности и разделяют (в своем специфическом стиле) ressentiment на полезный и нетерпимый. Так, например, Р. Скрутон считает, что «ressentiment – это, конечно, не очень хорошее чувство как для того, к кому его испытывают, так и для того, кого оно охватило... Для политического тела ressentiment – это как боль для живого тела: плохо ее испытывать, но хорошо иметь возможность ее ощущать. Ведь без такой способности мы не выживем. Поэтому у нас не должен вызывать раздражение тот факт, что мы раз-

дражаемся. Нужно принять его в качестве особенности человеческого состояния и управлять этим чувством наряду с остальными радостями и горестями. Однако resentment может стать определяющей эмоцией и общественной идеей и в результате высвободиться из тех уз, которые обычно его сдерживают. Это случается, когда resentment теряет свой специфический объект и переключается на общество в целом. Такая ситуация, как мне кажется, всегда имеет место, когда левые движения берут верх. Resentment перестает быть реакцией на чей-то незаслуженный успех и вместо этого становится экзистенциальной позицией человека, преданного миром» [Скрутон 2021, 29–30].

Иными словами, сам по себе resentment полезен как признак проблем, но вредны попытки сделать его влиятельной идейной и политической силой, которые как раз и позволяют ощущать социальную боль именно как социальную боль, а не совокупность индивидуальных переживаний, каждому из которых можно найти индивидуальное же объяснение и на этом основании пренебречь ими. Можно страдать и возмущаться сколько угодно, но не надо осмыслять свое страдание и, тем более, строить на этом некие ложные теории, чреватые тоталитаризмом. Достаточно уже существующих верований, традиций и законов («устоявшейся культуры семьи, предпринимательства, Бога и флага» [Скрутон 2021, 109]), остальные представляют собой вредный resentment.

Правый взгляд на resentment и сейчас в целом воспроизводит логику Ницше и Шелера, равно как и «риторику реакции» [Хиршман 2010] в целом. Он считает любое недовольство, ведущее к переоценке ценностей, протесту, формулированию эмансипирующих, революционных и прогрессистских идеологем, плодом зависти аутсайдеров к успешным людям – resentmentом. В то же время для него характерно также описывать и откровенно правые, фашистские движения как вызванные resentmentом⁶, потому что их динамика обусловлена демократическими и эгалитарными социальными процессами. В трактовке правых концепция resentmentа, как утверждает М. Оденапсен, сводит механизм политики к грубому психологизму и таким образом служит для снижения влияния идей. Во «вселенной resentmentа Шелера и тер Браака» законные политические притязания можно отличить от resentmentа только по их конструктивному и практическому характеру. Концепция resentmentа предназначена для подавления политического. Она ставит под сомнение любое утверждение, которое выходит за рамки существующей политической парадигмы. Понятие resentmentа «продолжает подразумевать недоверие к демократии и эгалитаризму, оно подразумевает исключение масс, поскольку они не считаются достаточно рациональными, чтобы выдвигать законные политические претензии, незапятнанные resentmentом» [Oudenapen 2018, 183].

Правое оружие в левой руке

Однако со временем левые и либералы также взяли на вооружение концепцию resentmentа. Они начали находить у оппонентов почти все те же черты, в наличии которых их обвиняют правые – неискренность и риторику виктимности. Левые ухватились за другой конец этого изначально правого идейного орудия, указывая на то, что комплекс чувств и практик, характерный для многих правых, приводит к реальному бессилию, да и вообще не призывает к действиям. Следовательно, именно он и заслуживает названия resentmentа.

Условная леволиберальная позиция рассматривает resentment в основном как стабилизирующий фактор в консервативном – если не реакционном – смысле этого слова. В частности, дискурс о resentmentе способствует деполитизации в той степени, в кото-

⁶ Так еще в 1930-е гг. объяснял возникновение национал-социализма нидерландский публицист М. тер Браак.

рой он объясняет социальные и политические явления в психологических категориях. В оптике левых исследователей ресентимент выступает безопасной для существующего порядка вещей стратегией сокрытия от себя самого настоящих (объективных социально-экономических) причин своих бедствий через перенос тайного стыда от потери былого статуса на другие социальные группы (женщин, цветных, мигрантов и т. д.), что и является содержанием правого популизма.

Левые, в частности немецкая исследовательница Р. Джегги, рассматривают концепцию ресентимента как инструмент для анализа роста «антигендерных, антимигрантских, антиэгалитаристских, антидемократических, гомо- и трансфобных, маскулинистских, а также антисемитских и антимусульманских настроений». Обращение к концепции ресентимента призвано помочь ответить на вопрос о том, почему множественные кризисы капитализма, неолиберализма и т. д. ведут не к освободительным движениям, а к «реакционным, авторитарным и фашистским тенденциям». Помимо прочего, она объясняет, почему авторитарные и правые популистские движения «тратят непропорционально много политической и эмоциональной энергии на дискредитацию так называемой леволиберальной культурной элиты или политики меньшинства». Движения, подпитываемые ресентиментом, таким образом, описывают как симптомы всеобъемлющего кризиса, и они выглядят не просто аморальными и возмутительными, но несводимыми к неожиданному и случайному отступлению от «прогрессивных» достижений» [Jaeggi 2019].

В левом дискурсе ресентимент рассматривают как черту правого популизма, что отличает его от комплекса чувств, присущих участникам левых движений. И левые, и правые популисты, формулируя свои программы, могут отталкиваться от почти идентичных эмоций своих сторонников. Разница лишь в том, на какой объект эти эмоции потом направляют. Так, М. Сальмела и К. фон Шеве считают, что правые популисты используют такие негативные чувства, как страх, бессилие, неуверенность, бесполезность или стыд, чтобы разжигать недовольство среди своих сторонников. Левые же популисты применяют стратегии, которые способны «превратить эти чувства в негодование без участия ресентимента». Сторонники правых популистов, предполагают исследователи, испытывают тайный стыд из-за реальной или угрожающей утраты статуса, подрыва своей социальной идентичности, обусловленного рядом объективных экономических и политических факторов. Правый популизм связан с эмоциональным дистанцированием от стыда и других негативных эмоций (страх, бессилие, никчемность), тогда как левые популисты принимают и пытаются поддержать «ненадежные идентичности», несмотря на негативные эмоции, которые они генерируют. Иными словами, левые пытаются помочь угнетенным и поддержать их, тогда как правые ищут козла отпущения в лице определенных социальных групп, которых они винят в относительном снижении своего благосостояния и статуса. Их негативные эмоции гнева, негодования и ненависти не разбавлены позитивными и жизнеутверждающими чувствами, в результате чего они и трансформируются в ресентимент. В то же время левые испытывают не только гнев, возмущение и негодование, но и «гордость, радость и надежду, как в различных гражданских движениях за права» [Salmela, von Scheve 2018], что исключает их злокачественное ресентиментное перерождение.

Для правых ресентимент опасен, так как он выступает источником переворотов и негативной динамики в целом, а для левых – потому что он препятствует прогрессу. Ресентимент, утверждает К. Келли, «служит препятствием для движения вперед, потому что он направляет взгляд субъекта назад, привязывая себя к размышлениям о прошлых травмах» [Kelly 2020, 6]. Его описывают как «горький ретроспективный взгляд», который «чувствует себя как дома в реакционности» и ориентирован на возвращение воображаемого прошлого. Возврат к традиционным ценностям в ресентиментном реакционизме носит

скорее сентиментальный, чем идеологический характер. Поскольку ресентимент выступает защитной реакцией на культурные изменения, человек ресентимента противопоставляет «постматериалистическим ценностям мультикультурализма и равенства и позиционирует себя против (пост)модернизации», склонен поддерживать популистов и подвержен воздействию постправды [Capelos, Demertzis 2022, 112]. В отличие от националистической гордости и связей социальной сплоченности, ресентимент не способен вызывать подлинный дух единения. Охваченным им индивидам «не хватает чуткой общности», они не ощущают себя частью коллектива. Узы ресентимента слишком слабы и не могут эффективно сплачивать социальные группы [Capelos, Demertzis 2022, 113]. Иными словами, характерная черта ресентимента – бессилие – ярче всего выражается как раз в его правом обличии, потому что он не способен создать действительно устойчивые социальные связи, объединить людей вокруг позитивных и реальных общих целей. В частности, данная характеристика проявляется в том, что правая ресентиментная риторика – так же, как и левая – отталкивается от виктимности своего субъекта. К. Келли на примере риторики Д. Трампа убедительно показывает, какую роль в ней играет, во-первых, попытка выставить белых жертвами политики толерантности, мультикультурализма, политкорректности, позитивной дискриминации и т. д., и, во-вторых, самоописание Трампа как жертвы постоянных нападок и интриг врагов (данную стратегию перенимают и левые либералы, поскольку в их дискурсе виктимность тесно связана с добродетелью). Таким образом, риторика обиды и негодования превращается в собственно риторику ресентимента: «Трампу удастся выдерживать обвинение в враждебности, не уступая при этом морального превосходства жертвы “угнетателям” своей аудитории – демократам, прессе, преступникам, иммигрантам, иностранным противникам, получателям пособий, движению #MeToo, “глобалистам” и расовым Другим. Поэтому он может осуществлять власть от имени своего электората, не отказываясь от своих притязаний на моральное и эмоциональное возмущение слабых» [Kelly 2020, 6]. Словом, в леволиберальной теоретической оптике обращение к концепции ресентимента объясняет то, «как доминирующие группы сдерживают прогрессивное расширение общественной морали, принижая само понятие гражданской добродетели» [Kelly 2020, 8].

Связано ли то, что левые и леволиберальные авторы перенимали концепцию ресентимента, с их вхождением в истеблишмент, вследствие чего они усваивают изначально правый деполитизирующий взгляд на социальную реальность? Или данная трансформация обусловлена практикой самих правых, которые теперь также описывают себя и свой электорат в категориях виктимности? Может быть, происходит обычное для ситуации возникновения ресентимента явление, когда сближающиеся социальные группы испытывают его по отношению друг к другу ввиду того, что у них остаются реальные или мнимые преимущества перед объектом сравнения? Такая ситуация наблюдалась, в частности, во Франции Старого порядка в отношениях между дворянами и буржуа. Сейчас подобные коллизии повторяются в значительно большем масштабе. Так, «средние классы» Европы и США обнаруживают, что они не имеют былых привилегий (или они уже не приносят достаточно выгоды) по сравнению с мигрантами, цветными, женщинами и пр. Именно в пользу ранее дискриминируемых групп проводят компенсирующую политику. В то же время последние считают свое неудовлетворительное положение следствием сохраняющегося «структурного расизма», сексизма и иных явлений, к которым апеллируют разного толка интерсекционалисты. В любом случае обличение ресентимента становится обоюдоострым оружием, причем обе стороны могут найти обоснование у классиков.

Необходимо отметить, что концепция ресентимента, которую обе стороны используют в современной политической борьбе, является упрощенной рецепцией взглядов Ницше

и Шелера (что, впрочем, не редкость в таких случаях). Принципиально важно, что носителя ресентимента не рассматривают как полноценного психического и морального субъекта, с которым можно говорить на равных. Он всегда в той или иной степени ущербен и представляет собой отклонение от нормы – что бы ни считалось нормой в каждом конкретном случае – потому что его описывают как жертву самообмана насчет своих истинных намерений. Уличить другого в ресентименте, следовательно, означает поставить под сомнение его политическую субъектность, перенеся такого индивида в область психической патологии и моральной незрелости. Последнее означает, что оппонента лишают зрелой морально-психической субъектности, рациональности, адекватного представления об истинных собственных нуждах и интересах – набора признаков, необходимых для субъекта, который вступает в борьбу за власть на легальном поле. Соответственно, фактически применение ярлыка ресентимента исключает оппонента из области политического. В той же мере, в какой его использование взаимно, подавляется сфера политического в целом.

Ускользающий «компаратор»

Почему концепцию ресентимента на сегодняшний день не смогли монополизировать ни правые, ни левые? Потому что, в конечном счете, она отсылает к изменчивому образцу нормативности, происходящему от вымышленного ницшевско-шелеровского аристократа. В современном либерально-демократическом обществе на его место можно поставить разные социальные группы.

Ключевой в концепции ресентимента выступает проблема субъекта: «А судьи кто?». Где та социальная позиция, с которой можно изобличать в ресентименте всех остальных? Вопрос о субъекте представляет собой вопрос о норме. Показательно, что Ницше и Шелер его не обходят, но их ответ фактически является мистификацией: искомым субъектом становится мифологизированный аристократ, который выступает от имени естественного порядка вещей, природы, жизни и т. д. Собственно, в логике Ницше и Шелера появляется слепое пятно: игнорирование пронизанной ресентиментом природы отношений, царящих внутри реальной аристократии, и замена ее аристократией выдуманной. Такой мифический субъект находится вне современного социального порядка, он существует в царстве идей. Его положение – положение «нормы», которая никогда полностью не воплотится в реальности, но нужна реальным индивидам современного общества для сравнения. Выдуманный аристократ становится недостижимым ускользающим объектом для такого сопоставления. В то же время его образ представляют как достаточно прочно связанный с реальностью, поскольку он апеллирует к естественности, природе и жизни. Современную реальность в то же время описывают как следствие отклонения от истинной природы вещей, плод некоей психической, социальной, едва ли не органической болезни.

В дальнейшей эволюции представлений о ресентименте субъект конструируется в зависимости от потребностей разоблачителя ресентимента. Однако его не создают прямо, как то делали основоположники концепции, рисовавшие образ идеального аристократа. Его представляют как нечто само собой разумеющееся, как часть существующего нормативного порядка, результат здесь и сейчас сложившегося консенсуса. Вероятно, такое положение нормально для либерально-демократического, капиталистического общества, в котором данный субъект не имеет (по крайней мере, на уровне идеологии) четкой классовой привязки. Им выступает обобщенный «человек» с его «правами человека», под которыми в разные периоды под шапкой доминирующей и как бы неизменной в своих основах либеральной идеологии молчаливо подразумевали различное содержание. Сегодня,

например, искомым субъектом становятся представители межвоенного поколения мужчин без высшего образования, рабочего класса, религиозные белые европейцы, жители сельской местности с соответствующими консервативными ценностями. Завтра на то же место могут претендовать социальные группы из городских средних классов, социально-либерально ориентированные индивиды с «постматериалистическими ценностями», женщины, мусульмане, иммигранты, люди нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д. [Norris, Inglehart 2019, 15–16]. Проблема заключается в том, что молчаливо подразумевают одно, а официально провозглашают другое понимание нормативности. Данная ситуация сама по себе порождает напряженность, ибо отсутствует понимание того, к какой именно норме отсылают говорящие о чужом ресентименте. Соответствуют ли они сами выбранному стандарту – и возможно ли такое соответствие в принципе? Данные вопросы тесно связаны с представлениями о подлинной природе реальности, которая и порождает то, что считается нормой. В исходной концепции ресентимента такой реальностью считают установленный самой природой и жизнью порядок вещей, который воплощен в институтах идеализированного сословного общества. Модерновое⁷ общество не имеет перед собой такой же четкой картины подлинной реальности, хотя в разное время получают влияние определенные идеологические конструкции, призванные таковую олицетворять. По наблюдению М. Торнтона, несмотря на то, что равенство между гражданами выступает нормой западного демократического либерального общества, «многие граждане не принадлежат к Обществу Равных... норма равенства в значительной степени была прерогативой нормативного гражданина, которого я называю эталонным человеком, потому что он является неизменным объектом для сравнения (comparator) в жалобах на дискриминацию. Этот эталон, как правило, англо-кельтский, трудоспособный, гетеросексуальный и средний класс, а также мужчина. Те, кого конституировали как Иных в силу этой нормы, не были полностью приняты в качестве граждан» [Thornton 2000, 8]. Иными словами, раньше в западных обществах⁸ еще существовал принимаемый по умолчанию «эталонный человек»-«компаратор» (хоть он и не дотягивал до ницшевского аристократа), однако его позиции с тех пор ощутимо пошатнулись, и он на своем опыте ощутил все прелести бытия в «текущей современности». Картина современного общества как минимум «двоится», если рассматривать ее как наложение нормативности «капитализма» на нормативность «демократии». Соответствие критериям гражданина не означает автоматического успеха на капиталистическом рынке. Между тем, и то, и другое необходимо для достижения эмоционального комфорта и исключения ресентимента. Картина усложнится еще больше, если к описывающим подлинную реальность идеологемам добавить идеологему самореализации человеческой личности⁹. В любом случае человек современного современного общества, в отличие от члена идеально-типического сословного общества по Ницше и Шелеру, имеет перед собой по меньшей мере три базовых образца нормативности только внутри национальной общности, не говоря уже об образе успешного человека-космополита глобального мира.

⁷ Модерное общество в данной статье понимается в самом общем смысле – как общество, которое появилось вследствие секуляризации, индустриализации, урбанизации, демократизации и либерализации, замещения сословий классами, развития капитализма и т. д.

⁸ Причем существовал такой «эталон» на протяжении весьма длительного периода, который по историческим меркам закончился совсем недавно.

⁹ Следует отметить, что данная идеологема, 1) в той или иной степени пронизывает представления об успешности во всех остальных сферах современного общества и 2) перекликается с изначальным представлением об аристократическом компараторе как об олицетворении жизненной силы, здоровой агрессии и подлинности бытия.

Заключение

Поскольку в современном обществе образ нормативного субъекта для сравнения столь расплывчат (а в своих истоках и вовсе мифологичен), любой реальный социальный субъект при сравнении с ним будет либо выглядеть отклонением, либо его можно будет без особого труда описать как такового – то есть как «человека ресентимента». Действительно, если суммировать сформулированные в русле концепции ресентимента «правые» и «левые» взгляды на современное общество, оно оказывается пропитанным ресентиментом сверху донизу. Взгляд, который обнаруживает ресентимент вне зависимости от своей политической ориентации, – это в своей основе взгляд субъекта, который стремится выступать с позиции «господина» и нормы. Проблема заключается в том, что его желание не может быть удовлетворено. Обличитель ресентимента, во-первых, на самом деле не является господином и, во-вторых, не может забыть, что, согласно нормам его общества, господином считать себя нельзя. Одновременно морально привилегированный статус жертвы¹⁰ выступает слабым эквивалентом «господина» как олицетворения нормы. Иными словами, в современных, все еще христианских в своей культурной основе обществах статус жертвы традиционно высок. Свидетельством тому становится практика и риторика политкорректности, упор на защиту от разных форм дискриминации, в целом стремление в ряде случаев выставить себя жертвой угнетения и несправедливости даже там, где на это нет весомых оснований. В данном контексте жертву несправедливости и дискриминации можно рассматривать как частичный эквивалент господина – она не обладает его социальным статусом, но имеет высокий моральный статус. Самое главное, что она может позиционировать себя как обладателя истинной рациональности, которая не обманывает себя и других по поводу своего настоящего положения и намерений. Соответственно, обличаемые ею в ресентименте лгут себе и другим, когда говорят, что не являются, например, расистами или сексистами. Однако обличитель ресентимента способен разглядеть их действительный «системный расизм» или такой же сексизм. По сути, упрек в ресентименте «слева» означает в этом контексте обвинение в неспособности стать жертвой, а не притвориться ею, как нередко бывает. «Правый» носитель ресентимента оказывается субъектом, который неспособен полностью и искренне перейти на позицию жертвы, из-за чего он стремится сохранить свой привилегированный статус путем обмана и самообмана.

Так или иначе, потребность если не быть, то выглядеть господином влечет за собой стремление получить статус жертвы – путь, которым идут как представители меньшинств, акцентирующих внимание на своей гендерной идентичности, так и представители правопопулистских течений. Подпытываемые данной практикой взаимные обвинения в ресентименте в лучшем случае приводят к воспроизводству «привилегий тупика», в котором свобода исчезает из-за ресентимента¹¹. Таким образом, в современном обществе нет зон, свободных от ресентимента, потому что последний выступает для него едва ли не главной «духовной скрепой». Он неустраним, поскольку все сравнивают себя со всеми и никто не

¹⁰ Как полагает Д. Бонди, ресентимент можно рассматривать как положительную силу в построении западной этики, по крайней мере, столь же важную, как и процесс поиска козла отпущения, а присущий ресентименту «виктимизм» можно интерпретировать как особую форму ресентимента, строго связанную с христианским учением. Bondi D. Victimism as the contemporary form of resentment. The paradoxically Christian roots of our culture's secular morality. *Dialegethai*. Rivistatelematica di filosofia [on line], vol. 23. 31.07.2022. (<https://mondodomani.org/dialegethai/>).

¹¹ Bassi C. On Identity Politics, Ressentiment, and the Evacuation of Human Emancipation. *Academia.edu*. (https://www.academia.edu/25767467/On_Identity_Politics_Ressentiment_and_the_Evacuation_of_Human_Emancipation_Final_Draft_).

может служить олицетворением нормы. Реальную «норму» современного современного общества представляют скорее как нечто объективно существующее, но не желательное и не привлекательное. Ее видят как серую обыденность и «обычность», от которой должен бежать человек, если он хочет развить в себе некоторую уникальность и стать «успешным» с точки зрения как многочисленных «коучей», так и неолиберальных и близких к ним идеологов. Однако – именно в силу своего негативного характера – такая «норма» и становится необходимым условием для пронизывающего все ressentiment.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Диденко П.И. (2012) Ресентимент либеральной интеллигенции // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. № 3. С. 79–85.
- Ницше Ф. (1990) К генеалогии морали // Сочинения в 2 т., т. II. М.: Издательство «Мысль». 829 с.
- Прокофьев А.В. (2013) Справедливость и ресентимент (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше) // Этическая мысль. № 13. С. 175–198.
- Шелер М. (1999) Ресентимент в структуре моралей. СПб: «Наука», Университетская книга. 231 с.
- Скрутон Р. (2021) Дураки, мошенники и поджигатели. Мыслители новых левых. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 440 с.
- Хиршман А. (2010) Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 208 с.
- Balázs K. (2021) Double Ressentiment: The Political Communication of Kulturkampf in Hungary // Politics and Governance. Volume 9. Issue 3. Pp. 227–236.
- Capelos T., Demertzis N. (2022) Sour Grapes: Ressentiment as the Affective Response of Grievance Politics, Innovation // The European Journal of Social Science Research. Vol. 35. Pp. 107–129.
- Jaeggi R. (2019) Modes of Regression: The Case of Ressentiment. Forthcoming // In: Critical Times: Interventions in Global Critical Theory. DOI: 10.1215/26410478-10030204. (<https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/04/ShortfinalRessentimentRegression2019.pdf>).
- Kelly C. R. (2020) Donald J. Trump and the Rhetoric of Ressentiment // Quarterly Journal of Speech. No. 106. Pp. 2–24
- Norris P., Inglehart R. (2019) Cultural Backlash. Trump, Brexit and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
- Oudenampsen M. (2018) The Return of Ressentiment // In: The Polemics of Ressentiment. London: Bloomsbury Publishing Plc. Pp. 167–187.
- Salmela M., von Scheve C. (2018) Emotional Dynamics of Right- and Left-Wing Political Populism // Humanity & Society. Vol. 42.No. 4. Pp. 434–454.
- Thornton M. (2000) Neo-Liberalism, Discrimination and the Politics of Ressentiment // Law in Context. Vol. 17. Pp. 8–27.

REFERENCES

- Balázs K (2021) Double Ressentiment: The Political Communication of Kulturkampf in Hungary. *Politics and Governance*. vol. 9, issue 3, pp. 227–236.
- Capelos T., Demertzis N. (2022) Sour Grapes: Ressentiment as the Affective Response of Grievance Politics, Innovation. *The European Journal of Social Science Research*. vol. 35, pp. 107–129.
- Didenko P.I. (2012) Resentiment liberal'noj intelligencii [Ressentiment of the Liberal Intelligentsia]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Serya 7. Filosofiya*. no. 3, pp. 79–85.

- Hirshman A. (2010) *Ritorikareakcii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'* [The Rhetoric of Reaction. Perversity, Futility, Jeopardy]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ekonomiki. 208 p.
- Jaeggi R. (2019) Modes of Regression: The Case of Resentment. Forthcoming. In: *Critical Times: Interventions in Global Critical Theory*. DOI: 10.1215/26410478-10030204. (<https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/04/ShortfinalResentmentRegression2019.pdf>).
- Kelly C. R. (2020) Donald J. Trump and the Rhetoric of Resentment. *Quarterly Journal of Speech*. no. 106, pp. 2–24.
- Nicsh F. (1990) K genealogii morali [On the Genealogy of Morality]. In: *Sochineniya. vol. 2*. Moscow: Izdatel'stvo «Mysl'». 829 p.
- Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash. Trump, Brexit and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
- Oudenampsen M. (2018) The Return of Resentment. The Polemics of Resentment. London: Bloomsbury Publishing Plc. Pp. 167–187
- Prokof'ev A.V. (2013) Spravedlivost' i resentment (zametki na polyah «K genealogii morali» F. Nicsh) [Justice and Resentment (Marginal Notes on F. Nietzsche' On the Genealogy of Morality)]. *Eticheskaya mysl'*. no. 13, pp. 175–198
- Salmela M., von Scheve C. (2018) Emotional Dynamics of Right- and Left-Wing Political Populism. *Humanity & Society*. vol. 42, no. 4, pp. 434–454.
- Sheler M. (1999) *Resentiment v structure moralej* [The Resentment in the Structure of Morals]. Saint-Petersburg: «Nauka», Universitetskaya kniga. 231 p.
- Skruton R. (2021) *Duraki, moshenniki i podzhigateli: Mysliteli novyh levyh* [Fools, Frauds and Firebrands. Thinkers of the New Left]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. 440 p.
- Thornton M. (2000) Neo-liberalism, Discrimination and the Politics of Resentment. *Lawin Context*. vol. 17, pp. 8–27.

Информация об авторе

Фишман Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: lfishman@yandex.ru

About the author

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS). Address: 620108, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskoy, 16. Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 9.11.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 27.01.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010033
EDN: NFICRY

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ISSUES OF NATIONALITIES

Оригинальная статья / Original article

Колебания маятника: модель или метафора перемен в национальной политике многосоставного государства? Случай СССР и постсоветской России

© Э.А. ПАИН

Паин Эмиль Абрамович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), epain@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8796-187X

Национальная политика в многосоставных государствах зачастую изменчива и противоречива. Необходимо изучать данные особенности, чтобы выявить общие закономерности этнополитических процессов. Представлен анализ причин колебаний курса национальной политики СССР и, отчасти, политики постсоветской России. Даны критические оценки концепциям «этнополитического маятника» и «маятника национальной политики». Выявлено, что советское руководство, преднамеренно или неосознанно, было непоследовательным в соблюдении фундаментальных принципов национальной политики: право наций на самоопределение, федерализм и права этнических меньшинств. На основе проведенного анализа сделаны следующие выводы. Курс советской национальной политики менялся в зависимости от актуальных политических задач, которые зачастую требовали корректировать идейные принципы или отступать от них. Образ маятника применим скорее как метафора, чем объяснительная модель колебаний курса в данной области. Советский опыт недостаточно осмыслен в современной России, в результате чего сохраняется высокая вероятность этнической и конфессиональной мобилизации граждан.

Ключевые слова: национальная политика, этнополитический маятник, национальное самоопределение, федерализм, права меньшинств

Цитирование: Паин Э.А. (2023) Колебания маятника: модель или метафора перемен в национальной политике многосоставного государства? Случай СССР и постсоветской России // Общественные науки и современность. № 1. С. 34–52. DOI: 10.31857/S0869049923010033, EDN: NFICRY.

Swinging Pendulum: A Model or Metaphor for Change in Policy on Nationalities in Multi-composite States? The Case of USSR and Post-Soviet Russia

© E. PAIN

Emil A. Pain, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), epain@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8796-187X

Abstract. Nationalities’ policy in multi-composite states is often characterized by its fluctuance and even inconsistency. It is essential to study the said characteristics to understand the general patterns of ethnopolitics. The underlying reasons for significant fluctuations in Soviet and Russian nationalities’ policy are analyzed. The concepts of “ethnopolitical pendulum” and “pendulum of nationalities’ policy” are critically assessed. Most attention is paid to the issue of the Soviet leadership’s real and perceived inconsistency in following such key principles of nationalities’ policy in the USSR as the right of nations to self-determination, federalism, and the rights of ethnic minorities. Based on this analysis, the following conclusions are made. First, the changes in Soviet nationalities’ policy were caused by shifting current political concerns, which often demanded correcting or overruling ideological principles. Second, the pattern of a pendulum is more of a metaphor than an explanatory model for analyzing fluctuations in this field. Finally, the Soviet experience remains understudied in modern Russian nationalities’ policy, which has a high probability of ethnic and confessional mobilization.

Keywords: nationalities’ policy; ethnopolitical pendulum, national self-determination, federalism, minority rights

Citation: Pain E. (2023) Swinging Pendulum: A Model or Metaphor for Change in Policy on Nationalities in Multi-composite States? The Case of USSR and Post-Soviet Russia. *Obschestvennye nauki i sovremennost’*, no. 1, pp. 34–52. DOI: 10.31857/S0869049923010033, EDN: NFICRY.

О методологии: неоправданные генерализации

Под национальной политикой в рамках исследования понимается комплекс политических доктрин и действий (политических и организационных мер) государства по отношению к народам (национальностям), проживающим на территории страны¹. Противоречивость присуща национальной политике любого государства хотя бы потому, что в этой сфере отражается противоречивость ее целей: с одной стороны, необходимо поддерживать нормы законодательства (общего для всех подданных или граждан), а с другой, – в той или иной мере учитывать интересы культурно разнообразных групп населения. Чем шире культурное многообразие населения, тем острее в государстве проявляются противоречия национальной политики, и тем чаще и радикальнее может меняться ее курс. Наиболее заметно менялись политические стратегии в отношении этнических и религиозных общин

¹ Данный термин употребляется потому, что именно его применяют в основополагающих государственных документах, таких как Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (обновлена в 2018 г.). Вместе с тем, с научных позиций было бы точнее назвать предметом исследования политику в отношении национальностей (nationalities’ policy) или этнополитику. С утверждением в российском политическом дискурсе понятия «российская нация» под национальной политикой можно понимать всю внутреннюю и внешнюю политику государства-нации.

в государствах, которые включали в себя многочисленные этнические и конфессиональные территории, прежде всего в древнейших (Персидская, Римская, Византийская и др.) и новейших (с XVIII по XX в. – Австро-Венгерская, Британская, Османская, Российская и др.) империях.

Некоторые исследователи предлагают относить государства с ярко выраженными этническими и/или конфессиональными территориями (империи, федерации, конфедерации и др.) к одному типу территориально-государственного устройства, который называют многосоставным государством [Многосоставные... 2019]. Данная дефиниция применима и для описания территориально-государственного устройства, которое веками сохраняется в России. Оно сложилось во времена Российской империи, сохранилось в Советском Союзе и современной Российской Федерации. На протяжении своей истории многосоставное государство характеризовалось не только высокой этнической мозаичностью (СССР называли страной ста «наций и народностей», по данным переписи населения 2021 г., в России проживает почти двести народов), но и исторически сложившимися этническими территориями. За некоторыми из них закреплён особый административный статус – будь то Бухарский эмират как протекторат Российской империи, союзные республики в СССР или республики в Российской Федерации. Все перечисленные типы многосоставного государства периодически меняли политику в отношении к меньшинствам и этническому большинству, к централизации и автономизации этнических территорий.

Реальная, а чаще кажущаяся однотипность изменений национальной политики многосоставного государства вызывала у исследователей стремление построить теоретические модели, которые позволят дать объяснение и даже прогноз направлений перемен.

Основная цель данной статьи – проанализировать возможности моделирования циклической смены политической активности этнических сообществ и, особенно, циклов колебаний курса государственной национальной политики. Такой анализ может быть полезен применительно к отдельным многосоставным государствам. Важная задача исследования – оценить релевантность гипотез о причинах радикальных перемен курса национальной политики Советского Союза и связь этих перемен с базовыми принципами марксистской идеологии. Помимо аналитических, в статье поставлены и просветительские задачи: прежде всего, продемонстрировать реальную сложность этнополитических процессов. В частности, слабо осмыслено то, как на практике совмещаются теоретически несовместимые курсы национальной политики. Также мало изучена принципиальная асинхронность этнополитических процессов. В научном анализе и политической практике принято упрощать эти аспекты, что повышает вероятность ошибочных решений в национальной политике. Предполагается, что ошибочные управленческие решения могут быть следствием недооценки советского исторического опыта.

Оценку моделей цикличности этнополитических процессов следует начать с самокритики. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. автор увлекся данной задачей, что подтолкнуло его предложить концепцию «этнополитического маятника». Она была обоснована в ряде публикаций, в том числе и в монографии, в название которой вошло это словосочетание [Паин 2004]. В этой работе внимание было сосредоточено на анализе смены циклов политической активности (политизации этничности) у представителей этнических меньшинств и этнического большинства. В то же время термин «этническое меньшинство» рассматривался как аналитический конструкт для обозначения представителей всех национальностей, которые не входят в понятие этническое большинство (русские). Изучались колебания этнической политизации за два периода постсоветской истории: президентство Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.) и фактическое, а с 2000 г. и официальное лидерство В.В. Путина (1999 г. – н.в.).

Первый период прошел под знаком политической активности этнических меньшинств: «парад суверенитетов» российских республик в 1990–1991 гг., «осетино-ингушский» конфликт, референдум о суверенитете Татарстана с требованием признать его международный статус (1992 г.), чеченский конфликт (1994–1996 гг.). Данные процессы демонстрировали политизацию этничности в среде меньшинств. К концу 1990-х гг. начался спад их активности. Обратную динамику продемонстрировали представители этнического большинства России. Политизация их этничности не наблюдалась в первый из названных периодов, но значительно активизировалась во второй. Исследования Института социологии РАН показали, что с середины 1990-х гг. рост этнического самосознания русских и его темпы оказались вдвое выше, чем у других народов России. Быстрее всего усилились наиболее эмоционально выраженные и политизированные его формы. В 1994 г. не более 8% русских в республиках России отвечали, что «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа», однако в 1999 г. с данной установкой согласились более четверти русских респондентов [Паин 2004, 184–185]. Тогда быстро росла и поддержка радикального националистического лозунга: «Россия – для русских». По данным ВЦИОМ (тогда им руководил Ю. Левада), доля людей, которые полностью или частично поддерживали эту идею, возросла с 45% до 55% опрошенных за период с 1989 по 2002 гг. [Общественное... 2002, 128].

Этническая политика обоих российских президентов имела реактивный характер – она формировалась как ответ на актуальные вызовы. В эпоху Ельцина они исходили от меньшинств, а в период Путина – от этнического большинства. Анализируя перемены в ситуации и реакцию политиков, автор предположил, что рост этнической политизации русских, прежде всего этноцентристских групп (т.н. «этнические антрепренеры»), стал ответом на предшествующую активизацию таких же акторов в среде меньшинств. Данная гипотеза легла в основу концепции «маятника», главный признак которого заключается во взаимозависимости колебаний: движение в одном направлении вызывает ответное движение в противоположную сторону. Автор прогнозировал, что политическая активизация этнического большинства в конце 1990-х гг. вызовет ответную активность меньшинств в начале 2000-х гг., в результате чего завершится полный цикл колебаний маятника. Однако эта гипотеза не подтвердилась. После 2004 г. вместо нового цикла политизации российских этнических меньшинств начался ее спад. В 2000-е гг. изменилась и область этнополитической напряженности: она переместилась из этнически специфичных регионов России в крупнейшие города. Данные процессы были связаны уже не с проявлениями сепаратизма в российских республиках, а с миграцией выходцев из бывших республик СССР. Со временем автор переосмыслил причины чередования активности этнических меньшинств и этнического большинства в 1990-е гг. Эти процессы могли быть связаны не столько с «ответом» одних этнических групп на действия других, сколько с разной скоростью групповой консолидации этнических меньшинств и большинства.

Скорее всего, причина всплеска политизации этничности была общей для обоих этих типов общностей. Распад СССР, подобно другим радикальным переменам в мировой истории, породил кризис гражданской идентичности и стимулировал сплочение людей в рамках традиционных общностей – этнических, конфессиональных и земляческих. Этнические и конфессиональные меньшинства, особенно их локальные группы, консолидируются быстрее, чем этническое большинство. Первым проще найти в своей исторической памяти обиду, которые они интерпретируют как этническую дискриминацию.

Следует подчеркнуть, что модель маятника не отображала сущность наблюдавшихся процессов, в результате чего автор стал употреблять словосочетание «этнополитический маятник» исключительно как метафору любых колебаний в этнополитической сфере

[Pain 2013]. Можно предположить, что модель маятника в принципе не может быть релевантной для социальных, культурных и политических процессов, которые менее детерминированы и уравновешены, чем колебания механического прибора. Однако данный образ продолжал интересовать исследователей этнополитических процессов. Группы ученых продолжили теоретические эксперименты по моделированию цикличности этнополитических процессов.

В 2017 г. петербургские политологи предложили свою версию модели – концепцию «маятника национальной политики». По их мнению, в советской истории можно было зафиксировать следующую цикличность: «...мягкие волны в национальной политике СССР (защита интересов меньшинств, своего рода мультикультурализм, или «коренизация») чередовались с жесткими (ставка на русификацию), причем каждая новая волна выглядела как реакция на недостатки и “перегибы” предыдущей» [Щербак и др. 2017, 99–100]. Гипотеза опирается на «геополитическую теорию этничности» американского социолога Р. Коллинза. Согласно ей, в мирное время государство в лице правительства готово учитывать интересы меньшинств, однако в периоды геополитической напряженности оно старается подчинить их интересам большинства, делая упор на национальное единение [Collins 2004].

К истории Советского Союза теория Р. Коллинза безусловно не применима. Исходя из нее, правомерно предположить, что «мягкие» волны национальной политики должны были приходиться на мирные периоды советской истории, а «жесткие» – на периоды войн и конфликтов. Между тем в Советском Союзе массовые депортации граждан по этническому признаку начались в относительно стабильные годы, задолго до войны². В годы Великой Отечественной войны власти стремились опираться на поддержку меньшинств и продвигали их представителей на командные посты в армии и руководящие должности на предприятиях оборонной промышленности [Лаин 2023, 178–180]. Впрочем, и в годы войны советская национальная политика была разнонаправленной, поэтому опора на одни группы меньшинств сопровождалась депортацией ряда других этнических общностей (1941–1943 гг. и 1944 г.). Следовательно, невозможно выделить циклы «мягких» и «жестких» волн в данный период, поскольку почти каждый фрагмент истории СССР сочетал в себе политику обоих типов. Например, некоторые обозреватели называли «русификацией» радикальное изменение этнического состава населения Казахстана вследствие организованного центральной властью притока в республику русскоязычного населения и вытеснения казахского языка русским. Этот процесс наблюдался как в военные, так и в послевоенные годы – особенно при освоении целины (1954–1965 гг.).

Насильственные переселения сочетались с политикой «коренизации». Она проявлялась, например, в создании государством преимуществ для получения высшего образования представителями титульных национальностей. Такая политика проводилась во всех республиках Средней Азии, однако лишь в Казахстане доля студентов-казахов не только росла, но и постоянно превышала долю русских учащихся. Индекс представленности студентов разных национальностей Института этнологии РАН показал, что в 1961 г. в Казахстане на 135 казахов приходилось 103 русских, а в 1979 г. соотношение составило уже 133 казаха на 90 русских, в 1989 г. диспропорция стала еще заметнее (на 147 казахских студентов приходилось только 83 русских) [Русские... 1992, 101]. В то же время доля казахов в крупнейших вузовских городах республики не дотягивала до доли русских горожан.

² Как показывают исследования П. Поляна, уже в 1928–1933 гг. проводилась массовая депортация финнов и ингерманландцев; в 1936 г. – депортация поляков; в 1937 г. – началась тотальная депортация многих народов из разных регионов страны. Массовыми были и послевоенные депортации народов 1946–1953 гг. [Полян 2005].

Например, в 1986 г. казахи составляли 75,8% от численности всех студентов алматинского Казахского государственного университета, но менее трети от численности населения Алма-Аты [Паин 2023, 218].

Стоит упомянуть еще один признак искусственно созданных преимуществ для представителей титульных национальностей в большинстве союзных республик. Их представители преобладали в составе руководящих органов партии и государственного управления непропорционально численности этнических групп в населении республик. В некоторых субъектах такие диспропорции были особенно заметны. Например, в Молдавии 1970–1980-х гг. служащие-молдаване в 1,4 раза превышали долю русских в расчете на равную численность жителей (10 тыс.). В Грузии показатель был даже больше – в 2,5 раза [Русские... 1992, 127].

Вместе с тем, в обеих названных республиках в те же годы проявилось недовольство политикой, которую уже тогда в диссидентских кругах называли «русификацией». В 1976 г. в вузовских городах Грузии прошли протестные акции против перевода обучения студентов технических вузов и естественно-научных факультетов Тбилисского государственного университета на русский язык. 4 апреля 1978 г. в Тбилиси на демонстрацию под лозунгом «против русификации Грузии» вышло несколько десятков тысяч человек. Они требовали включить в проект новой конституции Грузинской ССР статью о грузинском языке как государственном [Паин 2023, 230]. В 1988 г. возникло «Демократическое движение Молдовы», которое добивалось предоставления молдавскому языку статуса государственного и перевода его на латинскую графику.

Далее будут проанализированы последствия противоречивого сочетания двух противоположных политических курсов в советских республиках: содействовать социальному продвижению представителей титульных национальностей, с одной стороны, и ограничить их запросы в сфере национально-языковых отношений, с другой. Следует еще раз подчеркнуть, что несовместимые направления государственной национальной политики не позволяют выявить единый тип национальной политики СССР на протяжении различных периодов его истории. Следовательно, мала вероятность определить строгие временные циклы смены таких типов.

Исходя из данных соображений, это исследование опирается не столько на теоретико-типологический, сколько на конкретно-исторический анализ разнообразных ситуаций в советской национальной политике.

О сочетании принципов: «право наций на самоопределение» и Realpolitik

Существуют разные оценки ленинского подхода к принципу права наций на самоопределение. В.В. Путин не раз называл его бомбой или миной. Выступая на пленарном заседании Общероссийского народного фронта в Ставрополе 25 января 2016 г., он объяснил свою позицию, уточнив, что именно Лениным, а не Сталиным «была заложена мина под здание нашей государственности». «Я имел в виду дискуссию между Сталиным и Лениным по поводу того, как строить новое государство – Советский Союз»³, – подчеркнул российский президент

Американский историк Р. Пайпс иначе толковал происхождение и сущность ленинской концепции права наций на самоопределение. Во-первых, он считал, что между вождями большевиков не было существенных идейных расхождений. Во-вторых, большевистский

³ Путин раскритиковал Ленина за идею равноправия республик с правом выхода из СССР. Интерфакс. 25.01.2016. (<https://www.interfax.ru/russia/491443>).

вариант идеи самоопределения наций исследователь рассматривал всего лишь как имперскую уловку большевиков. Их цель, по мнению Пайпса, заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону национальные движения. На самом деле, по убеждению американского историка, Ленин «всегда желал, чтобы империя продолжала существовать». Следует рассмотреть оба эти представления.

Версия о том, что большевики выдвинули принцип права наций на самоопределение с целью угодить национальным движениям, не подтверждается исторически. Данная концепция была изложена уже в первой программе РСДРП в 1903 г., когда в Российской империи еще не сложились национальные движения, кроме польского. Еще важнее другой факт: в предреволюционную эпоху российские социал-демократы не стремились сохранить империю. Их программа провозглашала противоположную цель: «Низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, в которой должно быть конституционно закреплено: право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»⁴.

Данное программное положение по национальному вопросу и после выхода царского манифеста 17 октября 1905 г. осталось самым радикальным предложением в этой сфере. Тогда новые партии стали публично критиковать государственную политику по отношению к многочисленным народам России. Так, «октябристы» были ярыми сторонниками империи, выступая за «ограждение единства политического тела» России и против какой-либо автономизации. Тем не менее, они хотели смягчить излишнюю жесткость имперской политики и восстановить хотя бы ограниченную к тому времени автономию Финляндии, не допуская никаких других⁵. Программа кадетов включала в себя тезисы об автономном устройстве не только Финляндии, но и Царства Польского. Другим народам предоставлялось лишь право «свободного культурного самоопределения», которое предусматривало возможность сохранить свой национальный язык, традиции и верования, однако административная автономия им не предоставлялась⁶. Партия социалистов-революционеров (эсеры) провозглашала своей целью «установление демократической республики с широкой автономией областей и общин». Эсеры никогда не выступали за распад российского государства – они добивались «федеративных отношений между отдельными национальностями»⁷.

Лишь большевики требовали разделить империю. Ленин в 1914 г. в статье «О праве наций на самоопределение» сформулировал, что «...под самоопределением наций понимается государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»⁸. По его мнению, Россия не представляла собой национальное государство и могла стать таковым, лишь поддержав право украинцев и поляков на создание отдельных от России национальных государств. Годом ранее идею самоопределения наций в результате отделения от Российской империи изложил Сталин в своей первой теоретической работе «Марксизм и национальный вопрос» (февраль 1913 г.). Ленин публично одобрил это сочинение⁹. Именно его одобрение позво-

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970. С. 63.

⁵ Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в. Сост. и ред. И.В. Нам. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // ПСС. Т. 25. С. 258–259.

⁹ Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // ПСС. Т. 23. С. 315–323.

лило Сталину получить в среде большевиков признание в качестве главного специалиста по национальной тематике.

Следует отдельно указать на хронологический период, в который Ленин и Сталин изложили стратегию национальной политики своей партии. Речь идет о кануне и начале Первой мировой войны, когда вопрос о праве наций на самоопределение перестал быть сугубо теоретическим. Государства, которые вошли во враждующие военные блоки (Антанта и Тройственный союз), стремились использовать эту идею, чтобы ослабить своего противника (вплоть до устранения в результате распада). Россия поддерживала сепаратизм балканских народов, которые входили тогда в состав Австро-Венгерской империи. Последняя, в свою очередь, вместе со своим союзником Германией искала уязвимые места в национальном устройстве России. Только Ленин выдвинул идею поражения правительства своей страны и превращения империалистической войны в войну гражданскую. Он придерживался этой концепции не из-за подкупа и «немецких денег», о которых говорят сторонники теории заговора. Лидер РСДРП(б) изложил причины своего интереса к поражению собственного правительства в 1915 г.: проигрыш в империалистической войне и распад империи создавали наилучшие шансы на успех большевистской революции. «Революция во время войны, – писал В. Ленин, – есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами (“поражением”) правительств, а с другой стороны – невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»¹⁰.

Ленин говорил о поражении не только России, но и всех воюющих государств. По его мнению, «во всех империалистских странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству». Однако его заявление представляло собой в основном сугубо риторический прием. Ленин знал об этом. В 1914 г. он писал, что лидеры социалистов Германии и Австро-Венгрии, а вслед за ним и пролетариат этих стран поддерживали свои правительства в войне с Россией. Ленинское понимание самоуправления наций как средства распада империи было отражением его основной политической линии в те годы: «Чем хуже для правительства, тем лучше для революционеров». Большевистское толкование принципа права наций на самоопределение было выражением политического курса, который в XIX в. получил название *Realpolitik*. Однако основоположник этой концепции и теоретик одноименного политического направления Л. фон Рохау изначально подчеркивал приоритет актуальных прагматических задач над любыми долгосрочными идеологическими и моральными соображениями. В свою очередь лидеры большевиков декларировали противоположные приоритеты, стремясь к решению конкретной задачи захвата власти в Российской империи. Такая цель, поставленная маргинальной партией без первоначальной массовой социальной поддержки, вовсе не подразумевала сохранение империи, как полагал Пайпс. Напротив, предполагалось ее разрушение. Стремление обеспечить распад империи объясняет, почему Ленин и Сталин изначально не принимали идеи федерализма, направленного на сохранение многонационального государства. Однако отношение большевистских лидеров к первоначально чуждой им эсеровской идее изменилось после того, как они столкнулись с политической необходимостью, которая потребовала ее переосмысления.

¹⁰ Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // ПСС. Т. 26. С. 287.

О смене подходов к федерализму

В работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин писал: «Но, пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»¹¹. Данное заявление свидетельствует о категоричном отрицании федерализма. В полном соответствии с этой установкой выступал и Сталин. 28 марта 1917 г. в газете «Правда» он опубликовал статью, суть которой отражена в ее названии – «Против федерализма». В ней автор радикально толкует право наций на самоопределение как «право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого», и осуждает эсеровскую идею федерализма¹². Однако уже через несколько месяцев Ленин и Сталин были вынуждены отказаться от критики этой концепции. На III-м Съезде Советов (10 января 1918 г.) большевики смогли получить контроль над делегатами только в союзе с левыми эсерами, которые никогда не отказывались от своего базового требования – федерализма. Чтобы сохранить коалицию, большевики пошли на уступки политическим союзникам. На съезде было принято решение подготовить конституцию федеративного государства (Российская Федеративная Социалистическая Республика). Ленину было поручено изложить основы еще недавно отрицаемых им федеративных принципов, а Сталину, как наркому по делам национальностей, – выступить с докладом «О федеральных учреждениях». В нем следовало обосновать роль институтов в «создании братского союза советских республик России».

Эти метаморфозы обозначили собой начало крутого разворота ленинской и сталинской национальной политики. Идею «самоопределения наций» начали подчинять прагматическим задачам актуальной политики. Данный процесс обозначил окончательную трансформацию идеологизированного курса большевистской национальной политики в сторону Realpolitik. Национальную политику тех лет можно назвать идейной по декларациям и прагматической по содержанию.

В самом начале, в 1918 г., значительная часть национальных регионов России стала претворять в жизнь большевистский лозунг о национальном самоопределении как «государственном отделении». Однако такое практическое применение ленинских идей уже не отвечало интересам лидеров большевиков. Напротив, оно вызвало у них желание пересмотреть концепцию права наций на самоопределение, поскольку идея, выдвинутая для захвата власти, не устраивала партию, которая ее уже обрела. Следует отметить и то, что новые независимые государства – Финляндия, Польша, Литва, Украина, Эстония и республики Кавказа – не демонстрировали дружественности к советской России. Они объединялись против нее с Германией и странами Антанты, а в некоторых случаях и с Белой армией. Указанные обстоятельства в немалой мере повлияли на стремление лидеров Советской России радикально изменить трактовку права наций на самоопределение.

Теоретическое основание для ее обновления было заимствовано, по крайней мере отчасти, у Р. Люксембург, которая в 1908 г. в переписке с Лениным обосновала альтернативное понимание принципа самоопределения наций. По ее мнению, буржуазный национализм узурпировал это народное право, в связи с чем она предлагала исключить данное требование из программы РСДРП. Тогда Ленин не принял ее предложение, но спустя десятилетие использовал идеи Р. Люксембург. Новая ленинская концепция не только не предусматривала обязательный выход национальных окраин из Советского государства, но и осуждала сепессию, называя ее антинародной идеей буржуазных националистов. В дальнейшем

¹¹ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. Т. 24. С. 122–123.

¹² Сталин И.В. Против федерализма. Правда. 28.03. 1917. (<https://litlife.club/books/102953/read?page=5>).

«борьба с буржуазным национализмом» стала универсальным оправданием всех перемен курса национальной политики большевиков.

Новая версия изменила взгляды Ленина и Сталина на федерализм. Эсеровский принцип сочетался с правом наций на самоопределение (пусть народы самоопределяются в составе федерации), а главное, позволял восстановить контроль центра над, казалось бы, потерянными после сецессии провинциями бывшей империи. Красная армия помогала возвращать их в состав государства в качестве «добровольных» автономий Российской федерации, а затем и республик единого Союза.

Так, отвергнутая некогда концепция федерализма в условиях гражданской войны стала спасительной для большевиков. Кроме того, федерализм соответствовал давней мечте марксистов о мировой революции.

1 ноября 1918 г. Ленин написал ближайшим соратникам Я. Свердлову и Л. Троцкому, что «...Международная революция приблизилась... на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших»¹³, а 6 марта 1919 г. в своей заключительной речи при закрытии Первого (учредительного) конгресса Коминтерна он заявил: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»¹⁴. В таких условиях Ленин видел федерацию как союз народов мира. В 1922 г. при подготовке Союзного договора он предложил вместо выдвинутого Сталиным проекта вступления республик в состав РСФСР создать «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Такое название предполагало возможность его глобального расширения. Упоминание о мировом союзе советских республик убрали в 1936 г. при подготовке «Сталинской конституции». Тем не менее, по инициативе Сталина принцип федерализма, да еще и с формальным правом выхода республик из СССР, в ней сохранился.

Смена курса в отношении к меньшинствам

Левое течение в политике и идеологии традиционно характеризуется стремлением к эгалитаризму – равенству. Оно достигается прежде всего за счет поддержки, а в некоторых случаях и создания преференций для наименее защищенных и угнетенных слоев общества. В сфере национальной политики левые всегда поддерживают дискриминируемые, угнетенные меньшинства. Этот принцип был незыблемым и для Ленина. По вопросу о федерализме позиция вождя большевиков менялась до и после 1917 г., однако в отношении прав меньшинств его точка зрения была бескомпромиссной и, безусловно, левой и классовой до конца жизни в 1924 г. Классовый подход хорошо отражался в терминологии, которая подчеркивает различия между «угнетенными нациями» и «нациями угнетателей». Такими понятиями Ленин характеризовал как внутреннюю классовую раздвоенность этнических общностей (в каждой из них «есть две нации» – нация угнетенных и нация угнетателей), так и различия националистических настроений у разных этнических общностей¹⁵. «Необходимо отличать, – писал вождь большевиков, – национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми»¹⁶.

¹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 185.

¹⁴ Там же. Т. 37. С. 511.

¹⁵ Там же. Т. 24. С. 129.

¹⁶ Там же. Т. 45. С. 359–360.

Впрочем, в ленинской интерпретации политическую активность национальных меньшинств России редко называли национализмом, определяя как «национально-освободительную борьбу». Термин «национализм» Ленин обычно использовал в сугубо негативном значении и относил его к политическим силам, которые защищали царскую власть и империю от имени этнического большинства – русских или великорусов, как их тогда называли. Такой национализм, который большевики называли «великорусским шовинизмом», «вождь мирового пролетариата» решительно осуждал. Именно Ленин первым из большевистских лидеров предложил проводить политику «позитивной дискриминации» по отношению к представителям национальных меньшинств и создавать преимущество для ранее угнетенных групп, «которое бы возмещало со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹⁷.

Принцип поддержки угнетенных наций применительно к меньшинствам руководство РКП(б) считало незыблемым. На него длительное время опирался Сталин, ответственный за национальную политику как в партии, так и в правительстве. Именно он отразил партийную точку зрения на XII-м съезде партии, который проходил уже без участия Ленина (17–25 апреля 1923 г.). В докладе Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» выделены три основные идеи: (а) решительное осуждение «русификаторской политики царизма»; (б) поддержка борьбы «зависимых национальностей за освобождение от империалистического гнета»; (в) необходимость активной борьбы с пережитками «великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов»¹⁸.

Считается, что именно этот доклад положил начало политике «коренизации» – одной из важнейших политических кампаний советской власти в 1923–1937 гг. В науке такую стратегию называют *affirmative action* – «политика позитивных действий в отношении меньшинств для обеспечения их реального равноправия». В советской политической практике она представляла собой продвижение представителей национальных меньшинств на руководящие посты в партии и в государстве; создание национальных автономий; форсированное развитие национальной (этнической) культуры, образования, искусства и т. д.

Бесспорно, эта кампания привела к ряду положительных результатов. Более 40 народов впервые обрели собственный алфавит и письменность. Многие крупные народности (например, белорусы) впервые стали получать начальное образование на родном языке, что особенно важно для сельской местности; у общностей, не имевших национальных республик в составе СССР (поляков, финнов, евреев, цыган и др.), в 1920-е гг. появились свои школы, газеты, театры. Однако скоро обнаружились и недостатки «коренизации», которая опиралась на формально-бюрократические методы.

В ходе повальной кампании национальные школы открывали до того, как подготовили преподавателей для работы в них. В селах всегда не хватало учителей, в то время как во многих городах количество школ превышало количество учеников, которые могли бы в них учиться. Запись в школы проходила на основе принудительной этнической идентификации (по происхождению родителей), хотя ребенок по языку и культуре мог относить себя к другой этничности. Через несколько лет стало понятно, что образование, полученное в школах, созданных преимущественно для отчетности, было формальным. Многие выпускники таких учреждений оказывались неконкурентоспособными в реальной жизни.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 359.

¹⁸ Сталин И. В. (1923) Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. Правда. № 65. 24.03. (<http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-11.html>).

Еще хуже дела обстояли на главном направлении «коренизации» – в поощрении продвижения по службе, карьерной мобильности национальных кадров. Как правило, одни группы национальных меньшинств продвигали во власть за счет вытеснения из нее других меньшинств. Например, при «коренизации» Совнаркома Грузии его руководство «очищалось» не только от русских, но и от армян, которые составляли около 15% населения Тифлиса в 1920-е гг. Под лозунгом «коренизации» проходила и насильственная ассимиляция меньшинств: в Грузии – абхазов и осетин; в Азербайджане – грузин, армян, лезгин; на Украине – русинов; в Узбекистане – таджиков и т. д.

Уже к началу 1930-х гг. стало проявляться растущее разочарование партийного руководства в политике поддержки «угнетенных народов». Отметим несколько факторов, которые привели к такой перемене настроений.

Во-первых, в ходе начатой в 1928 г. коллективизации и последовавшего раскулачивания выяснилось, что некоторые «угнетенные нации» экономически более обеспечены, чем великорусские крестьяне. По этой причине во многих регионах доля так называемых кулаков среди представителей национальных меньшинств была зачастую значительно выше. Более половины первой группы крестьян, репрессированных в 1930–1931 гг. в Ленинградской области как кулаки, составили ингерманландцы (ингерманландские финны). В то же время доля этой этнической группы в общей численности населения области не превышала 2% [Мусаев 2004, 222]. Диспропорции в национальном представительстве репрессированных крестьян в тот период времени не были связаны с этнической дискриминацией. Они возникли в результате классовой борьбы, в ходе которой людей делили на богачей и бедняков и не принимали в расчет историко-культурные особенности этнических и религиозных групп населения. Большая доля зажиточных крестьян среди презируемых в имперские времена «чухонцев» во многом была обусловлена тем, что ингерманландцы, преимущественно лютеране по вероисповеданию, придерживались протестантской трудовой этики. Ее влияние на экономические успехи отмечал еще социолог М. Вебер в классической работе «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер 2017].

Во-вторых, именно в национальных регионах население сильнее всего сопротивлялось как коллективизации, так и раскулачиванию. Дело не только в разном уровне экономического положения крестьян, но и в историко-культурных факторах, которые обуславливали различное отношение к зажиточным людям. В России давно сложился негативный образ богатого крестьянина, что выражалось в презрительных кличках «кулак» и «мироед». Их объяснял В. Даль в своем толковом словаре XIX в. и анализировал Н. Добролюбов в эссе «Черты для характеристики русского простонародья» (1859 г.). Ненависть бедных слоев населения к кулакам проявилась в период раскулачивания. Низовая крестьянская масса, принимавшая активное участие в выселении кулаков и захвате их имущества в регионах, где проживали русские, лютовала сильнее, чем ОГПУ. Дело дошло до того, что 25 июня 1932 г. ЦИК СССР издал постановление «О революционной законности», направленное на прекращение самочинных репрессий против кулаков¹⁹. Совсем иначе относились к кулакам в тех районах, где состоятельные крестьяне были не только уважаемыми людьми, но и лидерами общин, вирдов и джамаатов; старейшинами родов, тейпов, тукхумов, жузов и др. Население не давало их в обиду.

Трудно сказать, когда именно классовые репрессии переросли в этнические чистки. Однако к 1933 г. такой переход стал заметным, и власти вновь вспомнили о «борьбе с буржуазным национализмом» как об универсальном оправдании смены курса национальной

¹⁹ О революционной законности. Постановление ЦИК и СНК СССР. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 25.VI.1932 г.). Приложение № 7 к п. 57/3 пр. ПБ № 106. (<http://istmat.info/node/56126>).

политики. Данный прием они опробовали на Украине. Примером может служить дело Н.А. Скрипника, который проводил политику «коренизации» в свою бытность министром образования УССР. После его самоубийства отношение к этому партийному функционеру изменилось. На ноябрьском 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У была принята резолюция о появлении в рядах партии «нового националистического уклона», якобы возглавляемого покойным Н.А. Скрипником [Паин 2023, 169]. После этого решения началась кампания по борьбе с национализмом, которая приняла широкий размах в различных республиках.

В начале 1935 г. в партийных организациях Советского Союза повсеместно обсуждалось закрытое письмо ЦК ВКП(б) об убийстве С.М. Кирова и «зиновьевско-троцкистской контрреволюционной группе». В первую очередь власти призывали повесить бдительность по отношению к националистическому подполью. «Происки националистов» контролирующие органы видели во всем. Например, комиссия из Москвы в Марийской АССР нашла проявление национализма в названии колхоза «Мари-Патыр» (Марийский богатырь), а вскоре была «...выскрита и ликвидирована националистическая троцкистско-террористическая, диверсионно-вредительская организация с ответвлениями в национальных республиках: Марийской, Мордовской, Удмуртской, Карельской и Коми, ставившая своей целью объединение всех угро-финских народностей и выход их из СССР» [Паин 2023, 169].

К 1937 г. кампанию «коренизации» во многом вытеснила противоположная стратегия – депортация так называемых «наказанных народов» в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Насильственное переселение со своих этнических территорий тех, кого еще недавно называли «угнетенными нациями», затронуло как малочисленные, так и этнические общности, которые насчитывали сотни тысяч жителей: крымских татар, советских немцев, чеченцев и ингушей, балкарцев и карачаевцев, калмыков и др. Политика депортации фактически означала полный разрыв с идеологическими нормативами марксизма в национальном вопросе. Даже ссылка на борьбу с буржуазным национализмом не закрывала собой эту идеологическую брешь.

На первый взгляд может показаться, что конец 1930-х гг. обозначил жесткую границу между двумя эпохами. Первая из них опиралась на марксистскую идеологию и заключалась в государственной поддержке меньшинств (политика «коренизации»). Вторая, противоположная и идейно оппортунистическая, выразилась в репрессиях по отношению к этническим меньшинствам. Вместе с тем вывод о полной несовместимости двух указанных политических курсов был бы упрощением исторических реалий, поскольку оба курса проводили одновременно.

Трудно определить однозначно, какими мотивами руководствовались советские лидеры, восстанавливая некоторые меры политики «коренизации» в послевоенные годы. В частности, для представителей титульных национальностей вновь создавали преимущественные условия в сферах образования и социально-профессиональной мобильности. Также в некоторых автономных образованиях РСФСР развивали письменность и начали печатать книги на местных языках. Возможно, главную роль в возвращении отдельных мер «коренизации» сыграли идеологические мотивы: принцип поддержки меньшинств отражал одну из фундаментальных особенностей марксистско-ленинской идеологии, от которой полностью не мог отказаться ни один из советских лидеров. Возможно, что эта политика была мотивирована прагматическими соображениями. Ее использовали как компенсаторное средство в тяжелые послевоенные годы, чтобы стабилизировать социально-политическую ситуацию в союзных и автономных республиках. В таком случае советские политики, возродившие «коренизацию», совершили стратегическую ошибку. Впослед-

ствии форсированный рост студенчества и национальной интеллигенции способствовал формированию социальных и политических сил, которые внесли немалый вклад в дезинтеграцию Советского Союза.

Определенно можно констатировать одно: распространенное представление о том, что политическая эпоха поддержки меньшинств сменилась периодом опоры властей на этническое большинство, ошибочно. Нет доказательств тому, что в советское или в постсоветское время существовала особый курс, который обеспечивал этническим русским какие-либо социальные или политические преимущества. Так называемая «опора на большинство» проявлялась исключительно в форме идеологической кампании. Так, в 1940-х гг. из официального советского дискурса исчезла риторика борьбы с великодержавным и великорусским шовинизмом. Появились новые нарративы о «великой державе», «Великой Руси» и о русском народе, который «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»²⁰. Между тем декларации о русских как «старшем брате» и России как «старшей сестре» не подкреплялись социально-экономическими или политическими действиями властей. Как отмечалось выше, в составе студенчества, партийного и государственного управления в республиках русские были представлены ниже своей доли в населении этих регионов, но и в РСФСР они не имели преимуществ. В 1990 г. ее граждане по большинству показателей благосостояния не выглядели старшими и первыми среди народов и республик страны. Например, по объему банковских вкладов и владению личным автотранспортом жители России отставали от представителей Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Армении, Украины и Белоруссии. По обеспеченности жильем они пропускали вперед эти же республики и Молдавию. По уровню здоровья населения и продолжительности жизни в Советском Союзе лидировали Эстония, Литва, Латвия, Белоруссия и Украина [Андреев, Дарский, Харькова 1993].

Об асинхронности этнополитических колебаний

Противоположность подходов к советской национальной политике и одновременно их парадоксальная совместимость проявились не только у политических деятелей, но и у научных экспертов. Например, историк, исследователь советского периода и бывший партийный функционер А. Авторханов считал, что главной целью советской политики по отношению к союзным и автономным республикам была имперская колонизация их территорий и ассимиляция меньшинств (их русификация) [Авторханов 1998]. К противоположному заключению пришел американский историк Т. Мартин. По его мнению, если СССР и был империей, то весьма своеобразной. Историк назвал ее affirmative action empire («империя позитивной дискриминации»), поскольку в 1920–1930-х гг. в Советском союзе создавались привилегированные условия именно для национальных меньшинств [Мартин 2011]. В тот же период повсеместно проводилась политика «коренизации» (в некоторых регионах Советского Союза она продолжилась и в послевоенные годы).

Позиции Авторханова и Мартина кажутся несовместимыми, однако их подходы дополняют друг друга в объяснении отдельных аспектов и применительно к отдельным периодам советской истории. В данном контексте колебания курса национальной политики и отражающие их экспертные оценки могут отдаленно напоминать действие «этнополитического маятника». Вместе с тем следует выделить особенность этнополитических процессов, которая принципиально отличает их от маятника. Он всегда раскачивается син-

²⁰ «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // «Наука и жизнь». 2005. № 5; Преподавание истории в школе. № 2. 2005. С. 23.

хронно и ритмично (отклонение маятника в одну сторону строго соответствует времени возврата к центру тяжести и движению его в другую сторону). Динамика этнополитических процессов всегда асинхронна. Последствия национальной политики проявляются не сразу, а с задержкой – иногда маятник «зависает» на многие годы.

Можно привести примеры, начиная с Балтии [Паин 2023, 214–231]²¹. В Литве, Латвии и Эстонии после подавления в 1950-е гг. вооруженных национальных движений почти тридцать лет не проходили массовые протесты. В 1960–70-е гг. уровень публичной протестной активности в регионе был ниже, чем в ряде других союзных республик. Во всяком случае, бурные обсуждения проектов республиканских конституций в 1978 г. не затронули Балтию. Однако через десять лет именно там поднялась самая мощная в Советском Союзе волна национально-протестных движений. 11 сентября 1988 г. на Певческом поле Таллина начался музыкально-культурный фестиваль, собравший около 300 тыс. эстонцев – почти треть населения республики. Так началась «Поющая революция» – серия мирных акций протеста, которые изначально были связаны преимущественно с требованиями развития национальной культуры и языка. Они охватили все республики региона. Очень скоро «Поющая революция» переросла в процесс суверенизации балтийских республик. 16 ноября 1988 г. государственный суверенитет объявили в Эстонской ССР; 26 мая 1989 г. – в Литовской ССР и 28 июля 1989 г. – в Латвийской ССР. Вслед за ними «Парад суверенитетов» прокатился по всем союзным республикам [Паин 2023; 201–203, 207–211, 236].

В марте 1956 г. начались первые многотысячные протесты в Грузинской ССР. Они были направлены против политики Н. Хрущева по десталинизации и продолжались несколько дней, после чего затихли. Такое затишье сохранялось в Грузии около двадцати лет. Вторая волна протестов прошла в 1976 и 1978 г. Их причиной стало недовольство грузинских студентов и интеллигенции отношением властей к грузинскому языку. Новая вспышка массовой протестной активности в Грузии началась еще через десять лет. 4 апреля 1989 г. у Дома правительства Грузинской ССР начался митинг, организованный лидерами грузинского национального движения З. Гомсахурдия, М. Коставой и др. под лозунгами: «Долой коммунистический режим» и «СССР – тюрьма народов». Митинг был объявлен бессрочным, но 9 апреля его разогнали армейские части. В результате их действий 16 человек погибли непосредственно на площади, еще трое вскоре скончались от полученных там травм. Демонстрация и сопровождавшие ее события положили начало выходу Грузии из Советского Союза [Паин 2023; 198–199, 222].

Первый мощный подъем политизации этничности в Армянской ССР проявился в 1964–1966 гг. Поводом тому стала трагическая дата – 50-летие геноцида армян в Османской империи (1915 г.). В это время сформировалась подпольная партия «Национальная объединенная партия» (НОП), которая ставила своими программными целями государственную независимость Армении и возвращение ей земель, отнятых Турцией. Движение было подавлено. В годы брежневской стабильности советское руководство было уверено, что в Армении подъем национального сепаратизма менее вероятен, чем в других республиках Кавказа. Однако спустя двадцать лет в республике началась более радикальная волна этнополитической мобилизации, чем в 1960-е гг. Она была связана с Карабахским конфликтом, который имеет давние исторические корни. В 1987–1988 гг. он обострился. Советское руководство не нашло средств решения или хотя бы частичной нейтрализации этого конфликта. Кризис нарастал и в немалой мере укрепил радикальные политические

²¹ Здесь и далее примеры периодических спадов и подъемов политизации этничности в республиках Балтии и Южного Кавказа опираются на источники, подробно описанные в: Паин Э.А. (2023) Этничность нация и политика: критические очерки по этнополитике М.: НЛЮ. С. 197–236.

силы в Армении и Азербайджане, которые были ориентированы на отделение республик от Советского Союза и возбуждали этнические чувства населения для достижения этой цели [Панин 2023, 223].

Во всех рассмотренных случаях наблюдались значительные временные интервалы между волнами этнополитической мобилизации, измеряемые десятилетиями. Во всех республиках уровень жизни населения был выше средней по СССР – во всяком случае он превосходил средний уровень благосостояния жителей РСФСР. Однако это обстоятельство не компенсировало недовольство национальных элит состоянием этнополитических отношений. Иногда высокий уровень жизни способен усиливать такое недовольство. Чрезвычайно важную роль в мобилизации этничности играли и играют проблемы в языковой сфере (слабая защищенность и низкий социально-политический статус национального языка), а также утрата национальных символов. Например, священный для армян символ, гора Арарат, находится на территории Турции по решению, как считают в Армении, советского правительства от 1921 г.²². Данный факт не раз служил поводом для недовольства населения, и его вспоминают каждый раз, когда начинают развиваться процессы этнополитической мобилизации армян.

Советский опыт слабо осмыслен и применен в современной политической практике Российской Федерации, так как некоторые ошибки советской истории повторяются. Так, в 1970-е гг. советское руководство запрещало включать норму о государственном языке республик в их конституции. В современный период федеральная власть не предпринимает открытых попыток запретить или отменить такую норму, но фактически лишила языки титульных национальностей статуса государственных, сделав их необязательными для изучения. Соответствующие поправки в закон об образовании (Статья 14. Язык образования) были внесены 2 июля 2021 г.²³. В декабре того же года Президент РФ В.В. Путин утвердил закон об организации публичной власти в субъектах России, который запрещает их главам называться президентами²⁴. Против закона на стадии его рассмотрения выступила республика Татарстан. Оба законодательных акта свидетельствуют о том, что в современной национальной политике России преобладают запретительно-ограничительные инструменты, которые в республиках могут воспринимать как посягательства на национальные символы. Пока законодательные акты 2021 г. вызвали недовольство только у некоторых представителей национальной элиты и не привели к массовой политизации этничности, но так было и в Советском Союзе.

История советской национальной политики, при всех ее колебаниях и изменениях, подтвердила общую и давнюю историческую закономерность – национальные обиды не забывают. Они могут быть отложены в массовом сознании на десятки лет, но в периоды системных кризисов национальные элиты вновь оживляют их. Эксплуатация национальных обид обычно проявляется во времена, наихудшие для сохранения целостности страны и наилучшие для распространения национал-сепаратизма.

²² Существуют разные точки зрения о причинах передачи этой территории Турции и о политических субъектах, ответственных за это решение.

²³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). Консультант Плюс. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/).

²⁴ Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ (последняя редакция). Консультант плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/).

В России возможность обострения сохраняется еще и потому, что в условиях слабого развития институтов гражданского общества и низовых самоорганизующихся политических объединений этническая и конфессиональная идентичности выступают наиболее доступными для массового сознания формами групповой идентификации и низового политического самоопределения [Рыжова 2015].

Российская Федерация – многосоставное государство, в котором большая часть его субъектов нуждается в межбюджетных трансфертах (дотации, субсидии, субвенции и прочие) из федерального бюджета. Национальные республики нуждаются в дотациях больше, чем русские края и области, что выступает условием их лояльности по отношению к центру. Следовательно, при дефиците федерального бюджета может возникнуть угроза недовольства в республиках России. Именно в таких ситуациях следует быть особенно осмотрительными при принятии управленческих решений, которые могут задеть чувства этнических групп.

Как известно, незнание законов не освобождает от ответственности (*Ignorantia juris non excusat*). В этнополитологии еще не выработаны точные правила, но известны закономерности, которые полезно учитывать в такой чувствительной сфере, как национальная (этническая) политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авторханов А.Г. (1998) Империя кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus. 426 с. (https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_imperiya_kremlya_1988__ocr.pdf).
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. (1993) Население Советского Союза: 1922–1991 гг. М.: Наука. 143 с.
- Вебер М. (2017) Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив. 565 с.
- Мартин Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН. 855 с.
- Многосоставные государства: опыт и перспективы развития (2019) Пенза: Изд-во ПГУ. 286 с.
- Мусаев В. И. (2004) Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. СПб: Изд.-во «Нестор-История». 447 с.
- Общественное мнение-2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. (2002) М.: ВЦИОМ.
- Паин Э.А. (2023) Этничность нация и политика: критические очерки по этнополитике. М.: Изд.-во НЛО. 392 с.
- Паин Э.А. (2004) Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН. 328 с.
- Пайпс Р. (2005) Русская революция. Кн. 3: Россия под большевиками 1918–1924. М.: ИД Захаров. 704 с. (<https://litlife.club/books/122334/read?page=1>).
- Полян П.М. (2005) Депортации и этничность // В: Сталинские депортации. 1928–1953. М.: Изд-во Материк. 904 с.
- Русские (Этносоциологические очерки) (1992) М.: Наука. 461 с.
- Рыжова С.В. (2015) Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. № 10. С. 136–144.
- Щербак А.Н., Герина Я.Я., Бердюженко Д.А., Мендыгалиева А.Б., Зайцева А.В. (2017) Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Полития. № 3. С. 99–116.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.

Pain E. (2013) The Ethno-Political Pendulum: The Dynamics of the Relationship Between Ethnic Minorities and Majorities in Post-Soviet Russia // In: *Managing Ethnic Diversity in Russia*. Ed(s): O. Protsyk, B. Harzl. Milton Park: Routledge. Pp. 173–189.

REFERENCES

- Avtorkhanov A. (1998) *Imperiya kremlya. Sovetskiy tip kolonialisma* [The Kremlin Empire. The Soviet Type of Colonialism]. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus. 426 p. (https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_imperiya_kremlya_1988__ocr.pdf).
- Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuz: 1922–1991* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka. 143 p.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Martin T. (2011) *Imperiya “polojitelnih deistviy”. Nacii i nacionalizm v SSSR 1923–1939* [The Empire of “Affirmative Actions”. Nations and Nationalism in the USSR. 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN. 855 p.
- Mnogosostavnie gosudarstva: opit i perspektivi rasvitiya* [Multi-component States: Experience and Development Prospects]. (2019) Penza: Izd-vo PGU. 286 p.
- Musaev V. I. (2004) *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse IX–XX veka* [Political History of Ingermanland at the End of the XIX–XX Century]. SPb: Nestor-Istoriya. 447 p.
- Obshchestvennoe mnenie – 2002. Po materialam 1989–2002 gg.* [Public Opinion – 2002. Based on Research Materials 1989–2002] (2002) Moscow: VTSIOM.
- Pain E.A. (2023) *Etnichnost’ natsiya i politika* [Ethnicity, Nation and Politics: Critical Essays on Ethnopolitics]. Moscow: NLO. 392 p.
- Pain E. (2013) The Ethno-Political Pendulum: The Dynamics of the Relationship Between Ethnic Minorities and Majorities in Post-Soviet Russia. In: *Managing Ethnic Diversity in Russia*. Ed(s): O. Protsyk, B. Harzl. Milton Park: Routledge. Pp. 173–189.
- Pain E.A. (2004) *Ethnopoliticheskiy mayatnik. Dinamika i mehanizmi etnopoliticheskikh procesov v postsovetsoy Rossii* [Ethnopolitical Pendulum. Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in Post-Soviet Russia]. Moscow: IS RAN. 328 p.
- Pipes R. (2005) *Russkaya Revolyuciya. Kniga 3: Rossiya pod bolshevikami* [The Russian Revolution. Book 3: Russia under the Bolsheviks 1918–1924]. Moscow: ID Zakharov. 704 p. (<https://litlife.club/books/122334/read?page=1>).
- Polyan P.M. (2005) *Deportatsii i etnichnost’* [Deportations and Ethnicity]. In: *Stalinskie deportatsii 1928–1953*. Moscow: Izd-vo Materik. 904 p.
- Ryzhova S.V. (2015) *Ethno-confessional’naya identichnost’ i formirovaniye religioznykh politicheskikh organizatsiy* [Ethno-Confessional Identity and the Formation of Religious Political Orientations]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 10, pp. 136–144.
- Russkie (Ethnosociologicheskie ocherki)* [Russians (Ethnosociological Essays)] (1992) Moscow: Science. 461 p.
- Shcherbak A.N., Gerina Ya.Ya., Berdyuzhenko D.A., Mendygaliyeva A.B., Zaitseva A.V. (2017) *Vliyaniye vneshney politiki na nacional’nyy politiku v SSSR*. [The Influence of Foreign Policy on the National Policy of the USSR]. *Politiya*. no. 3, pp. 99–116.
- Weber M. (2017) *Izbrannoe. Protestanskaya etika i duh kapitalizma* [Favorites. Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow, SPb: Centr gumanitarnogo initsiativ. 565 p.

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор-исследователь Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Москва, Мясницкая ул., 20, 101000. E-mail: epain@hse.ru

About the author

Emil A. Pain, Doctor of Political Science, Candidate of Sciences (History), Research Professor, Department of Politics and Governance, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20. E-mail: epain@hse.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 10.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 15.02.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 20.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010045
EDN: NNTGZV

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ LATIN AMERICA STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Государство перед экологическими вызовами: взгляд и подходы Латинской Америки

© А.А. ШИНКАРЕНКО

Шинкаренко Александр Александрович, Институт Латинской Америки Российской академии наук (Москва, Россия), hombreyo@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4834-3910

В статье рассмотрены экологические вызовы, с которыми сталкиваются государства Латинской Америки. Акцент сделан на теме влияния экологической проблематики на формирование политической повестки стран региона. Данный процесс можно толковать не только в контексте локальных «центр-периферийных» отношений в латиноамериканских государствах, но и как часть общего тренда в рамках постколониальных исследований. Рассмотрены теории развития и постразвития, а также локальные альтернативные модели, которые возникли в социально-политическом дискурсе стран Андского субрегиона. Накопленный опыт позволяет не только экстраполировать отдельные элементы их экологической повестки на весь регион, но и создавать региональные инструменты по защите экологических прав, а следовательно, стимулировать дальнейшую имплементацию Целей устойчивого развития (ЦУР).

Ключевые слова: экологические вызовы, государство, постразвитие, BuenVivir, «Пачамама», теории развития, модель «центр-периферия», Соглашение Эскасу

Цитирование: Шинкаренко А.А. (2023) Государство перед экологическими вызовами: взгляд и подходы Латинской Америки // Общественные науки и современность. № 1. С. 53–67. DOI: 10.31857/S0869049923010045, EDN: NNTGZV.

The State and Environmental Challenges: Views and Approaches in Latin America

© A. SHINKARENKO

Aleksandr A. Shinkarenko, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), hombreyo@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4834-3910

Abstract. The article examines the approaches of Latin American states in the face of environmental challenges. In particular, the topic of environmental issues' influence on the political process of the region is studied. This process can be interpreted not only as a demonstration of local «core-periphery» relations in Latin American states, but also as part of a general trend in postcolonial studies. The theories of development and postdevelopment, as well as local alternative models that have manifested themselves in the socio-political discourse of the Andean countries, are analyzed. Certain elements of their experience can be applied throughout the region, as well as contribute to the development of regional instruments for the protection of environmental rights, and therefore become an incentive for further implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs).

Keywords: environmental challenges, state, postdevelopment, BuenVivir, Pachamama, development theories, center-periphery model, Escasu Agreement

Citation: Shinkarenko A. (2023) The State and Environmental Challenges: Views and Approaches in Latin America. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 53–67. DOI: 10.31857/S0869049923010045, EDN: NNTGZV.

Экологические проблемы и теория постразвития в Латинской Америке

В настоящее время в политический дискурс включают проблемы сокращения природных ресурсов, негативного антропогенного влияния на окружающую среду и др. В существующих обстоятельствах экологические вопросы тесно переплетаются с геополитическими, что придает им политическое звучание. Как отмечает американский географ-марксист Д. Харви, современные технологии неразрывно связаны с политикой¹. Экоактивисты и «зеленые» политики предполагают, что выходом из замкнутого круга экстрактивистской модели экономики станут не только конкретные меры, но и изменения в модели потребления развитых государств. Потребность современного общества в парадигме развития, которая будет отличаться от рентных схем, наталкивается на отказ руководства некоторых государств признавать фактор глобального потепления из-за влияния энергетического лобби². Примерами деятельности последнего в Латинской Америке можно считать добычу углеводородов, строительство ГЭС в Амазонии, промышленное использование литиевых солончаков, расчистку лесных территорий с высоким биоразнообразием под нужды агросектора и др. Тем не менее, объективная реальность стимулирует разработку соответствующих национальных стратегий.

В рамках данного вопроса интересен опыт Латинской Америки, где в течение долгого времени проблемы окружающей среды рассматривали с точки зрения теории догоняющего развития. В ее основу легло понятие прогресса, которое сформировалось в эпоху

¹ Хестанов Р. Географический марксизм (интервью с Дэвидом Харви). Русский репортер. 15 мая 2008. (https://expert.ru/russian_reporter/2008/18/harv/).

² Там же.

Возрождения в Европе)³. Из-за того, что в экономической науке отсутствует четкое определение развития, его стали заменять понятием экономического роста, хотя они не тождественны. Путаница в категорийном аппарате впоследствии превратилась в слабое место всех теорий догоняющего развития. Логичным продолжением данного процесса стала теория модернизации, создатели которой считали, что менее развитые страны должны пройти те же стадии, которые прошли более развитые [Братерский 2015]. Предполагалось, что постепенные и мирные изменения неизбежно приведут к всеобщему улучшению социальной жизни и условий человеческого существования.

Как отмечает американский историк социологии Г. Дерлугьян, «школа модернизации... стремилась с либерально-реформистских позиций обобщить исторический опыт Запада, описать только что освободившиеся от колониализма страны третьего мира и сформулировать для них программу ускоренного перехода от "традиционного общества" к "современности"». [Цит. по: Валлерстайн 2006]. Тем не менее, подчеркивает исследователь, она «предполагала аналитически изолированное изучение и лишь частичное сравнение отдельных стран, якобы двигающихся параллельно, но с опережением или отставанием друг от друга, по ступеням "прогрессивного развития" от "традиции" к "современности" либеральной экономики и демократии. Беда, что историческая реальность в эту схему никак не укладывалась» [Цит. по: Валлерстайн 2006].

По данной причине латиноамериканские исследователи периферийного капитализма (Р. Пребиш, А. Гундер Франк, Т. Дус Сантус, Р. Ставенхаген и др.) резко критикуют теорию модернизации. Они считают, что такая парадигма не способна вывести страны из отсталости и зависимости⁴. Ученые указывают на опыт государств Латинской Америки, в которых модернизационные процессы привели не только к колоссальным иностранным инвестициям, но также к социальной дезорганизации и росту девиантного поведения. Помимо прочего, исчезали традиционные институты и привычный жизненный уклад коренных народов. Перечисленные факторы способствовали тому, что в начале 1970-х гг. начали оформляться альтернативные модели развития. В них сделан акцент на внутренних ресурсах и многовековых традициях автохтонного населения региона (т.н. концепция этноразвития). В 1979 г. в Куско (Перу) состоялась Первая Встреча кечуа, аймара и народов амазонской сельвы, на которой планировалось выработать общую программу действий. Однако в рамках подобных мероприятий стали проявляться и основные различия между представителями коренного населения. Как правило, они расходились в вопросах о методах отстаивания своих требований, а также при выборе сторонников из неиндейской среды [Гончарова 2004].

В тот же период в государствах Андского субрегиона стали возникать геополитические проекты развития индейских общностей, в рамках которых выдвигалась идея создать «Второй Тауантинсуйу». Сторонники данной концепции требовали восстановить территории традиционного расселения [Гончарова 2004; Шемякин 2001]. Таким образом, интеллектуальная верхушка «индейского айсберга» заложила идеи, которые не только

³ Следует подчеркнуть, что определение «прогресса» не является четким: оно меняется по мере развития общества и допускает произвольные трактовки. Однако именно благодаря «теории прогресса» общественная мысль стала делить страны на «передовые» и «отсталые» (без такого разделения немыслима никакая теория догоняющего развития).

⁴ Вестернизация разрушала традиционный быт и устойчивость этих стран из-за двух факторов: 1) узкая социальная база вестернизации в зависимых странах, которые идут по пути модернизации; 2) подчинение общих целей модернизации практическим задачам извлечения максимальной прибыли через эксплуатацию их дешевой рабочей силы.

имели важное значение для региона, но и отчасти повлияли на формирование традиции постколониальных исследований.

Отправной точкой теории постразвития как направления критической мысли, возникшего в 1980-х гг., стал тезис о том, что сама концепция модернизации и ее практики отражают собой доминирующее положение «Глобального Севера» над остальными регионами. С такой точки зрения «развитие» определяют как соответствующую идеологию, в основе которой лежит западное понимание экономической и общественной структуры. Она представляет собой универсальную модель, которую должны заимствовать все остальные акторы. Подобный дискурс стал отражением неравных центр-периферийных отношений между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом», в которых первый наделяют характеристиками всего «прогрессивного», а второй – чертами «отсталого» и отживающего свой век [Rist, Rahnama, Esteve 1992]. Такая бинарная оппозиция не могла не вызвать дискуссию о постразвитии. Американо-мексиканский теолог И. Иллич, колумбийско-американский антрополог А. Эскобар, мексиканский активист Г. Эстева, французский экономист С. Латуш и другие ставили под сомнение саму дефиницию развития [Escobar 1995; Latouche 2009; Rist 2008]. Их теории перекликаются с термином «антирост» (в российской научной историографии также встречается «де-рост»). Его ввел в научный оборот в 1972 г. французский леворадикальный философ и социолог А. Горц под впечатлением от работы румынского экономиста и статистика Н. Джорджеску-Регена «Закон энтропии и экономический процесс» [Georgescu-Roegen 1971; Gorz 1973]. Другие французские авторы стали прибегать к данному термину после выхода в свет доклада Римского клуба «Пределы роста» [Meadows, Meadows, Randers, Behrens 1972]. По утверждению испанского исследователя Ф. Демария, с 2001 г. концепт «де-роста» взяли на вооружение экологические активисты в качестве провокационного лозунга, чтобы политизировать дискуссию о проблемах окружающей среды. В основу подобного критического подхода легли идеи о перераспределении/сокращении производства и потребления в промышленно развитых странах для достижения экологической устойчивости [Kothari, Demaria, Acosta 2014].

Концепция постразвития радикально критикует текущую модель, объясняя особенности формирования власти и знания через призму колониального опыта, феминистских теорий, альтернативную этику и др. Дискуссии по вопросам окружающей среды отталкиваются от позиции «глубокой» (глубинной) экологии⁵, где каждый живой вид обладает неотъемлемой ценностью, которая не измеряется его пользой для человечества: право всех форм на существование универсально и уравнивает всех живых существ в их развитии [Naess 2005].

Латинская Америка стала благодатной почвой для появления подобных идей, в которых парадигма развития государства базировалась на западных трактовках, основанных на экономическом росте. Данная особенность отчетливо проявляется сегодня, когда зависимость региона от экстрактивистской модели заметно усилилась. Одной из таких идей стал проект Buen Vivir, который отталкивается от индейской традиции бережного отношения к природе в ее широком понимании и гармоничном сосуществовании с ней [Костогрызов 2019]. Подобный подход не только пользуется значительной поддержкой среди населения Андского субрегиона, но и снискал популярность по всей Латинской Америке. Он стал основой для дискуссии вокруг конкретных альтернативных проектов развития, в которых признание прав Матери Природы («Пачамамы»), а также возможные варианты перехода к постэкстрактивистской реальности выступают лишь отправной точкой для диалога между обществом и государством [Chuji, Rengifo, Gudynas 2019].

⁵ Термин ввел в научный оборот норвежский экофилософ А. Несс в 1972 г.

В то же время, как подчеркивает уругвайский социолог Э. Гудинас, из-за разнообразия латиноамериканских культур сформировалось множество вариаций *Buen Vivir*, которые учитывают социальные, исторические и экологические особенности определенных территорий. Среди них можно выделить *Suma Qamaña* у народа аймара, *Ñande Reko* у гуарани, *Sumak Kawsay* у кичуа и *Allin Kawsay* у перуанских кечуа. Похожие ценности демонстрируют концепции *Shür Waras* (Эквадор, Перу) и *Küme Mongen* (мапуче, Чили). Инновационные подходы и синкретизация концепций увязали традиции коренных этносов с критикой модернизационных процессов [Gudynas 2011]. Активные критики рентной парадигмы развития, чью деятельность можно охарактеризовать как формы «не-геополитики» [Routledge 2003] (также встречается термин «антигеополитика»), ставят под сомнение возможность совпадения интересов государства и общин. Коммунитарная активность таких общин, которые не зависят от государства финансово, способна принимать различные формы (в том числе антисистемные) [Ibid], что и наблюдается в рамках «эко-территориального сдвига» в Латинской Америке.

«Я/Мы все – Ясуни!»

Национальный Парк Ясуни площадью 10,2 тыс. кв. км (по размеру сопоставим с территорией Ямайки) расположен в восточных провинциях Эквадора (Пастаса и Орельяна) на границе с Перу. Район признали заповедной зоной еще в 1979 г. В 1989 г. он получил статус биосферного резервата ЮНЕСКО⁶. Уникальность местных экосистем отчасти объясняется тем, что эту территорию не затронул ледниковый период. Характерное для данных мест биоразнообразие и эндемичные виды увеличивают потенциальное значение парка для научных изысканий. Заповедная часть Эквадора, покрытая влажными тропическими лесами, стала домом для представителей индейского народа уаорани (и отдаленно родственных ему тагаери и тароменане) [Finer, Vijay, Ponce, Jenkins, Kahn 2009]. Последние относят к неконтактным народам, которые сочетают кочевой и полукочевой образ жизни с охотой и собирательством. Соответственно, экстрактивистские инициативы эквадорского правительства влияют на обитателей национального парка⁷. Деятельность лесорубов и старателей золотых приисков, которые работают на территории компактного расселения этого народа, становится серьезным конфликтогенным фактором и иногда приводит к столкновениям с представителями данных народностей⁸.

Положение заповедной зоны заметно усложнилось из-за перспективы добычи углеводородов, потенциальные объемы которых только в районе Испинго-Тамбокоча-Типутини составляют от 800 до 920 млн. баррелей (около 20% нефтяного запаса страны). Также к серьезным экологическим последствиям привело развитие транспортной инфраструктуры для доступа к месторождениям. Конфедерация коренных народов Эквадора (КОНАИЕ) еще в 1995 г. потребовала остановить нефтяные разработки на данной территории. Однако дальнейшее выполнение подобного проекта прорабатывала группа ученых и экоактивистов, среди которых были представители Oilwatch и Acción Ecológica. Отвечая на запросы

⁶ Parque Nacional Yasuní Sistema Nacional de Areas Protegidas del Ecuador. Parques Nacional Yasun. (<http://areasprotegidas.ambiente.gob.ec/es/areas-protegidas/parque-nacional-yasun%C3%AD>).

⁷ Boletín WRM 194: Ecuador: La Zona Intangible Tagaeri Taromenane del Yasuní. Movimiento Mundial por los Bosques Tropicales. 2 Octubre 2013. (<https://wrm.org.uy/es/articulos-del-boletin-wrm/seccion1/ecuador-la-zona-intangible-tagaeri-taromenane-del-yasuni/>).

⁸ Mazabanda C. Isolated Indigenous Peoples Under Threat of Oil Expansion. Amazon Watch. November 2, 2021. (<https://amazonwatch.org/news/2021/1102-isolated-indigenous-peoples-under-threat-of-oil-expansion>).

общественности по ограждению национального парка Ясуни от планов добычи ресурсов, экс-президент Эквадора Р. Корреа предложил в 2007 г. программу «Инициатива Ясуни-ИТТ»⁹. По мнению ряда исследователей, последняя должна была стать практическим воплощением концепции Buen Vivir, о которой говорилось ранее. В ней применение прав «Пачамамы» должно было предотвратить нарушение жизненного уклада неконтактных этносов и сохранить биоразнообразие этой заповедной части Амазонии [Захер, Баэс 2016; Мартынова 2009].

Широкая дискуссия о судьбе территории сплотила вокруг себя многих деятелей науки, культуры и искусства с мировой известностью, в первую очередь потому, что инициатива властей Эквадора должна была стать альтернативой активному освоению нефтяных месторождений в Амазонии. Проект предусматривал отказ от агрессивных форм нефтедобычи в районах с высокой степенью биоразнообразия, защищал права «Пачамамы» и проживающих в них коренных этносов¹⁰. Его популярность была столь велика, что стали поговаривать о возможной «ясунизации» (т.е. применения опыта Ясуни) в других регионах мира. Формально, «Ясуни-ИТТ» стал символом мира, в котором был возможен отказ от перегибов экстрактивизма. Среди эквадорцев стали популярными лозунги вроде «Я – Ясуни» или «Мы все Ясуни»¹¹.

Вместе с тем, как отметил шведский политолог Р. Лаландер, для правительственной администрации Р. Корреа отмена моратория на нефтедобычу в национальном парке оставалась лишь вопросом времени [Lalander 2015]. Весьма закономерным было решение властей отказаться от вышеупомянутого экологического проекта в 2013 г., что вступило в противоречие с официальной природоохранной риторикой государства. Правительство тех лет пыталось обосновать свою позицию отсутствием активной поддержки со стороны мирового сообщества, убеждая общественность, что современные способы нефтедобычи позволяют минимизировать экологические издержки, поскольку затронут не более 1% площади заповедной территории¹². Данное решение встретило жесткую критику со стороны экологов и индейских активистов в лице КОНАИЕ. В свою очередь эквадорский философ Д. Кортес высказал мнение о том, что «президентский “sumak kawsay” принес нам не новую парадигму развития, а лишь очередное средство легитимизации политики агрессивного экстрактивизма и новую тактику власти» [Цит. по: Захер, Баэс 2016].

С принятием в 2009 г. нового закона о горнодобывающей промышленности Эквадор стал привлекательнее для иностранных инвесторов. Власти упростили процедуру получения разрешений, также в стране отсутствовали налоги на сверхприбыль «до тех пор, пока компании не вернут свои инвестиции». Лидеры КОНАИЕ, в свою очередь, через конституционный суд страны потребовали внести в закон пункт о предварительных консультациях с жителями, которые могут пострадать от ресурсных разработок, т. к. промышленная активность на их территориях влияет на качество их жизни.

⁹ Программа предполагала мораторий на добычу нефти в обмен на компенсацию со стороны международного сообщества в размере 50% от оценочной стоимости нерализованной нефти. Акцент был сделан на коллективную ответственность в условиях глобального потепления.

¹⁰ Gudynas E. (2013) Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia. Extractivismo. 2 agosto, 2013. (<http://extractivismo.com/2013/08/los-derechos-de-la-naturaleza-despues-de-la-caida-de-la-moratoria-petrolera-en-la-amazonia/>).

¹¹ В Боливии примерно в это же время шла подобная консолидация вокруг лозунгов в защиту TIPNIS: «Я – TIPNIS» и «Мы все – TIPNIS».

¹² Yasuni: Ecuador abandons plan to stave off Amazon drilling. The Guardian. 16 August 2013. (<https://www.theguardian.com/world/2013/aug/16/ecuador-abandons-yasuni-amazon-drilling>).

Сторонники социальных движений Эквадора неоднократно (особенно в период последнего мандата Р. Корреа в 2013–2017 гг.) критиковали президентскую администрацию за поддержку ресурсных мегапроектов. Власти не консультировались с индейскими общинами по вопросам добычи полезных ископаемых на территориях их традиционного проживания и социальных лицензий для компаний. По словам индейской активистки М. Чухи, «большинство экологических и территориальных требований индейского движения связаны с темой добычи природных ресурсов»¹³. Социальные движения, которые разрабатывали конституцию Монтекристи (2008), надеялись на построение полиэтнического общества, которое позволило бы покончить с существующей неолиберальной практикой. Тем не менее, закрепление в конституции стратегической важности для Эквадора углеводородных ресурсов способствовало формированию в обществе скептического отношения к возможности возникновения в стране «постнефтяного» дискурса [Мартынова 2009].

Немаловажным фактором сохранения status-quo в отношении к добыче углеводородов как источнику дохода также стала высокая закредитованность Эквадора перед Китаем. Страна отдавала часть нефти Пекину в счет уплаты долга по ранее полученным займам¹⁴. Отношения эквадорского государства (а также других стран региона) с китайскими компаниями-участниками неозэкстрактивистских проектов требуют отдельного исследования, поскольку именно данная зависимость сформировала так называемый «Пекинский консенсус». Следует подчеркнуть, что история кредитных отношений с КНР началась с прихода Р. Корреа к власти. Как отмечает редактор экономического журнала *Análisis Semanal* А. Аоста Бурнео, китайские инвестиции в стране сконцентрированы в основном в проектах с высокой отдачей – в частности, в добывающих отраслях¹⁵.

Анализируя конкретные прецеденты, следует учитывать, что вовлеченные в них противники ресурсных или инфраструктурных инициатив отнюдь не выступают за закрытие всех добывающих отраслей. Напротив, некоторые жители районов, в которых идет добыча полезных ископаемых, предпочитают вести прямые переговоры с нефтяными компаниями, чтобы получать компенсации за ущерб окружающей среде. Подобный подход контрастирует с действиями активистов, которые напрямую сопротивляются деятельности нефтяников и сервисных компаний в заповедной зоне или взаимодействуют с неправительственными организациями. Можно предположить, что в локальных сообществах существуют различные точки зрения на выгоды и издержки неозэкстрактивизма. Вопрос заключается в том, где провести черту между «необходимой» эксплуатацией и «хищнической» добычей природных ресурсов, так как альтернатива в форме экотуризма из-за своей низкой рентабельности не может пока решить проблему социальной исключенности местного населения. Организация «Ясунидос» (Yasunidos) в апреле 2014 г. потребовала организовать всенародный референдум об эксплуатации национального парка Ясуни, однако данную инициативу не одобрил парламент¹⁶.

Как отмечает А. Аоста, «чувствуется, что правительство опасается всенародно обсуждать данный вопрос». Эквадорские СМИ в то же время сообщали, что под различными

¹³ Denvir D. (2008) Ruptura entre los movimientos sociales y el Presidente Correa? Cetri. 28 August 2008. (<https://www.cetri.be/Ruptura-entre-los-movimientos?lang=fr>).

¹⁴ Araujo A. La ruta de China y sus empresas en suelo ecuatoriano. El Comercio. 24 de febrero de 2014. (<http://www.elcomercio.com/actualidad/negocios/ruta-de-china-y-empresas.html>).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Explotación de petróleo en Yasuní se someterá a referendo. El Nuevo Siglo. 16.09.2013. (<https://www.elnuevosiglo.com.co/articulos/9-2013-explotacion-de-petroleo-en-yasuni-se-someteria-a-referendo>).

предложения были признаны недействительными по меньшей мере 30% от более чем 750 тыс. подписей, собранных за референдум о нефтедобыче в Ясуни¹⁷. В целом на протяжении последнего десятилетия не спадает напряженность в отношениях между представителями экологического лагеря, с одной стороны, и транснациональными корпорациями вместе с руководством страны – с другой.

Усилия экологов оказались напрасны: с марта 2016 г. в зоне Испинго-Тамбокоча-Типутини (ИТТ) начали бурить скважины. Согласно данным государственной нефтяной компании Petroamazonas, в 2019 г. только в одном в районе Тамбокоча, который ранее входил в заповедную зону, насчитывалось 56 скважин. Работы по активному освоению месторождений будут продолжены¹⁸. Нежелание правительства проводить референдум лишний раз доказывает важность экспорта углеводородов для устоявшейся экономической модели, а также указывает на отсутствие прозрачности по данному вопросу. Череду недавних событий – экономический кризис, кредитные обязательства перед МВФ, социальные протесты, выход Эквадора из ОПЕК, пандемия COVID-19 – наглядно демонстрирует, что в современных условиях затруднительно прийти к общему знаменателю. Вопросы как о практической стороне концепта BuenVivir, так и о потенциальном переходе к постэкстрактивизму остаются открытыми.

Был ли возможен BuenVivir?

Деконструкция концепта развития в XXI в. произошла в рамках поисков альтернативных моделей. Данные процессы, как правило, возникали в среде традиционно маргинализированных групп, и вариативность моделей зависела от конкретных условий. Тезис о глобальности проблем экологии, частные случаи которых разнятся лишь в зависимости от конкретно взятой локации, приводили в своей работе отечественные исследователи И.В. Ильин и А.Д. Урсул. В то же время они указывали, что перед государствами региона стоит сложная и противоречивая задача: защитить и сохранить окружающую среду, одновременно обеспечив устойчивые темпы экономического развития [Ilyin, Ursul 2020].

Ситуации, подобные спорам вокруг дальнейшей судьбы Ясуни, не единичны в Латинской Америке. Схожие процессы стали политической константой региона¹⁹. Социальная мобилизация местного населения при попытках провести законотворческие акты по вопросам эксплуатации полезных ископаемых стала «лакмусовой бумажкой», которая определяет уровень социальной поляризации в обществе [Альварес Сола 2016].

На сегодняшний день амазонская часть Эквадора остается центром потенциальных экологических и этносоциальных конфликтов между администрациями и местными активистами. Стремление государств коммерциализировать природные богатства, а вместе с ними права природы и коренного населения оказалось точкой бифуркации²⁰ [Ibid]. Вывод

¹⁷ Machado D. (2014) Las maniobras del Gobierno de Correa para evitar una consulta popular por el Yasuní. Diagonal. 19/04/14. (www.diagonalperiodico.net/global/22624-irregularidades-proceso-consulta-por-yasuni.html).

¹⁸ Romero D. (2019) Yasunidos prepara plantones semanales para que den paso a la Consulta Popular. El Comercio. 02 de mayo de 2019. (<https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/yasunidos-plantones-explotacion-consulta-petrolera.html>).

¹⁹ Чтобы более наглядного проиллюстрировать обширность данного процесса, следует также упомянуть добычу сланцевого газа в Аргентине с использованием фрекинга, мегапроект на месторождении Конга (Кахамарка, Перу).

²⁰ Walton B. (2016) Conga Mine in Peru Halted by Water Concerns, Civic Opposition. Circle of Blue. April 21, 2016. (www.circleofblue.org/2016/south-america/conga-mine-peru-halted-water-concerns-civic-opposition/).

подтверждают данные докладов неправительственного Центра исследований конфликтов в горнодобывающей промышленности (ОКМАЛ)²¹.

Опыт государств Андского субрегиона ценен тем, что он наглядно демонстрирует различие в толкованиях сущности развития человека и экономики, в рамках которых задача правительственных администраций состоит в более прагматичном отношении к правам «Пачамамы». Такой подход противоречит официальной позиции по проблемам экологии, закреплённой в конституциях латиноамериканских стран. Кроме того, подобные примеры показывают разрыв между официальными заявлениями и реальностью, в которой государство криминализует протесты против ресурсных разработок. По утверждению аргентинского социолога М. Свампы, в последнем случае речь идет об откате демократии в ситуации, когда власть переходит «к более традиционным режимам господства на основании классических популистских моделей национального развития» [Цит. по: Svampa 2011]. Соответственно, дискуссии вокруг отличающейся от рентной модели развития выступают вызовом для устоявшихся отношений «человек-окружающая среда» из-за опоры на ценности и космогонию местного коренного населения. Тревожным знаком для последнего становится увеличение численности представителей силовых структур на территориях, где проводят горнорудную и нефтедобычу. Власти и официальные СМИ выставляют противников экстракционной модели «инфантильными», так как в представлении государства добыча природных ресурсов – единственно возможный путь развития и прогресса.

Такой подход вписывается в идеологию «товарного консенсуса», который оформился за последние два десятилетия в латиноамериканском регионе. В его основу заложен высокий спрос на товары первичной добычи [Svampa 2013]. Наряду с существующими формами неравенства в современном латиноамериканском обществе данный тренд также проявляется в так называемых «кливажах»²² (в терминологии американского политолога С.М. Липсета и его норвежского коллеги С. Роккана). Они наблюдаются на уровне политики социального обеспечения, в вопросах экологии и прав коренных народов, а также в желании национальных элит увеличить добычу полезных ископаемых. Результатом стал юридический парадокс Sumak Kawsay: на фоне заявлений о защите окружающей среды у государства расширились полномочия ее монетизировать. Забота об окружающей среде на уровне конституций, несомненно, представляется важной мерой формирования экологичного сознания. Однако если существует противоречие между правовыми нормами и интересами социальных акторов, которые не позволяют их соблюдать (как демонстрируют примеры Боливии и Эквадора), то практическая реализация таких положений становится невозможной [Lalander, Lembke 2018].

Во многом инновационный BuenVivir в настоящее время лишь формируется и представляет собой полифонию исторических, территориальных, культурных, экологических и прочих дискурсов. В подобном многообразии существует несомненное единство, основанное на тезисе о том, что ценностью обладают не только люди, но и нематериальные объекты природы. Соответственно, вопросы о том, как покончить с зависимостью от «ресурсного проклятия», продолжают звучать и в среднесрочной перспективе. Попытки правительств стран региона поместить данный концепт в модернизационную парадигму по сути были повторением практик, применявшихся ранее. Результатом такого подхода стал очевидный разрыв между официальной риторикой правительств и их же практическими шагами.

²¹ OCMAL. Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina. (https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db-v2/).

²² От фр. *clivage* – расслаивание.

Примечательно, что зависимость экономики от экстрактивистской модели не только сохранилась, но и усилилась с падением цен на углеводороды на мировых рынках, что обостряет разногласия между «пачамамистами» и сторонниками концепции экономического развития, основанной на эксплуатации природной ренты.

Возникает вопрос о том, удастся ли практически реализовать модель Sumak Kawsay без категории «развития» (подразумеваемой как «экономический рост»). Неоднозначно воспринимает Buen Vivir и население стран региона, на что указывает Н. Шассан [Chassagne 2020] и отечественные исследователи [Павлова, Мазаник 2021]. В сложившейся ситуации одной из самых сложных задач, стоящих перед странами «Глобального Юга» в целом и Латинской Америкой в частности, становится формирование и следование стратегии, которая в итоге приведет к отказу от хищнической эксплуатации.

Соглашение Эскасу как реакция региона на экологические вызовы

Одна из важнейших составляющих Целей устойчивого развития (ЦУР) и соблюдения экологических прав человека – поддержание экологической безопасности. В международном праве в данную сферу входят как материальные права (благоприятная окружающая среда), так и процессуальные (доступ к информационным ресурсам, участие общественности, эффективные средства правовой защиты и др.) [Солнцев, Отрашевская 2020]. Как отмечают отечественные исследователи А.М. Солнцев и А.М. Отрашевская, в международном сообществе имеет место тенденция к формированию региональных механизмов для «реализации стандартов, касающихся экологических прав человека» [Там же].

Странам Латинской Америки понадобилось два десятилетия (с принятия Орхусской конвенции 1998 г.)²³, чтобы выработать юридические новеллы в области защиты экологических прав человека. Речь идет о Соглашении Эскасу²⁴. Полное название документа – Региональное соглашение о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды в Латинской Америке и Карибском бассейне²⁵. Российские ученые-правоведы подчеркивают, что в ходе предварительных переговоров страны-участницы затрагивали вопросы баланса между национальными законодательствами и международными инструментами. Кроме того, в тексте Соглашения было необходимо определить перечень экологических проблем, с которыми сталкивается Латинская Америка²⁶.

Отдельного внимания заслуживают дискуссии между представителями государства и общественными активистами на переговорах. Особенно часто поднимались вопросы доступа к информации государственных институций, а также правосудия при рассмотрении экологических вопросов.

В региональном срезе участникам необходимо было, учитывая специфику каждого из государств, установить общие стандарты, которые можно применять как в развитых правовых системах, так и в менее разработанных. Также были затронуты вопросы о людях, которые находятся в «уязвимом положении», и о защите и поддержке эоактивистов [Солн-

²³ Орхусская конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды».

²⁴ По состоянию на ноябрь 2022 г. Региональное Соглашение Эскасу подписали 24 государства из 33 стран Латинской Америки и Карибского бассейна, ратифицировали 13 государств.

²⁵ CEPAL. Regional Agreement on Access to Information, Public Participation and Justice in Environmental Matters in Latin America and the Caribbean. (<https://www.cepal.org/en/escazuagreement>).

²⁶ Ibid.

цев, Отрашевская 2020]. В частности, заслуживает пояснения принцип недопустимости регрессии, который стал новым и в международном, и в национальном экологическом праве. Он защищает окружающую среду от воздействия изменений в законодательстве и правоприменительной практике: основным в рамках Соглашения Эскасу выступает требование о том, чтобы «новые законы способствовали улучшению состояния окружающей среды», а не росту загрязнения и сокращению биоразнообразия [Там же].

Также соглашение закрепило особый подход к проблемам коренных народов (доступ к экологической информации, участие в процессах принятия экологически значимых решений). Документ был переведен на кечуа – язык коренного населения Перу, Эквадора, Боливии и Аргентины, что сделало защиту закрепленных в соглашении их прав более прозрачной и доступной. Данная особенность перекликается с практикой применения прав BuenVivir, что ранее отмечала российская исследовательница М.Ю. Мартынова [Мартынова 2009].

Проблема расселения коренных народов неразрывно связана с районами с высокой концентрацией биоразнообразия, что можно заметить на примере Амазонии. Практика многих столетий свидетельствует, по замечанию американского антрополога Б. Нитшманна, что деятельность государств нарушает связи коренного населения с их природной средой [Nietzschmann 1994]. Тем не менее, земельные права и рациональное использование богатств «Пачамамы» остаются важнейшими вопросами для индейских общностей региона. В то же время коммерциализация природных ресурсов со стороны государства (инфраструктурные проекты, активная обезлесение, сельскохозяйственные программы) закономерно приводят к перемещению представителей коренного населения. Доступ к землям и ресурсам имеет приоритетное значение для выживания таких народностей [Ракуц 2018].

Заключение

В настоящее время экологические проблемы, вызванные негативным антропогенным влиянием на окружающую среду и сокращением природных ресурсов, приобретают не только культурно-философское осмысление, но и становятся неотъемлемой частью политической жизни. В данном контексте интересен опыт Латинской Америки, где парадигма развития государства основана на извлечении природной ренты, которое заметно усилилось за последние двадцать лет. Государство считает добычу природных ресурсов единственным путем развития и прогресса, что кратно увеличивает зависимость региона от мировых рынков. В то же время Латинская Америка стала благодатной почвой для поиска альтернативных моделей, которые не основаны на логике экономического роста. Примером может служить концепция BuenVivir, которая отталкивается от индейских традиций бережного отношения к окружающей среде. Эта особенность сделала ее популярной среди сторонников «глубинной» экологии и теории постразвития. Однако в настоящее время она лишь формируется и представляет многоголосие различных дискурсов (исторических, территориальных, культурных, экологических и др.). Соответственно, одна из задач «Глобального Юга» (к которому можно отнести и латиноамериканский регион) состоит в том, чтобы найти и претворить в жизнь такую стратегию, которая позволит отказаться от хищнического извлечения природной ренты. Вместе с тем, несмотря на локальные перегибы, Латинская Америка и страны Карибского бассейна демонстрируют позитивные сдвиги в сфере укрепления международных механизмов защиты экологических прав, тем самым внося существенный вклад в достижение ЦУР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альварес Сола М. (2016) Новый аргентинский экстрактивизм // Глобальный диалог. № 1. Т. 6. С. 30–31.
- Братерский М.В. (2015) Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: уточнение существующей парадигмы // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 93–106.
- Гончарова Т.В. (2004) Индейское движение в Латинской Америке // В: История Латинской Америки: Вторая половина XX века. М.: Наука-М. С. 503–523.
- Захер У., Базс М. (2016) Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре // Глобальный диалог. № 1. С. 26–27.
- Костогрызов П.И. (2019) Идеология Сума Каманья в политике ценностей левоиндехинистского режима Э. Моралеса // Вестник Пермского Университета. История. № 4. С. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40.
- Мартынова М.Ю. (2009) Новая конституция Эквадора: Социализм XXI века // Право и управление. XXI век. № 2. С. 69–80.
- Павлова Е. Б., Мазаник С. (2021) Постколониальный взгляд на локальное знание: Buen Vivir vs стрессоустойчивость // Латинская Америка. № 4. С. 95–110. DOI: 10.31857/S0044748X0014089-6.
- Ракуц Н.В. (2018) Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии. М.: ИЛИА РАН. 264 с.
- Солнцев А.М., Отрашевская А.М. (2020) Соглашение Эскасу как новый этап в развитии механизмов защиты экологических прав человека в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 6. С. 146–161. DOI: 10.12737/jflcl.2020.058.
- Шемякин Я.Г. (2001) Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука. 391 с.
- Chuji M., Rengifo G., Gudynas E. (2019) Buen Vivir // In: Pluriverse. A Post-Development Dictionary. New Delhi. Pp. 111–114.
- Chassagne N. (2020) Buen Vivir as an Alternative to Sustainable Development: Lessons from Ecuador. Milton Park: Routledge. 192 p.
- Escobar A. (1995) Encountering Development. Princeton: Princeton University Press. 344 p.
- Finer M., Vijay V., Ponce F., Jenkins C. Kahn T. (2009) Ecuador's Yasuní Biosphere Reserve: A Brief Modern History and Conservation Challenges // Environmental Research Letters. No. 4. (<http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/4/3/034005/pdf>).
- Georgescu-Roegen N. (1971) The Entropy Law and the Economic Process. Cambridge: Harvard University Press. 457 p.
- Gorz A. (1973) Critique du capitalisme quotidien. Paris.: Galilée. 344 p.
- Gudynas E. (2011) Buen Vivir: Today's Tomorrow // Development. No. 54. Pp. 441–447.
- Ilyín I., Ursul A. (2020) Dimensión global de la transición latinoamericana al desarrollo sostenible // Iberoamérica. No. 2. Pp. 13–14.
- Kothari A., Demaria F., Acosta A. (2014) Buen Vivir, Degrowth and Ecological Swaraj: Alternatives to Sustainable Development and the Green Economy // Development. No. 57. Pp. 362–375.
- Lalander R. (2015) Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador // Revista Chilena de Derecho y Ciencia Política. Vol. 6. No. 1. Pp. 109–152.
- Lalander R., Lembke M. (2018) The Andean Catch-22: Ethnicity, Class and Resource Governance in Bolivia and Ecuador // Globalizations. No. 15. Pp. 636–654. DOI: 10.1080/14747731.2018.1453189.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. (1972) The Limits to Growth. Universe Books. 205 p.

- Naess A. (2005) The Deep Ecology Movement: Some Philosophical Aspects // In: Selected Works of Arne Naess. Ed(s): A. Drengson, H. Glasser. Pp. 33–55.
- Nietschmann B. (1994) The Fourth World: Nations Versus States Reordering The World // In: Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century. Ed(s): G.J. Demko, W.B. Wood. Boulder: Westview. Pp. 225–242.
- Rist G. (2008) The History of Development: From Western Origins to Global Faith. London: Zed Books. 302 p.
- Rist G., Rahnema M., Esteva G. (1992) Le Nord perdu, Repères pour l'après-développement. Lausanne: Editions d'En Bas. 175 p.
- Routledge P. (2003) Anti-Geopolitics. Introduction // In: The Geopolitics Reader. London, New York: Taylor & Francis e-Library. Pp. 245–255.
- Svampa M. (2011) Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías escenarios en disputa // In: El desarrollo en cuestión: reflexiones desde América Latina. La Paz: CIDES/UMSA. Pp. 411–444.
- Svampa M. (2013) «Concenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en America Latina // Nueva Sociedad. No. 244. (<https://nuso.org/articulo/concenso-de-los-commodities-y-lenguajes-de-valoracion-en-america-latina/>)

REFERENCES

- Al'vares Sola M. (2016) Novyi argentsinskii ekstraktivizm [The New Argentine Extractivism]. *Global'nyi dialog*. no. 1, pp. 30–31.
- Braterskii M.V. (2015) Mirotvorchestvo i razvitie v kontekste demokratizatsii sovremennogo mira: utocnenie sushchestvuyushchei paradigmy [Peacemaking and Development in the Context of Democratizing the Modern World: Clarifying the Existing Paradigm]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 3, pp. 93–106.
- Chuji M., Rengifo G., Gudynas E. (2019) Buen Vivir. In: *Pluriverse. A Post-Development Dictionary*. New Delhi. Pp. 111–114.
- Chassagne N. (2020) *Buen Vivir as an Alternative to Sustainable Development: Lessons from Ecuador*. Milton Park: Routledge. 192 p.
- Escobar A. (1995) *Encountering Development*. Princeton: Princeton University Press. 344 p.
- Finer M., Vijay V., Ponce F., Jenkins C. Kahn T. (2009) Ecuador's Yasuní Biosphere Reserve: A Brief Modern History and Conservation Challenges. *Environmental Research Letters*. no. 4. (<http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/4/3/034005/pdf>).
- Georgescu-Roegen N. (1971) *The Entropy Law and the Economic Process*. Cambridge: Harvard University Press. 457 p.
- Goncharova T. V. (2004) Indeiskoe dvizhenie v Latinskoi Amerike [The Indian Movement in Latin America]. In: *Istoriya Latinskoi Ameriki: Vtoraya polovina XX veka*. Moscow: Nauka-M. Pp. 503–523.
- Gorz A. (1973) *Critique du capitalisme quotidien*. Paris.: Galilée. 344 p.
- Gudynas E. (2011) Buen Vivir: Today's Tomorrow. *Development*. no. 54, pp. 441–447.
- Ilyín I., Ursul A. (2020) Dimensión global de la transición latinoamericana al desarrollo sostenible. *Iberoamérica*. no. 2, pp. 13–14.
- Kostogryzov P.I. (2019) Ideologiya Suma Kaman'ya v politike tsennostei levoindekhinistkogo rezhima E. Moralesa [The Ideology of Suma Qamaña in the Value Policy of the Left-Independent Regime of Evo Morales]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*. no. 4, pp. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40.
- Kothari A., Demaria F., Acosta A. (2014) Buen Vivir, Degrowth and Ecological Swaraj: Alternatives to Sustainable Development and the Green Economy. *Development*. no. 57, pp. 362–375.

Lalander R. (2015) Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador. *Revista Chilena de Derecho y Ciencia Política*. vol. 6, no. 1, pp. 109–152.

Lalander R., Lembke M. (2018) The Andean Catch-22: Ethnicity, Class and Resource Governance in Bolivia and Ecuador. *Globalizations*. no. 15, pp. 636–654. DOI: 10.1080/14747731.2018.1453189.

Martynova M.Yu. (2009) Novaya konstitutsiya Ekvadora: Sotsializm XXI veka [The New Constitution of Ecuador: Socialism of the XXI century]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. no. 2, pp. 69–80.

Meadows D.H., Meadows D.L, Randers J., Behrens III W.W. (1972) *The Limits to Growth*. Universe Books. 205 p.

Naess A. (2005) The Deep Ecology Movement: Some Philosophical Aspects. In: *Selected Works of Arne Naess*. Ed(s): A. Drengson, H. Glasser. Pp. 33–55.

Nietschmann B. (1994) The Fourth World: Nations Versus States Reordering The World. In: *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century*. Ed(s): G.J. Demko, W.B. Wood. Boulder: Westview. Pp. 225–242.

Pavlova E. B., Mazanik S. (2021) Postkolonial'nyi vzglyad na lokal'noe znanie: Buen Vivir vs stressoustoichivost' [Postcolonial View of Local Knowledge: Buen Vivir vs. Stress Tolerance]. *Latinskaya Amerika*. no. 4, pp. 95–110. DOI: 10.31857/S0044748X0014089-6.

Rakuts N.V. (2018) *Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva. Yuzhnoamerikanskii realii*. [Culture of Indian Peoples and State Policy. South American Realities]. Moscow: ILA RAN. 264 p.

Rist G. (2008) *The History of Development: From Western Origins to Global Faith*. London: Zed Books. 302 p.

Rist G., Rahnema M., Esteva G. (1992) *Le Nord perdu, Repères pour l'après-développement*. Lausanne: Editions d'En Bas. 175 p.

Routledge P. (2003) Anti-Geopolitics. Introduction. In: *The Geopolitics Reader*. London, New York: Taylor & Francis e-Library. Pp. 245–255.

Solntsev A. M., Otrashkevskaya A. M. (2020.) Soglashenie Eskasu kak novyi etap v razviti mekhanizmov zashchity ekologicheskikh prav cheloveka v regione Latinskoj Ameriki i Karibskogo basseina [The Escasu Agreement as a New Stage in the Development of Mechanisms for the Protection of Environmental Human Rights in the Latin American and Caribbean region]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. no. 6, pp. 146–161. DOI: 10.12737/jflcl.2020.058.

Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vseмирnoi istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow: Nauka. 391 p.

Svampa M. (2011) Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías escenarios en disputa. In: *El desarrollo en cuestión: reflexiones desde América Latina*. La Paz: CIDES/UMSA. Pp. 411–444.

Svampa M. (2013) «Consenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en América Latina. *Nueva Sociedad*. no. 244. (<https://nuso.org/articulo/consenso-de-los-commodities-y-lenguajes-de-valoracion-en-america-latina/>).

Zakher U., Baes M. (2016) Ekstraktivizm i Buen Vivir v Ekvadore [Extractivism and Buen Vivir in Ecuador]. *Global'nyi dialog*. no. 1, vol. 6, pp. 26–27.

Информация об авторе

Шинкаренко Александр Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН. Адрес: ул. Б. Ордынка, 21, 113035. E-mail: hombreyo@gmail.com

About the author

Aleksandr A. Shinkarenko, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Center for Political Studies, Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. Address: B. Ordynka str., 21, 113035. E-mail: hombreyo@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 13.12.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.02.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010057

EDN: NPHGQN

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY

Оригинальная статья / Original article

О нерешенном аспекте контроля над вооружениями: противоракетная дилемма

© В.И. МИЗИН

Мизин Виктор Игоревич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), vmizin@hotmail.com. ORCID: 0000-0001-7903-4454

Проблема противоракетной обороны остается одной из ключевых тем в дискуссии о контроле над вооружениями на современном этапе. Без ее решения невозможно конструктивно продвигаться по пути глобального снижения военной угрозы и взаимного сокращения потенциалов ядерных вооружений России и США, России и НАТО, а также укреплять глобальную стратегическую стабильность. Одновременно этот вопрос выступает серьезным раздражителем в отношениях России с западными контрагентами – прежде всего с военно-политическим альянсом НАТО во главе с США. Соответственно, взаимоприемлемые решения на данном направлении могли бы восстановить доверие между Россией и ее контрагентами, а также создали бы предпосылки для построения более безопасного и стабильного мира. Предложен ряд конкретных первоочередных шагов, которые могут открыть пути к выходу из нынешнего переговорного тупика вокруг проблемы ПРО. Также они способны привести к принятию прагматических мер, которые не нарушают национальную безопасность ни одного из государств, в случае будущей нормализации отношений Москвы и Вашингтона.

Ключевые слова: баллистические ракеты, крылатые ракеты, противоракетная оборона, стратегическая стабильность, стратегические ядерные силы, ядерное оружие, Россия, США

Цитирование: Мизин В.И. (2023) О нерешенном аспекте контроля над вооружениями: противоракетная дилемма // Общественные науки и современность. № 1. С. 68–82. DOI: 10.31857/S0869049923010057, EDN: NPHGQN.

The Unsolved Issue of Arms Control: Anti-missile Dilemma

© V. MIZIN

Victor I. Mizin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vmizin@hotmail.com. ORCID: 0000-0001-7903-4454

Abstract. The issue of missile defense (ABM) remains one of the key topics of the discussion on arms control at the present stage. Without its eventual forthcoming solution, it is impossible to further advance towards reducing the military threat on a global scale, and mutual reduction of the nuclear weapons capabilities of Russia and the United States, Russia and NATO, as well as to strengthen global strategic stability overall. At the same time, this issue is a serious irritant in Russia's relations with its Western counterparts, and, above all, with the NATO military-political alliance led by the United States. Consequently, finding mutually acceptable solutions in this area would help restore trust between Russia and her counterparts and create prerequisites for moving towards a safer and more stable world. A number of tangible priority steps are suggested. Those measures might create certain ways out of the current negotiating impasse over the missile defense issue and help adopt pragmatic measures that would not violate the national security of any states. This process might take place in case of normalization of relations between Moscow and Washington.

Keywords: ballistic missiles, cruise missiles, missile defense, strategic stability, strategic nuclear forces, nuclear weapons, Russia, USA

Citation: Mizin V. (2023) The Unsolved Issue of Arms Control: Anti-missile Dilemma. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. C. 68–82. DOI: 10.31857/S0869049923010057, EDN: NPHGQN.

Введение

Проблема противоракетной обороны (ПРО) остается «нерешаемой», несмотря на то, что экспертное сообщество разработало множество предложений для ее комплексного урегулирования, основанного на консенсусе. Они касаются не только каких-либо ограничений – также сформулированы возможные меры повышения доверия и транспарентности (обмен информацией о программах и запусках, посещение полигонов и т. п.). Казалось бы, данный вопрос можно отложить до будущего восстановления так или иначе оформленного диалога с США. Однако рано или поздно им придется заниматься двум ключевым игрокам сферы – России и США.

К сожалению, из-за политики Вашингтона в настоящее время такие договоры, как СНВ-1, Договор по ПРО или ОСВ скорее остались ностальгическим воспоминанием о «разрядке» и временах построения «общеевропейского дома от Атлантики до Владивостока» в конце 1980-х гг. Безответственный и провоцирующий выход США в одностороннем порядке из ряда ключевых соглашений серьезно подорвал стратегическую стабильность, как и взаимоотношения с Россией. Между тем паузы в процессе контроля над вооружениями не только контрпродуктивны, но и опасны – особенно в сегодняшней международной ситуации. Соответственно, необходимы новые, конструктивные решения этой проблемы. Когда-то подобный диалог с оппонентами был возможен и приносил пользу даже в самые непростые этапы взаимоотношений. В западной политологии проблематике ПРО, как немаловажному аспекту контроля над вооружениями и глобальной безопасности, посвящена уже целая библиотека исследований. Уделяют внимание данной

теме и ветераны американской дипломатии – послы Р. Готтемеллер, Л. Брукс, Дж. Тимби и Дж. Гудби, хорошо знакомые российскому политологическому сообществу.

Дилемма, которой нет?

Некоторые неквалифицированные эксперты в России – особенно представители блогосферы – привычно раздувают угрозу американской глобальной системы ПРО, фактически ставя под сомнение потенциал сдерживания России и компетентность Генерального штаба ВС РФ. Между тем российские вооруженные силы сейчас обладают всеми возможностями для надежной «нейтрализации» – преодоления нынешней и перспективной американской системы ПРО в ответно-встречном ударе¹.

По мнению ряда ведущих российских военных экспертов и практиков, размещение противоракет в Польше и радаров ПРО в Чехии не представляет опасности для российского потенциала ядерного сдерживания². Новая архитектура ПРО в Европе практически не повлияет на потенциал России по отношению к США³, даже если в пусковые контейнеры добавят «Томагавки». Учитывая их количество, угроза кардинально не изменится. Траектории российских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) из районов дислокации соединений Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) пролегают через Северный полюс или с запада на восток. В такой ситуации ЕвроПРО не способна создать для них какие-либо проблемы. Противоракета SM-3 со скоростями полета 3,5–5,5 км/с просто не сможет поразить российскую МБР со скоростью 7 км/с.

Перебазирование мобильных морских и наземных комплексов ПРО в США и на территории вокруг них с целью создать относительно плотную защиту от вероятного ответного удара СЯС России тоже окажется неэффективной мерой. Данный процесс будет продолжительным, скрыть его будет невозможно, а в России такие действия будут рассматривать как подготовку разоружающего удара.

В таком случае даже эти средства могут стать целью российского упреждающего удара в зависимости от того, как оценят неизбежность угрозы нападения. Возможно использование средств противодействия сил Северного и Тихоокеанского флотов России – например, твердотопливных БРПЛ «Булава-30». Как полагают российские эксперты, она должна преодолевать все существующие перехватчики ПРО. Имея достаточно короткую активную траекторию полета, ракета способна маневрировать и выпускать ложные цели, преодолевая таким образом противоракетную оборону⁴.

Неопределенность относительно будущего курса США в вопросе ПРО продолжит беспокоить российских военных, даже если нынешняя система пока реально не представляет серьезной проблемы.

Тем не менее, и Россия развивает свою программу противоракетной обороны. Она включает в себя модернизированную систему А-135 для защиты Москвы от нападения стратегических баллистических ракет до уровня А-235; системы С-300, С-350 и С-400

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию. Kremlin.ru. 1 марта 2018 г. (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>).

² Соломонов Ю., Интервью с генеральным конструктором академиком Ю.С. Соломоновым. Военно-космическая оборона. 2011. № 6. С. 85–86.

³ Есин В., Савостьянов Е. ЕвроПРО без мифов и политики. Независимое военное обозрение. 13.04.2013. (https://nvo.ng.ru/armament/2012-04-13/1_pro.html).

⁴ Карпов А. Основа триады: какими возможностями обладают новейшие российские подлодки проекта «Борей». RT на русском. 19 марта 2019. (<https://russian.rt.com/russia/article/613091-podlodka-borei-ispytaniya-bulava-harakteristiki>).

для перехвата баллистических ракет меньшей дальности, самолетов и крылатых ракет; ракетные перехватчики С-500, способные, по оценке экспертов и официальных лиц, перехватывать боеголовки баллистических ракет средней дальности и, возможно, боеголовки стратегических баллистических ракет и гиперзвуковых систем⁵.

Также успешно завершены испытания комплекса С-550 для поражения уже гиперзвуковых и космических целей⁶, он поставлен на боевое дежурство. Противоракетная система России с ее наземным и космическим эшелонами будет полностью завершена после развертывания Единой космической системы обнаружения и боевого управления.

Понятна озабоченность, которую выражает российская сторона в связи с возможностью захода кораблей ПРО США Aegis в Балтийское, Норвежское, Баренцево или Охотское моря, а также в Берингов пролив, где пролегают границы России и расположены ее ракетные базы. Москва также обеспокоена потенциальным повышением технических характеристик американских кинетических перехватчиков. На вооружение США могут встать противоракеты со скоростью более 4–4,5 км/сек и даже 5 км/с. Планируется, что такую скорость будет развивать SM-3 ПА, который после многих неудач смог перехватить муляж МБР на испытаниях в ноябре 2020 г. Тогда противоракеты SM-3ПА и SM-6 теоретически смогут перехватывать на активном участке траектории российские (главным образом жидкостные) БРПЛ старых систем, которые стартуют из прибрежных акваторий. Однако следует учитывать, что противоракета SM-6 способна перехватывать крылатые ракеты (КР) различной дальности и баллистические ракеты (БР) малой дальности только на конечном участке, так как она «работает» лишь в пределах атмосферы. Чтобы она перехватила БРПЛ на разгонном участке, кораблю с системой Aegis нужно находиться в непосредственной близости от места пуска БРПЛ. Вероятность такого случая крайне мала, так как надводные корабли ВМФ РФ и так не допускают иностранные корабли близко к району патрулирования ПЛАРБ (если не считать покрытые льдом участки океана).

Массированное развертывание кораблей ПРО Aegis вблизи баз ВМФ РФ и районов патрулирования российских подводных ракетноносцев, как и сосредоточение мобильных авиационных систем ПРО из Европы, теоретически создает риск для России. В случае обострения кризиса до предвоенной фазы при угрожающем приближении морских платформ с противоракетами к северным рубежам России (например, с побережья Норвегии) такие районы для упреждающего удара придется «закрывать» флотскими противокорабельными ракетными и торпедными комплексами, а также авиацией ВМФ Балтийского и Северного флотов. Естественно, подобный удар возможен лишь после соответствующего предупреждения.

У России уже имеется свое противоракетное, противоспутниковое оружие: испытанная в ноябре 2021 г. и широко разрекламированная система «Нудоль». Зона гарантированного поражения целей новым комплексом может превысить 600 км по дальности и 200 км по высоте. Российское противоспутниковое оружие включает как оружие космического базирования, вроде наследников «ИС-МУ», так и наземные системы типа «Нудоль» и «советский задел» в виде ракетно-космических комплексов «Наряд-ВН» и «Наряд-ВР» на базе МБР УР-100НУТТХ⁷, системы поражения низкоорбитальных КА в составе самолета

⁵ С-500. Теперь Россия сможет победить США в ядерной войне. Discred.ru. 01.03.2019. (<https://www.discred.ru/2019/03/01/s-500-teper-rossiya-smozhet-pobedit-ssha-v-yadernoj-vojne/>).

⁶ Новая ЗРС С-550 заступила на боевое дежурство. Военное обозрение. 29 декабря 2021. (<https://topwar.ru/190694-novaja-zrs-s-550-zastupila-na-boevoe-dezhurstvo.html>).

⁷ Оружие на новых физических принципах: мифы и реальность. Часть 2: Русский космос. Однако. 12.04.2012. (<http://www.odnako.org/blogs/oruzhie-na-novih-fizicheskikh-principah-mifi-i-realnost-chast-2-russkiy-kosmos/>).

МиГ-31Д и противоспутниковой ракетной системы 79М6 30П6 комплекса «Контакт»⁸. Данное вооружение в состоянии уничтожать пока только информационные системы космического компонента ПРО США, такие как спутники программы Hypersonic and Ballistic Tracking Space Sensor (HBTSS). Они также способны нейтрализовать угрозы от систем разведки, обнаружения и целеуказания американской ПРО.

Реальная уязвимость для стратегических ядерных арсеналов России может возникнуть только в случае резкого и внезапного массированного наращивания наземных, морских, воздушных и космических средств ПРО США для перехвата средств ответного удара. Однако даже при таком катастрофическом сценарии сохранится гонка вооружений, а плотность эволюционировавшей американской глобальной системы ПРО резко возрастет. При таком положении дел ответный удар Стратегических ядерных сил (СЯС) России неминуемо нанесет неприемлемый ущерб силам США.

Принимая во внимание контрмеры со стороны России, а также высокую эффективность средств преодоления ПРО на современных российских МБР и БРПЛ, мощность вероятного ответного удара СЯС РФ по территории как США, так и Европы гарантирует стратегическую стабильность, поскольку ущерб для НАТО или США в таком случае стал бы неприемлемым.

В условиях затяжного кризиса вокруг «украинского вопроса» многие эксперты в США уже практически не скрывают, что европейский сегмент американской системы ПРО в Польше и Румынии потенциально направлен на то, чтобы парировать якобы возросшие угрозы со стороны России. Однако официально Вашингтон и Брюссель все еще связывают системы Aegis Ashore в Румынии и Польше с ракетной угрозой от Ирана. Лишь Варшава и Бухарест устно указывают, что данные системы ПРО должны отражать «угрозу» со стороны РФ.

На сегодня США и Россия имеют довольно «примитивные» системы противоракетной обороны. Пока ни одной из сторон не удалось разработать, успешно испытать и запустить надежную систему обороны территории страны от МБР⁹. Очевидно, что российские военные склонны преувеличивать возможности американской ПРО, а их американские коллеги – потенциал ее совершенствования.

С другой стороны, не стоит завышать и возможности российских средств по прорыву американской системы ПРО. В то же время, согласно заявлениям американской стороны, их противоракетная инфраструктура не рассчитана на прикрытие от российского вероятного ответного удара и не способна на это. Соответственно, в такой ситуации все новые российские средства просто излишни и являются ненужной тратой средств.

Сейчас в СМИ и в военных кругах рекламируют развертываемую тяжелую МБР «Сармат» РС-28 – изделие ГРЦ им. Макеева, которое должно заменить детище украинского «Южмаша» РС-36МС «Сатана» (в России «Воевода»). Испытания РС-28 начались в 2017 г. Однако ряд экспертов в России сомневаются в ее способности нанести гарантированный удар по США. Они также указывают на то, что пусковые шахты РС-28 уязвимы для ракет США типа «Minuteman-III» и особенно БРПЛ «Trident-2». Проводились испытания системы артиллерийской защиты шахтных пусковых установок (ШПУ) «Мозырь», однако она не вошла в широкую эксплуатацию. Именно поэтому Россия в 1990-е гг. пере-

⁸ Противоспутниковая система «Контакт». Невский бастион. 13.12.2013. (<http://nevskii-bastion.ru/contact-pro/>).

⁹ Postol T. A. How Strategic Anti-Missile Defense of the United States Could be Made to Work. Princeton. N.J.: Princeton University Press. 2011. ([https://www.armscontrol.ru/pubs/en/How%20Strategic%20Anti-Missile%20Defense%20of%20the%20United%20States%20Could%20be%20Made%20to%20Work%20\(Postol,%20March27,2011\).pdf](https://www.armscontrol.ru/pubs/en/How%20Strategic%20Anti-Missile%20Defense%20of%20the%20United%20States%20Could%20be%20Made%20to%20Work%20(Postol,%20March27,2011).pdf)).

шла к мобильным пусковым установкам. Также некоторые ведущие эксперты не уверены в заявленной¹⁰ способности «Сармата» атаковать США через Южный полярный круг (тяжелые МБР РС-20В имели эту способность с 1970-х гг.). Как полагает ведущий российский исследователь проблем СНВ и ПРО академик А. Арбатов, внезапный удар с южных ази-мутов нанести не получится: запуск ракет замечают спутники, а подлет – радары, которые на морских платформах можно отбуксировать к южным берегам США¹¹. «Такая траектория предполагает вывод ракеты на околоземную орбиту, а потом спуск с нее... Подлетное время будет намного дольше, чем через Северный полярный круг, а боевая нагрузка и точность, видимо, меньше» [Арбатов 2018]. Он также указывает, что система «Сармат» не соответствует двум принципам стратегической стабильности, согласованным с США в 1990 г.: уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения средствам с повышенной выживаемостью. Понятно, что тяжелые МБР в шахтах «притягивают» на себя первый удар вероятного противника.

По мнению бывшего начальника Главного штаба РВСН генерал-полковника В. Есина, Россия вполне могла согласиться на следующую конфигурацию стратегических сил: порядка 400–500 развернутых стратегических носителей с 1 тыс. развернутых боезарядов [Аничкина, Есин 2015]. Однако часть экспертов с учетом ситуации осторожно предлагают более умеренные оценки – сокращения на 10–15% по сравнению с потолками ДСНВ 2010 г. По данному плану боезапас уменьшится до 1,3–1,4 тыс. единиц стратегических ядерных боезарядов (но и этот показатель пока из области фантазий).

Факты свидетельствуют о том, что ядерный стратегический потенциал России надежно обеспечивает ее безопасность, и его продолжают наращивать и совершенствовать. Нецелесообразно бесконечно беспокоить население России угрозой внезапного американского ядерного удара, что делают сегодня немало «экспертов» и СМИ. Такое нагнетание ситуации вызывает лишь ироническую реакцию специалистов и создает ситуацию психологической панической неопределенности.

Сценарий внезапного выбивания (под прикрытием любой американской структуры ПРО) российских СЯС неядерными высокоточными средствами также опровергают многие отечественные эксперты. Атака ракетами с обычными боевыми частями (БЧ) не гарантирует полное поражение всех стратегически важных объектов¹². Детальные расчеты военных исследователей показывают, что невозможно нанести одновременный удар высокоточными крылатыми ракетами даже по одному конкретному позиционному району РВСН в европейской части страны. При анализе учитывались размер и геометрия целей, оценка необходимого количества крылатых ракет для надежного поражения одного высокозащищенного объекта (ШПУ) или командного пункта в зависимости от точности попадания. Для поражения только одной ШПУ с вероятностью 90% при круговом вероятном отклонении (КВО) крылатых ракет на 5 м и без мер противодействия потребовалось бы 14, а при КВО, равном 8 м – 35 крылатых ракет. В то же время следует помнить о тех позиционных районах РВСН, достичь которых крылатые ракеты просто не могут. В любом случае, поразить все российские мобильные МБР и подводные стратегические ракетноносцы невозможно.

¹⁰ Разработчик ракеты «Сармат» отметил невозможность ее перехвата средствами противника. Интерфакс. 22 мая 2022. (<https://www.interfax.ru/russia/842188>).

¹¹ Вызов брошен. Коммерсант. 12.03.2018. (<https://www.kommersant.ru/doc/3568179>).

¹² Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится. Военно-промышленный курьер. 21 октября 2015 г. (<http://vpk-news.ru/articles/27617>).

Что касается угрозы появления новых средств средней дальности США, по словам генерал-полковника В.И. Есина, «если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара»¹³.

Еще в своем выступлении на церемонии открытия Международного военно-технического форума «Армия-2015» 17 июня 2015 г. президент РФ В.В. Путин подчеркнул: «В этом году к ядерным силам добавится более 40 новых межконтинентальных баллистических ракет, которые смогут преодолеть любые, даже самые технически продвинутые системы противоракетной обороны»¹⁴.

Таким образом, в позиции Москвы по проблеме ПРО присутствует определенный «дуализм». В официальном дискурсе ее по-прежнему позиционируют как стратегическую угрозу. В то же время заявлено, что эту угрозу полностью нейтрализуют новые стратегические системы ее преодоления и сдерживания потенциального агрессора. России следует определить свой политический подход к опасности, исходящей от системы противоракетной обороны США. Необходимо структурировать весь традиционный нарратив по проблематике ПРО.

Очевидно, что в политико-дипломатическом контексте в России будут продолжать утверждать о неснятой опасности американской системы ПРО. Между тем такая позиция противоречит последним политическим заявлениям – в том числе и на высшем уровне – о том, что любая американская противоракетная инфраструктура не обеспечивает выполнения поставленных перед нею задач. Данную тему широко обсуждают в российской экспертной среде. Сложно не согласиться со словами академика А. Арбатова о том, что «от американских ядерных ударов никакая ВКО России не защитит (как не прикроет никакая ПРО Америку от российского ракетно-ядерного оружия)»¹⁵.

Вполне предсказуемо, что российская сторона потребует связать отсутствие ограничений по противоракетной обороне с отказом от требований США включить в лимиты будущего договора (вместо ДСНВ 2010 г.) нестратегическое ядерное оружие. В опубликованной администрацией экс-президента США Д. Трампа «Национальной стратегии в области безопасности» (National Security Strategy, 2017 г.) говорится, что «усиленная противоракетная оборона не предназначена для подрыва стратегической стабильности или нарушения давних стратегических отношений с Россией или Китаем»¹⁶. Однако в «Обзоре противоракетной обороны» за 2019 г. (Missile Defense Review) зафиксировано, что «таким образом Соединенные Штаты не примут никаких ограничений на разработку или развертывание средств противоракетной обороны, необходимых для защиты территории страны от угроз от государств-изгоев и региональных ракетных угроз (rogue state and regional missile threats)»¹⁷.

¹³ Генерал-полковник Виктор Есин: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». Еженедельник «Звезда». 08 ноября 2018. (<https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-0iaAI.html>).

¹⁴ Путин В.В. Выступление на церемонии открытия Международного военно-технического форума «Армия-2015». Kremlin.ru. 16 июня 2015 года. (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49712>).

¹⁵ Арбатов А. Внешняя политика и национальная оборона России. Военно-промышленный курьер. № 12. 30 марта–5 апреля 2011 г. (<https://www.yabloko.ru/publikatsii/2011/04/21>).

¹⁶ National Security Strategy of the United States of America. The White House. December 2017. (<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>).

¹⁷ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defence. (https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf).

Ключевым можно считать тот момент, что в «Обзоре противоракетной обороны» за 2019 г. предлагается значительно расширить миссии и сферы применения противоракетной обороны США. Теперь они включают в себя ответ не только на баллистические ракеты, но и на другие типы ракетных угроз, такие как региональные крылатые и гиперзвуковые системы. В докладе также подчеркнута актуальность использования космоса и новых технологий для перехвата ракеты на этапе разгона.

С точки зрения кризисной стабильности наиболее тревожит то, что «Обзор ПРО» предполагает более агрессивную защиту от «сложных российских и китайских межконтинентальных баллистических ракетных угроз США», а также намекает на будущее развитие космических перехватчиков для противоракетной обороны. В тот момент документ подтвердил следующие планы администрации Д. Трампа: уничтожение ракет противника еще перед запуском («prior-to-launch»); вооружение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) боевыми лазерами для поражения ракет дальнего радиуса действия на разгонном этапе; испытание ракетного перехватчика SM-3 Block IIА против межконтинентальных баллистических ракет (произошло в ноябре 2020 г.); расширение наземных систем противоракетной обороны на Аляске и в Калифорнии с 44 до 64 перехватчиков Ground Based Interceptors (GBI) к 2023 г.; разработка новых заатмосферных перехватчиков NGI для системы GMD. Агентство противоракетной обороны США (MDA) также предложило создать перехватчик следующего поколения на замену экзотатмосферного боевого блока EKV для перехватчика GBI. Особую озабоченность у российских военных вызывает система SM-6 (RIM-174 Standard Extended Range Active Missile (ERAM)), которая является не только средством ПВО/ПРО среднего радиуса действия, но и многоцелевой платформой для ударов по надводным и наземным целям, а также перехвата маневрирующих гиперзвуковых целей.

В «Обзоре противоракетной обороны США» администрации Дж. Байдена, теперь включенном в общую «Стратегию национальной обороны»¹⁸, расширена роль противоракетной обороны. В нее добавили защиту от крылатых и гиперзвуковых ракет, а также дронов (БПЛА). Рассмотрены угрозы от космопланов и частично- или много-орбитальных космических систем (space planes and fractional or multiple-orbital delivery systems). Тем не менее, несекретная версия «Обзора», опубликованная Пентагоном 27 октября 2022 г., не содержит ни серьезных новшеств стратегии США, ни ясного плана выполнения задач на данном направлении военного строительства. Количество программ и проектов по факту сильно сокращено по сравнению с «Обзором ПРО-2019». От многих из них отказались в 2019–2021 гг.

«Обзор ПРО-2019» в целом сохранил преемственность с курсом администрации Б. Обамы. Тем не менее, в документе от 2010 г. не указывали на обстановку соперничества великих держав. Последняя появилась в документах не раньше публикации Национальной оборонной стратегии США от 2018 г. «Обзор ПРО-2010» концентрировался на региональных угрозах от ракетных арсеналов КНДР, Ирана и (впервые) Китая, но не на стратегических ядерных силах РФ и КНР. Для защиты от СЯС РФ и КНР все еще должно было служить ядерное сдерживание, а чиновники администрации Обамы (в отличие от администрации Трампа) постоянно подчеркивали, что распространение ПРО США на СЯС РФ будет слишком затратным, низкоэффективным и стратегически дестабилизирующим. Последний «Обзор» занимает 12 страниц (по сравнению со 108 страницами в предыдущем) в 80-страничной несекретной версии «Стратегии национальной обороны США».

¹⁸ Fact Sheet: 2022 National Defense Strategy. U.S. Department of Defense. March 2022. (<https://media.defense.gov/2022/Mar/28/2002964702/-1/-1/1/NDS-FACT-SHEET.PDF>).

В нее также впервые включили «Обзор ядерной стратегии» и «Обзор противоракетной обороны». В прошлом основные руководящие документы публиковали отдельно. В данном «Обзоре» продолжена линия администрации Д. Трампа, которая, в свою очередь, в значительной мере сохранила преемственность с документом времен правления президента Б. Обамы. Администрация Д. Трампа, как отмечалось выше, впервые включила усилия в области противоракетной обороны в контекст конкуренции великих держав – как противовес стратегическим силам России и Китая – а не только межконтинентальным баллистическим ракетам Северной Кореи и Ирана.

Важно, что в «Обзоре» от 2022 г. признали взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Данное положение следует рассматривать в контексте отсутствия в «Обзоре ПРО-2022» тезиса о недопустимости каких-либо ограничений на развертывание американских систем региональной и национальной ПРО. Последний присутствовал в «Обзорах» от 2010 и 2019 гг.

Итак, «Обзор противоракетной обороны» 2022 г. в значительной степени продолжает традиционную политику США в области противоракетной обороны. Он мало проясняет реальную стратегию администрации по модернизации и корректировке ПРО страны для противодействия рассматриваемым угрозам. Документ подтверждает, что национальная противоракетная оборона выступает главным приоритетом противоракетной обороны Америки. США продолжают модернизировать и расширять наземную систему противоракетной и противовоздушной обороны (GMD), которая была создана для защиты территории США якобы только от северокорейских и иранских ракет.

Пентагон с 2019 г. (когда была закрыта программа RKV) продолжает программу создания 20 перехватчиков следующего поколения (NGI) для защиты от ограниченных ядерных ударов. Контракты на ее разработку заключены с компаниями Northrop Grumman и Lockheed Martin¹⁹. В будущем NGI могут полностью заменить нынешние 44 наземных перехватчика Ground Based Interceptors.

Параллельно США активно разрабатывают новую «наступательную» систему – МБР LGM-35 Sentinel. Ее называют средством стратегического сдерживания наземного базирования GBSD, которое заменит давно устаревшие ракеты Minuteman III.

В целом России и США для совместного решения по ПРО потребовалось бы согласовать абсолютно новое понимание стратегической стабильности. Однако данную тему предстоит раскрыть в отдельных новых исследованиях. Такая работа уже была начата некоторое время назад [Мизин 2020].

Идеи возможного урегулирования проблемы «классической» ПРО

Ситуация в области контроля над вооружениями сейчас, по понятным причинам, близка к катастрофической. Однако в российской традиции «исторического оптимизма» можно представить, что «окно возможностей» для продолжения диалога по ПРО и основам стратегической стабильности не закрыто до конца даже в период кардинальной трансформации всей системы международных отношений. Нельзя не согласиться с российским экспертом по вопросам военной безопасности, бывшим заместителем министра обороны, послом РФ в США А.И. Антоновым. Он отмечает, что «при любых обстоятельствах политико-дипломатические усилия в этой сфере необходимо продолжать. Как представляется, российской и американской сторонам принадлежит особая роль в развитии сотрудниче-

¹⁹ Hypersonic Missiles: Evolution or Revolution? Naval News. 01 Nov 2022. (<https://www.navalnews.com/naval-news/2022/11/hypersonic-missiles-evolution-or-revolution/>).

ства в области ПРО между Россией и НАТО, и полное использование имеющегося потенциала может послужить основой для продвижения этого сотрудничества по конструктивному руслу» [Антонов 2012].

Сегодня диалог заморожен по причине глубокого кризиса в отношениях с США и НАТО. Однако очевидно, что его продолжение в рамках широкого обмена мнениями, который был прерван из-за начала острой фазы украинского кризиса, могло бы обеспечить сторонам большую предсказуемость в вопросах перспектив дальнейшего развития соответствующих систем.

Тот факт, что Россия обрела, как заявлено на высшем уровне, способность преодолевать любую американскую систему ПРО, означает, что при наличии политической воли вполне реально вернуться к поиску долгожданного компромисса. Уже имеется солидный задел «блоков» для возможного соглашения в продолжение Нового Договора по СНВ 2010 г., где также решается и вопрос о ПРО²⁰ [Wilkening 2000; Ivanov 2000]. На настоящий момент накоплена целая библиотека инициатив по данному вопросу²¹.

Огромное преимущество для России представляет единство позиции со стратегическим союзником – Китаем²². Идет совместная работа по преодолению негативного влияния американской ПРО на их возможности обеспечить оборону и стратегическую стабильность в целом.

Понятно, что «нового Договора по ПРО» уже не будет. Однако при нормализации геополитической ситуации, проявлении политической воли, развитии внутривнутриполитической ситуации в США и стабилизации отношений стороны могли бы прийти к некоему компромиссному варианту в обозримом будущем.

Речь идет, прежде всего, о таких инициативах, как меры доверия и контроля: взаимные посещения объектов, совместные центры предупреждения о ракетных угрозах, учения сил ПРО РФ и НАТО и т. д. Было бы полезно принять определенные меры транспарентности и разграничить системы противоракетной обороны: например, разделить стратегическую оборону и МБР с БРПЛ взаимоприемлемыми параметрами.

Опорой в таком случае могли бы стать показатели, описанные в нератифицированном договоре СНВ-III от 1997 г., однако стоит добавить к ним разрешение для региональных систем ПРО защищать от баллистических и крылатых ракет средней и малой дальности. Несмотря на то, что переговоры в 1997 г. были безрезультатными, на них удалось договориться о важных направляющих документах, которые сегодня почти забыты. Так, были согласованы технические параметры ограничения систем ПРО. Среди них заявление о низкоскоростных ракетах-перехватчиках ТМД и критериях испытаний, соблюдение которых гарантирует, что такие системы не будут считаться стратегическими. Договоренность о высокоскоростных ракетах-перехватчиках ТМД исключает из системы перехватчики ТМД космического базирования и определяет критерии испытаний. Выработано также

²⁰ В России Новый (Пражский) Договор по СНВ 2010 г. называют «СНВ-3». Другой договор с таким названием (СНВ-3, START-III) был выработан еще в 1997 г., но не ратифицирован. The START III Framework at a Glance. Arms Control Association. (<https://www.armscontrol.org/factsheets/start3>).

²¹ Podvig P. Missile Defense and the Myth of Strategic Stability. Prepared for the workshop on “Stability Issues in a New Nuclear Order”, Berlin 15-16. December 2014; Missile Defense and U.S.-China Strategic Stability. Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 10 July 2019. (<https://carnegietsinghua.org/2019/07/10/missile-defense-and-u.s.-china-strategic-stability-event-7157>).

²² «...Мы же не создаем с Китаем военных союзов. Да, мы стратегические союзники. Мы не работаем против кого-то, мы работаем во благо себя самих и наших партнеров», – заявил президент России В. Путин на пленарном заседании ПМЭФ в 2019 г. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Kremlin.ru. 7 июня 2019 года. (<http://kremlin.ru/events/president/news/60707>).

соглашение о мерах укрепления доверия, в рамках которого участникам договора помогли бы оценивать эксплуатационные возможности их систем противоракетной обороны на ТВД. Также предусматривались уведомления об их испытаниях.

К сожалению, эти прорывные идеи не спасли Договор по ПРО, несмотря на интересные наработки по мерам доверия и транспарентности, которые разработали в Группе по обороне и космосу на переговорах по СНВ в Женеве в 1991 г., где участвовал и автор. К ним относились такие процедуры, как уведомления о программах или посещение лабораторий и испытательных полигонов. Еще с 1983 г. Москва и Вашингтон рассматривали целый ряд предложений в области урегулирования проблемы ПРО. В настоящее время никто не вспоминает компромиссные идеи, выдвинутые Москвой в период усилий по «спасению» Договора по ПРО начала 1990-х гг.

5 октября 1991 г. на переговорах в Женеве президент СССР М.С. Горбачев, удивив собственных дипломатов, выразил готовность обсудить новые предложения США по неядерной ПРО. Как позже разъясняла советская делегация, данное заявление не означало согласия Москвы с тезисами Вашингтона. СССР и США не удалось к началу 1990-х гг. достичь компромисса о развертывании так называемой «Глобальной системы защиты от ограниченных ударов» (ГЗОУ) (она предусматривала вывод на орбиту по меньшей мере 2000 малогабаритных спутников слежения с перехватчиками Brilliant Pebbles). Российский ответ на эту инициативу – развертывание «Глобальной системы защиты» (ГСЗ) – также не был претворен в жизнь. Москва отвергла предложения о развертывании 6 новых позиционных районов с 150 перехватчиками и снятии запретов на разработки и испытания противоракетных систем. Российским представителям пришлось практически дезавуировать заявление Президента Б.Н. Ельцина по вопросам разоружения от 19 января 1992 г. В нем он предложил вместо СОИ совместно работать над «переориентированной» противоракетной программой – Глобальной системой защиты (ГЗОУ), своего рода аналогом и ответом американской программе GPALS (1991 г.) президента Дж. Буша-мл. Было подчеркнуто, что российский лидер имел в виду лишь сотрудничество по разработке совместных систем предупреждения о ракетном нападении и обмена данными.

Диалог двух стран в 2010–2013 гг. по проблематике ПРО – как на официальном уровне, так и в экспертной среде – не дал результатов. В апреле 2013 г. Вашингтон предложил заключить исполнительное соглашение о транспарентности противоракетной обороны. В соответствии с ним стороны ежегодно обменивались бы данными о ключевых компонентах своих ракетных систем и прогнозируемых масштабах развертывания на каждый год в течение десяти лет. Москва не отреагировала на предложение. Ведущий американский эксперт по контролю над вооружениями доктор Б. Робертс (в то время – заместитель помощника министра обороны по ядерному оружию и противоракетной обороне) тогда неоднократно задавал вопрос о том, почему Москва упорно отказывается участвовать в демонстрациях испытаний американской противоракетной обороны и не сотрудничает в других мерах укрепления доверия и транспарентности (посещение стартовых площадок и др.). Однако следует учитывать, что республиканцы в Конгрессе сделали невозможным выполнение такого соглашения. Они внесли поправку в закон «Об оборонных расходах на 2014 фин. г.», которая запрещала передавать России информацию о ПРО США кроме как в рамках договора, ратифицированного двумя третями Сената, или иного соглашения, одобренного более чем половиной обеих палат Конгресса. Так республиканцам удалось упредить заключение подобного соглашения администрацией Б. Обамы. В сложившихся условиях ответ Москвы никакого смысла и не имел. С тех пор данную поправку постоянно продлевали, а в законе «Об оборонных расходах на 2023 фин. г.» ее сделали бессрочной.

В случае нормализации отношений Москве и Вашингтону в первую очередь надо будет установить согласованные ограничения на соответствующие системы вооружений и договориться о гарантиях в отношении потенциалов и географических районов размещения своих стратегических перехватчиков.

В будущем Россия и США могли бы достичь специального политического соглашения, которое не подлежало бы ратификации Конгрессом США.

Такой договор мог бы включать следующие меры:

- регулярный обмен планами по проблематике ПРО; обязательные уведомления об изменениях в развитии программ и развертывании систем ПРО/ПВО сторон на ближайшие 10–15 лет, их количества и географической локации в целях обеспечения транспарентности и предсказуемости;
- адаптация и конкретизация, а также (по мере возможности) юридическое закрепление некоторых мер контроля и верификации по Договору по ПРО в политически обязывающем соглашении по мерам укрепления доверия;
- создание консультативного органа, который служил бы форумом для решения и урегулирования вопросов соблюдения договоренностей;
- согласование квот и процедур регулярных посещений мест испытаний и развертывания стратегических перехватчиков, а также связанных с ними радиолокационных станций;
- согласование количественного предела в 100 противоракет и пусковых установок у каждой из сторон (по Договору по ПРО с поправками в Протокол от 1974 г.);
- изучение теоретической возможности согласовать и включить в согласованные ограничения по стратегическим системам доставки стратегические оборонительные потенциалы (в соотношении, например, 2 к 1 наступательных к оборонительным);
- технические разграничения между стратегическими (ограниченными соглашением) противоракетами и перехватчиками театра военных действий (неограниченными)²³;
- согласование посещений испытательных полигонов по ПРО;
- по меньшей мере 10-летний мораторий на развертывание перехватчиков космического базирования.

Что касается политически обязывающей договоренности об ограничении национальной противоракетной обороны показателем в 100 перехватчиков²⁴, то пока вряд ли возможно включить этот предел в общий потолок для боезарядов по будущей договоренности по договору СНВ. Сохранение ста перехватчиков ПРО снизит количество стратегических средств доставки до 400, если общий потолок будет согласован на уровне 500 боеголовков.

С целью конкретизации таких договоренностей стороны могли бы учредить совместный Центр обмена данными систем раннего предупреждения (ЦОД, JDEC)²⁵. Центр в режиме реального времени предоставлял бы сторонам данные радаров в России и в Европе, а также информацию с датчиков космического базирования. Результатом такого

²³ Соответствующие переговоры велись в 1997 г. в рамках разработки СНВ-3 в соответствии с «Согласованными заявлениями о Меморандуме о договоренности от 26 сентября 1997 г. в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года», которые были конструктивной отправной точки для будущих переговоров.

²⁴ Thielmann G. Incorporating Missile Defense in Strategic Arms Control. Deep Cuts Issue Brief #12. October 2020. (https://deepcuts.org/files/pdf/Deep_Cuts_Issue_Brief_12-Missile_Defense_Strategic_Arms_Control_01.pdf).

²⁵ МЕМОРАНДУМ О ДОГОВОРЕННОСТИ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О СОЗДАНИИ СОВМЕСТНОГО ЦЕНТРА ОБМЕНА ДАННЫМИ ОТ СИСТЕМ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УВЕДОМЛЕНИЯМИ О ПУСКАХ РАКЕТ. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.06.2000. (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1585949/).

обмена станет создание интегрированной системы обнаружения и слежения за ракетными угрозами и космическими объектами, представляющими опасность для Европы. В первую очередь речь идет об отслеживании наземных комплексов МБР. В 2000 г. РФ и США попытались организовать такую работу операторов СПРН, открыв в Москве Центр обмена данными от систем предупреждения о ракетном нападении. Предполагалось, что американский и российский персонал будут работать совместно, используя национальные аппаратные средства, которые в будущем могли бы быть сопряжены.

Американские специалисты Дж. Льюис и Ф. фон Хиппель критиковали возможные подходы к ограничению развертывания противоракетной обороны [Lewis, von Hippel 2018]. К ним относятся технические возможности России и Китая для преодоления ПРО: замена перехватчиков противоракетной обороны ядерными боеголовками баллистических ракет, американо-российское сотрудничество по ПРО, повышение прозрачности программ ПРО Соединенных Штатов, сдержанность в развертывании противоракетной обороны, а также снижение ракетных угроз от Северной Кореи или Ирана через дипломатические инициативы.

Прежде всего, России важно добиться отказа от размещения систем ПРО в непосредственной близости от ее территории: на Балтике, в Арктике и Северо-Восточной Азии. Нельзя игнорировать и фактор собственно европейской системы ПРО европейских членов НАТО²⁶.

К сожалению, пока отсутствуют какие-либо сигналы о том, что после истечения срока действия Нового (Пражского) Договора по СНВ в 2026 г. переговоры по дальнейшим соглашениям двух сторон возобновятся. Возможно лишь то, что Россия и США заключат соглашение о продолжении имплементации его лимитов при сохранении режима верификации. Скорее всего в нынешней ситуации и это крайне проблематично²⁷. К более глубоким сокращениям стратегических вооружений Москва сейчас не готова. Тем не менее, желательно было бы возобновить хотя бы инспекции по ДСНВ 2010 г.

Заключение

И Россия, и США укрепляют свои программы противоракетной обороны, а также развертывают новые стратегические наступательные системы. Тем не менее, противоракетные потенциалы обеих стран пока ограничены. В сложившейся ситуации остается актуальным вопрос о том, сохранится ли у сторон интерес к контролю над вооружениями – в том числе и для сдерживания программ противоракетной обороны. Пока такая эвентуальность не исключена, но довольно маловероятна в ближайшем будущем.

В конечном счете могут быть предприняты и более далеко идущие шаги [Gottemoeller 2020; Brooks 2020]. Главное, как представляется, чтобы стороны были настроены на практический результат по урегулированию проблемы ПРО. Остается надеяться, что такой диалог между Россией и США рано или поздно все же возобновится. Его отсутствие чревато непредсказуемыми последствиями.

²⁶ Missile Defence in Europe: Strategic, Political and Industrial Implications. Directorate-General for External Policies of the Union, Directorate B. 2011. ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2011/433827/EXPO-SEDE_ET\(2011\)433827_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2011/433827/EXPO-SEDE_ET(2011)433827_EN.pdf)).

²⁷ Заявление МИД России о ситуации с Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.02.2023. (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1852877/)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов А. И. (2012) Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр. 132 с.
- Аничкина А.Б. Есин В.И. (2015) Дальнейшее сокращение стратегических ядерных вооружений России и США в контексте широкого понимания военно-стратегического баланса // Россия и Америка в XXI веке. № 2. С. 3.
- Арбатов А. Г. (2018) Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные // Полис. Политические исследования. № 3. С. 7–29. (<https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.02>.)
- Дворкин В. (2012) Перспективы противоракетного сотрудничества США/НАТО и России // В: Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? Ред.: Арбатов А., Дворкин В. М.: РОСПЭН. С. 192–211.
- Мизин В.И. (2019) Новые контуры стратегической стабильности и перспективы контроля над стратегическими вооружениями // Пути к миру и безопасности. № 1. С. 96–121. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-96-121.
- Мизин В.И. (2020) Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. Т. 18. № 2. С. 141–168. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.8. (<http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1657/pxGpMC37T6.pdf>).
- Brooks L.F. (2020) The End of Arms Control? // Daedalus. No. 149. Pp. 83–100. (https://www.amacad.org/sites/default/files/publication/downloads/Daedalus_Sp20_6_Brooks.pdf).
- Gottmoeller R. (2020) Rethinking Nuclear Arms Control // Washington Quarterly. Vol. 43. Issue 3. Pp. 139–159.
- Ivanov I. (2000) The Missile-Defense Mistake: Undermining Strategic Stability and the ABM Treaty // Foreign Affairs. Vol. 79. No. 5. Pp. 15–20.
- Lewis G., von Hippel F. (2018) Limitations on Ballistic Missile Defense – Past and Possibly Future // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 74. No. 4. Pp. 199–209.
- Wilkens D.A. (2000) Ballistic-Missile Defence and Strategic Stability // The Adelphi Papers. Vol. 40. Issue 334. Pp. 5–8. DOI: 10.4324/9781315001043.

REFERENCES

- Antonov A. I. (2012) *Kontrol' nad vooruzhenijami: istorija, sostojanie, perspektivy* [Control over Armaments: History, State, Perspectives]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN); PIR-Centr. 132 p.
- Anichkina T.B, Esin V.I. (2015) Dal'neishee sokrasheniye strategicheskikh yadernykh sil Rossii i SShA v kontekste shirokogo ponimaniya voenno-strategicheskogo balansa [Further Reductions of Strategic Nuclear Forces of Russia and the USA in the Framework on Broader Comprehension of Strategic Balance]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*. no. 2, p. 3.
- Arbatov A. (2018) Ugrozy strategicheskoy stabilnosti – mnimye i realnye [The Threats to Strategic Stability: Mythical or Real]. *Polis. Political Studies*. vol. 3, pp. 7–29. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.02>.
- Brooks L.F. (2020) The End of Arms Control? *Daedalus*. no. 149, pp. 83–100. (https://www.amacad.org/sites/default/files/publication/downloads/Daedalus_Sp20_6_Brooks.pdf).
- Dvorkin V. (2013) Perspektivy protivoraketnogo sotrudnichestva SShA/NATO i Rossii [Prospects for Antimissile Cooperation between the USA/NATO and Russia]. In: *Protivoraketnaja oborona: protivostojanie ili sotrudnichestvo?* Ed(s): Arbatov A., Dvorkin V. Moscow: Carnegie Center, ROSSPEN. Pp. 192–211.

Gottemoeller R. (2020) Rethinking Nuclear Arms Control. *Washington Quarterly*. vol. 43, issue 3, pp. 139–159.

Ivanov I. (2000) The Missile-Defense Mistake: Undermining Strategic Stability and the ABM Treaty. *Foreign Affairs*. vol. 79, no. 5, pp. 15–20.

Lewis G. and von Hippel F. (2018) Limitations on Ballistic Missile Defense – Past and Possibly Future. *Bulletin of the Atomic Scientists*. vol. 74, no. 4, pp. 199–209.

Mizin V.I. (2019) Novye kontury strategicheskoy stabil'nosti i perspektivy kontrolja nad strategicheskimi vooruzhenijami [New Contours of Strategic Stability and Perspectives of Control Over Strategic Armaments]. *Puti k miru i bezopasnosti*. no. 1, pp. 96–121. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-96-121

Mizin V.I. (2020) Novye kontury strategicheskoi stabilnosti v globalnoy mnogopolyarnoy konkurentzii [Novel Outlines of Strategic Stability in the Global Multipolar Competition]. *Mezhdunarodnye protsessy*. vol. 18, no. 2, pp. 141–168. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.8. (<http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1657/pxGpMC37T6.pdf>).

Wilkening D.A. (2000) Ballistic-Missile Defence and Strategic Stability. *The Adelphi Papers*. vol. 40, issue 334, pp. 5–8. DOI: 10.4324/9781315001043.

Информация об авторе

Мизин Виктор Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: vmizin@hotmail.com

About the author

Victor I. Mizin, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS) (Moscow, Russia). Address: 117997 Moscow, Profsotuznaya street, 23. E-mail: vmizin@hotmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 14.11.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 28.01.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010069
EDN: NRJICE

Оригинальная статья / Original article

Линия ФРГ в военной области: дрейф от концепции «стратегической сдержанности»?

© Ф.О. ТРУНОВ

Трунов Филипп Олегович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), 1trunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Как основной агрессор во Второй мировой войне Германия обязана бессрочно соблюдать комплекс строгих ограничений при развитии и использовании своего военного потенциала. Рассмотрена эволюция соблюдения страной этого принципа вплоть до начала 2020-х гг. Внимание уделено кейсам пересмотра Германией условий, которые ограничивали нарастание военного строительства страны ради державных амбиций. ФРГ декларировала, что «российская (советская) угроза» стала основным поводом для ремилитаризации. Однако в реальности Германия уходила от учета своей особой ответственности перед СССР и РФ. В данном контексте показаны рамочные условия функционирования «военной машины» ФРГ, заданные канцлером К. Аденауэром. Прослежена направленность ремилитаризации ФРГ в период с конца 2010-х гг. Изучены особенности использования бундесвера внутри и вне зоны ответственности НАТО как шаги по отходу от «стратегической сдержанности».

Ключевые слова: Германия, историческая ответственность, ремилитаризация, бундесвер, НАТО, холодная война, ОМУ

Цитирование: Трунов Ф.О. (2023) Линия ФРГ в военной области: дрейф от концепции «стратегической сдержанности»? // Общественные науки и современность. № 1. С. 83–100. DOI: 10.31857/S0869049923010069, EDN: NRJICE.

The Policy of Germany in Military Sphere: Drift from the Concept of “Strategic Restraint”?

© PH. TRUNOV

Philipp O. Trunov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), 1trunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. As the key aggressor in World War II, Germany has to indefinitely comply with a set of stern restrictions considering the development and use of the national military potential. FRG’s attitude towards the principle until the early 2020s is studied. Key attention is paid to the cases where Germany abandoned the restrictions which had been limiting the realization of its ambitions as a world power. “Russian (Soviet) threat” has become the main pretext (but not the reason) for FRG’s remilitarization. However, in such cases Germany has ignored its own historic responsibility to the USSR and the Russian Federation. The framework conditions of the Bundeswehr development, outlined by Konrad Adenauer, are considered. The direction of the remilitarization (since the end of 2010s), as well as the features of Bundeswehr usage inside and outside the NATO zone of responsibility, are studied. It is concluded that the majority of these measures show the drift away from the “strategic restraint” concept.

Keywords: Germany, historic responsibility, remilitarization, the Bundeswehr, NATO, Cold War, WMD

Citation: Trunov Ph. (2023) The Policy of Germany in Military Sphere: Drift from the Concept of “Strategic Restraint”? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 83–100. DOI: 10.31857/S0869049923010069, EDN: NRJICE.

Германия была ключевым агрессором в самом разрушительном конфликте в истории человечества – Второй мировой войне. Он завершился безоговорочной капитуляцией Третьей рейха. Груз исторической ответственности обязывал возрожденные германские государства – ГДР и ФРГ, которая претендовала на роль «собирателя земель» – принять обязательства в двух направлениях. Одно из них – глубокая внутренняя модернизация, направленная на денацификацию. Она включала создание политико-правовых механизмов, которые должны предупреждать усиление крайне правых настроений и утверждение их апологетов у власти. Второе обязательство – строго соблюдать набор ограничений, которые касались развития и использования национальной «военной машины». Речь прежде всего шла о следующих мерах:

1) «потолок» численности военнослужащих, отказ от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения и поражения (ОМУ, ОМП), что ограничивает саму возможность воссоздания полноценных вооруженных сил (ВС);

2) недопустимость применения ВС в боевых (силовых) операциях, особенно в агрессивных, т. е. сугубо наступательных, в нарушение суверенитета и территориальной целостности других государств;

3) отказ от использования вооружений и военной техники (ВиВТ) национального производства в действиях наступательного характера.

Особо остро стоял вопрос о допустимости использования ВС Германии и ВиВТ ее производства, чтобы противодействовать государствам, которым Третий рейх нанес наибольший урон – прежде всего, СССР и РФ как его правопреемнице. Совокупность приведенных правил и их практического проявления в политике государства уместно обозначить термином «стратегическая сдержанность».

Западная, а затем и объединенная Германия последовательно стремились увеличивать свой вес на международной арене [Hacke 1993; Берман 2017]. ФРГ адаптировалась к ограничениям в военно-стратегической сфере, либо искала повод их пересмотреть в ситуации, когда такие требования она воспринимала как непреодолимую помеху для своих национальных амбиций. Отказ от выполнения конкретного обязательства в ФРГ подавали как результат согласия с партнерами из числа «либеральных демократий» – прежде всего из круга западных держав-победительниц (США, Великобритания, Франция), которые стали союзниками Западной Германии по НАТО.

Задача статьи – исследовать степень практической приверженности ФРГ принципу «стратегической сдержанности» в развитии и использовании бундесвера по состоянию на начало 2020-х гг. Эволюции «военной машины» ФРГ посвящен большой корпус работ зарубежных (прежде всего немецких и англо-саксонских) и отечественных исследователей [Синдеев 2015; Rink 2015; Warwick 2007; Vogel 2020]. Однако во многих публикациях, особенно зарубежных, взаимосвязь между изменением военной мощи Германии и учетом принципа исторической ответственности (особенно перед СССР и РФ) прослеживается лишь лапидарно или не учитывается вовсе [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018; Major, Swistek 2022]. Обращение к «связке» данных вопросов особенно актуально в условиях старта долгосрочного восстановительного роста бундесвера (с конца 2010-х гг.). Данный процесс тесно связан с активизацией участия ФРГ в «сдерживании» РФ, а также КНР. Германия также стремится найти более эффективные способы обеспечить свое военное присутствие в зонах нестабильности в северной части Африки и на Ближнем Востоке. Статья опирается на положения теории строительства вооруженных сил и методы сравнительного и ивент-анализа.

История вопроса: рамочные условия, заданные К. Аденауэром

Первые принципиальные шаги по восстановлению бундесвера предпринял К. Аденауэр – канцлер-основатель ФРГ. В условиях разъединения Германии он стремился создать ресурсную базу и условия для державных амбиций ФРГ в будущем. Протекал данный процесс при органичном участии партнеров по НАТО, которые также выполняли функцию встроеного контроля. Вопреки традициям германо-прусского государства, ФРГ «растворяла» национальные усилия в рамках многосторонних, что особенно отчетливо проявлялось в военной сфере.

К. Аденауэр де-факто содействовал сохранению и развитию конфронтации Запад-Восток, используя заинтересованность «либеральных демократий» в усилении мощи Евро-Атлантического сообщества, чтобы поставить вопрос о ремилитаризации ФРГ [Bindenagel 2020]. Избранная тактика позволила ему добиться принципиального согласия «западных держав» на воссоздание регулярных западногерманских войск. Германии были поставлены условия: во-первых, войска должны были полностью подчиняться профильным евро-атлантическим структурам¹. В начале 1950-х гг. таковой считалась будущая «европейская армия» («план Плевена»), однако здесь препоны для ФРГ создала Франция. Заручившись поддержкой США, К. Аденауэр избрал другой путь – по линии НАТО².

Во-вторых, для вновь создаваемого бундесвера ввели «потолок» численности регулярных войск, но очень высокий – 500 тыс. военнослужащих³, т. е. эквивалент 1-2 групп армий

¹ Архив посла А.И. Степанова // Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 26-о.

² Там же.

³ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. BMVg. 2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>).

времен Второй мировой войны. В то же время этот показатель не включал в себя силы территориальной обороны, а в случае наличия угрозы войны ФРГ могла резко увеличить численность личного состава сверх установленного предела [Rink 2015]. Однако условие не предполагало ограничений в выборе форм комплектования ВС: бундесвер состоял не только из профессионалов-контрактников (как в случае войск Веймарской республики по Версальскому миру 1919 г.), но и срочников. По окончании службы они составили многочисленный (сотни тысяч военнослужащих) корпус резервистов.

В-третьих, Боннская республика отказывалась от доступа к ядерному оружию. На этом ограничении (де-юре бессрочном) настаивала Франция и в целом «западные державы»⁴. Вместе с тем, США могли использовать территорию ФРГ для размещения единиц ОМУ и их носителей. В-четвертых, К. Аденауэр согласился на правило о том, что войсковые подразделения, части и соединения бундесвера можно задействовать строго в пределах национальных границ⁵. Самоограничение было актуально лишь для реалий мирного времени. Следует подчеркнуть, что, в отличие от предыдущих трех пунктов, данный момент не был полноценно отражен в соответствующих международно-правовых документах, но его включили в национальное законодательство – Основной закон, что оставляло заметный простор для маневрирования.

При К. Аденауэре была начата масштабная ремилитаризация Западной Германии вопреки закономерной обеспокоенности СССР, который обвиняли в агрессивных устремлениях.

Особенности «стратегической сдержанности» в 1990-е – 2010-е гг.

Рамочные условия развития и использования «военной машины», заданные К. Аденауэром, определили направление ее функционирования на длительную перспективу. Де-юре самоограничения ФРГ впервые закрепила в Парижских протоколах от 23 октября 1954 г. с группой западных держав-победительниц – вопреки СССР⁶. Новое оформление обязательств потребовалось для объединявшейся Германии, т. е. «большой» ФРГ – в данном случае участвовал и Советский Союз. 12 сентября 1990 г. был подписан договор об окончательном урегулировании в отношении Германии («2 + 4»). Он подтверждал ее право иметь национальные ВС и устанавливал новый «потолок» численности личного состава к 1994 г. – 370 тысяч, в т. ч. не более 345 тысяч суммарно для сухопутных войск и ВВС⁷. Фиксировался отказ Германии от производства, владения и распоряжения ОМУ и ОМП основных видов (нем. ABC-Waffen – атомное, биологическое и химическое). Особо подчеркивалась формула: «с немецкой земли будет исходить только мир»⁸. Подготовка к ведению наступательной войны была признана антиконституционной и наказуемой. ФРГ принимала данные обязательства в качестве добровольных ограничений на бессрочной основе⁹.

⁴ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. BMVg. 2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>).

⁵ The Bundeswehr on Operations (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense. Pp. 14–21.

⁶ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. BMVg. 2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>).

⁷ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. (1994) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения. С. 34–37.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Договор «2 + 4» в полной мере имплементировали к осени 1994 г.: бундесвер сокращали (одновременно переводя в его состав военнослужащих ННА ГДР) в прямо порциональной зависимости от скорости вывода советских (с 1992 г. российских) войск с территории «новых земель» ФРГ. Именно завершение данного процесса истеблишмент в Бонне рассматривал как фактическое окончание конфронтации Запад-Восток. Позицию Германии подтвердило принятие консенсусом всех трех ветвей власти процедуры использования бундесвера вне национальных границ (12–22 июля 1994 г.)¹⁰, что автоматически аннулировало соответствующий запрет в Основном законе ФРГ. Уже с начала 1990-х гг. бундесвер начали использовать вне зоны ответственности НАТО (прежде всего, на Африканском роге)¹¹. В середине – второй половине 1990-х гг. ВС ФРГ активно применялись на балканском направлении. Дважды имело место силовое использование ВВС: в 1995 г. (операция НАТО Deliberate Force) и в 1999 г. (Allied Force). Данные действия обозначались мерами по защите бошняко-хорватской федерации (от Республики Сербской) и албанцев в Косове (от «малой» Югославии). На деле их можно интерпретировать как нарушение Германией принципа «только мира», который должен исходить с ее земли. Оба данных кейса (особенно второй) нужны были, чтобы утвердить ФРГ в роли региональной державы [Bindenagel 2020, 26–27, 156–158] и начать движение к положению полновесного глобального игрока. Однако эти сюжеты все же остаются исключениями из общего правила. Иллюстрацией тому служила неготовность Берлина в войсковом отношении поддержать западных партнеров в ходе иракского (2003), ливийского (2011) и сирийского (2013) военно-политических кризисов, первые два из которых переросли в силовые операции. С начала XXI в. применение бундесвера было перефокусировано на зоны нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, Африканском роге и в Западной Африке. Здесь германские военные в основном решали задачи по миротворчеству и поддержанию мира, а также участвовали в реформе сектора безопасности стран происхождения конфликта.

Однако с середины 2010-х гг. возник и развивался кризис стратегического присутствия ФРГ в данных зонах нестабильности: сначала в Афганистане [Glatz, Kaim 2020, 2–4], затем в Сомали и на сирийско-иракском направлении, и, наконец, в Мали и в целом странах G5 Sahel. Данные трансформации были обусловлены, с одной стороны, ошибками игроков Евро-Атлантического сообщества, в т. ч. самой Германии: попытки наложить ценности либеральной демократии на политическую почву стран Азии и Африки в основном не давали требуемого результата. Одновременно имели место и «узкие места» военного характера: так, стремление властей ФРГ минимизировать летальные потери (в случае наличия таковых возникал высокий риск отзыва мандата Бундестага) часто заметно снижало эффективность усилий бундесвера – особенно при выявлении боевиков незаконных вооруженных формирований (НВФ) и их запасов, а также последующей нейтрализации [Tull 2019, 2–4]. Набор ошибок бил по имиджу Германии как миротворца, заставляя ее идти на экстренную эвакуацию своих войск (свертывание миссии NATO Resolute Support в Афганистане в апреле-июне 2021 г.), отказываться от даже ограниченного использования бундесвера (II западная антитеррористическая коалиция в Сирии, с 2022 г.)¹² или с трудом отстаивать сохранение контингента в условиях недо-

¹⁰ The Bundeswehr on Operations (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense. Pp. 38–39.

¹¹ Ibid. Pp. 51–72.

¹² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern (2022). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. S. 4–9.

вольства присутствием бундесвера в стране пребывания (миссия MINUSMA в Мали, заметные трудности с 2021 г.)¹³.

С другой стороны, сужение присутствия Германии за пределами Евро-Атлантического сообщества во многом объяснялось необходимостью предоставлять возраставшие по численности контингенты войск, чтобы комплектовать группировки Альянса внутри зоны его ответственности с 2014 г. Причина – конфронтация между коллективным Западом и РФ, которая приобрела черты новой холодной войны. Так, если в начале 2010-х гг. объем присутствия бундесвера вне зоны ответственности НАТО составлял в среднем 7 тыс. военнослужащих, то уже к 2015 г. он упал до 3,5 тыс. [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018, 8–11], а в начале 2020-х гг. – до 2 тыс. солдат и офицеров (уже после отмены ограничений, связанных с пандемией)¹⁴. Сказалась физическая нехватка войсковых единиц в результате длительных и масштабных сокращений бундесвера 1990-х – первой половины 2010-х гг. В результате численность личного состава «военной машины» ФРГ опустилась до отметки менее 180 тыс. человек (на 2014 г.)¹⁵, что более чем в два раза ниже «потолка» по договору «2 + 4» (370 тыс.). Притом в ФРГ с 2011 г. отменили призыв, т. е. германские вооруженные силы стали полностью профессиональными, в этом отношении отойдя от установок К. Аденауэра. Спектр причин, которые определили сокращения, не ограничивался приверженностью «стратегической сдержанности». Развитие бундесвера логично вписывалось в общемировые тренды: оно было нацелено на расширение стратегического присутствия на мировой арене, одновременно удовлетворяя запрос обществу внутри ФРГ на сокращения ВС и расходов на них [Синдеев 2015]. Фокус в развитии военной мощи перенесли с сил общего назначения (СОН, «тяжелые» войска), которые в первую очередь предназначены для «сдерживания» оппонента в Европе, на силы кризисного реагирования (СКР, «легкие»). Последние применяют в отдалении от зоны ответственности НАТО. Однако постепенно сокращения приобрели характер «редукций ради редукций», ослабляя до критических отметок ту военно-ресурсную базу, которая требовалась ФРГ для воплощения державных амбиций. К середине 2010-х гг. не удалось достигнуть планируемого объема сил кризисного реагирования, а сокращение сил общего назначения продвинулось далеко за пределы, рациональные с точки зрения германских интересов.

В сложившейся ситуации конфронтация Запада с РФ (с 2014 г.) стала удобным поводом для восстановления военной мощи ФРГ, равно как и других государств-членов НАТО. Тем не менее, ее сопровождали еще два значимых безальтернативных «побочных» следствия. Во-первых, требовалось вновь сменить фокус внимания в развитии «военной машины», отдав приоритет в пользу СОН в ущерб развитию и использованию СКР. Иными словами, абсолютное большинство имевшихся и вновь создаваемых войсковых единиц бундесвера как минимум на перспективу 10–15 лет априори предполагалось использовать внутри зоны ответственности НАТО, а не в отдалении от нее. Во-вторых, отстаивая перед парламентом и общественностью новые шаги по усилению военной мощи, власти демонизировали «российскую угрозу». Таким образом, ФРГ вновь наращивала ВС, связывая

¹³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2022). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05. S. 5–10.

¹⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. Statista.de. 2022. (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional>).

¹⁵ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). CommuniquéPR/CP(2022)105 (2022). Brussels: NATO. P. 12.

этот процесс с росшим по объему участием в конфронтации с влиятельной незападной державой, что неизбежно означало отход от «стратегической сдержанности».

Вероятность превышения «потолка» численности ВС

Восстановительный рост численности личного состава бундесвера стартовал с 2017–2018 гг. и изначально шел медленно (таб. 1).

Таблица 1

Изменение параметров военной мощи ФРГ к началу 2020-х гг.¹⁶

Table 1

Changes of the Germany's military power parameters in the early 2020s

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность ВС (тыс. военных)	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8
Военные расходы (млн долл. в ценах 2015 г.)	39 274	39 833	41 173	43 438	44 567	48 653	52 440	52 516

В начале 2020-х гг. темпы наращивания численности ВС ставили под сомнение планы в этом направлении. После окончания холодной войны именно наземные войска стали основным объектом для сокращений. В условиях новой конфронтации на них закономерно пришлось основное усиление. В армии количество дивизий планировалось увеличить с 3 до 6, бригад – с 7,5 до 15,5–17,5 единиц, т. е. в среднем не меньше чем в два раза¹⁷. Преобладали планы по наращиванию именно СОН, которые имели всего 2 дивизии в составе 6,5 бригад. К середине 2030-х гг. их должны дополнить еще 3 дивизиями и 7–9 бригадами, т. е. почти всеми вновь создаваемыми (кроме 1 бригады) соединениями¹⁸.

Обеспечение восстановительного роста ВС требует от Берлина многоаспектных решений. В первую очередь речь идет о мотивационных шагах – финансовых и политико-психологических. Под первыми понимается рост жалования военнослужащим в контексте общего увеличения расходов на военные нужды (таб. 1), частичного использования специального фонда дополнительных ассигнований на бундесвер (в 100 млрд евро)¹⁹. О его создании канцлер О. Шольц заявил 27 февраля 2022 г., почти сразу после начала специальной военной операции (СВО) РФ. Данное событие стало в первую очередь поводом, а не причиной для решений Берлина. Фактор СВО будут использовать для политико-психологической мотивации потенциальных новобранцев. Однако такая стратегия может обострить и проблему заметного усиления крайне правых в составе ВС и силовых структурах в целом [Белинский 2021, 251–252]. Так, неонацистский заговор стал причиной прецедентного для ФРГ расформирования войскового подразделения по

¹⁶ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). CommuniquéPR/CP(2022)105 (2022). Brussels: NATO. Pp. 7, 12.

¹⁷ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. Bundeswehr Verband. 19.04.2017. (<https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/>).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. Bundesregierung. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>).

политическим мотивам. Отметим, что распушено было элитное подразделение – рота сил специальных операций (ССО)²⁰.

Не исключено, что для наращивания военной мощи ФРГ потребуется в том или ином виде восстановить призыв (пересмотреть его «обнуление» Министерством обороны без внесения иных юридических корректировок на уровне Бундестага). Обязательная военная служба могла бы высвободить дополнительный личный состав из числа контрактников-профессионалов для комплектования многонациональных группировок НАТО и ЕС вне районов постоянной дислокации.

В то же время ФРГ вряд ли станет создавать формирования «иностранный легиона» в составе вооруженных сил: это противоречит национальной традиции, которая сложилась после разгрома преимущественно наемной армии Прусского королевства Наполеоном (1806 г.). В войсках СС Третьего рейха иностранцы присутствовали в значительных количествах вплоть до того, что их сводили в отдельные войсковые единицы. Однако данные войска были параллельной вермахту «военной машиной», в связи с чем это исключение можно считать скорее условным. С конца 2010-х гг. в Германии стали расширять возможности для службы в бундесвере для граждан из союзных (по НАТО и ЕС) стран, однако едва ли их будут объединять в отдельные формирования уровня бригады – и тем более выше.

Представленные в открытом доступе материалы содержали плановые показатели численности личного состава ВС по состоянию на середину 2020-х гг., т. е. в них не представлен «дальний горизонт». Одна из трех дивизий сухопутных войск, которые намерены развернуть германские власти, с высокой долей вероятности будет составлена в основном из призываемых на короткие сроки резервистов²¹. Данные факторы говорят о неуверенности руководства ФРГ в том, что планы по наращиванию «военной машины» будут выполнены полностью. С высокой долей вероятности, численность ее личного состава даже к середине 2030-х гг. будет существенно ниже обоих «потолков», установленных договором «2+4». Предположительно, она составит 130–180 тыс.²² суммарно для армии и ВВС (при «потолке» в 345 тыс.), 250–270 тыс. для вооруженных сил в целом²³ (верхний предел – 370 тыс.). Таким образом, формально бундесвер далек от достижения и превышения закрепленных в договоре «2+4» предельных количественных показателей.

Однако, если сравнивать с периодом холодной войны, численность вооруженных сил ведущих государств мира не только резко сократилась, но и вряд ли уже приблизится к показателям 1950–1980-х гг. в условиях новой конфронтаций Запада и не-Запада²⁴. Так, в 2014–2022 гг. личный состав большинства ведущих стран-участниц НАТО возрос незначительно (1–3% за весь период или даже сократился)²⁵. Типовые вооруженные силы 2020-х гг. отличаются от формирований предыдущих десятилетий большей технологич-

²⁰ KSK-Reform: Vertrauen wiederherstellen. BMVg. 10.05.2021. (<https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ksk-reform>).

²¹ Modernisierungs katalog der Bundeswehr bis 2031: Geld ist knapp – Personal noch vielmehr. Augen geradeaus! 20.12.2019. (<https://augengeradeaus.net/2019/12/modernisierungskatalog-der-bundeswehr-bis-2031-geld-ist-knapp-personal-noch-viel-mehr/>).

²² Значительную часть тыловых компонент передали в силы поддержки (как отдельный род войск). Притом в сентябре 2020 г. было создано командование воздушных и космических операций [Vogel 2020].

²³ Рассчитано автором на основе указанных источников, сайта Министерства обороны ФРГ.

²⁴ Под понятием «не-Запад» имеется в виду совокупность игроков, которые не относят себя к «коллективному» Западу и дистанцируются от него как минимум политически и ценностно-информационно (идеологически). Так, данный термин активно используют школы исследователей-международников в РУДН и МГИМО [Алексеева 2017].

²⁵ Рассчитано автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Communiqué PR/CP(2022)105 (2022). Brussels: NATO. P. 12.

ностью (массовое использование автоматизированной техники, готовность действовать в качественно новых средах – прежде всего в кибер- и информационном пространстве). Однако также их отличает существенно меньшее количество «активных штыков» и войсковых единиц. Соответственно, каждая имеющаяся – и тем более вновь разворачиваемая – единица (батальон, полк, дивизия или корпус) имеет намного больший военный и политический вес, чем в предшествующие эпохи. Так, батальонные боевые группы НАТО в Восточной Европе, по сути, выполняли нагрузку уровня бригад, а по мере их преобразования в бригады – уже дивизий. По сравнению с эпохой биполярности резко возросла значимость не только каждой новой войсковой единицы, но и каждой дополнительной сотни млн единиц национальной валюты, которые выделяют на военные нужды.

Соответственно, безусловный курс ФРГ на плавный, но последовательный долгосрочный рост как численности личного состава, так и объема военных расходов можно признать ремилитаризацией. В данном случае контраргументом нельзя считать сопоставление количества соединений в перспективном бундсвере и в нем же во времена холодной войны. Как уже отмечалось ранее, существуют резкие различия между «военными машинами» государств мира во второй половине 1940–1980-х гг. и 2020–2030-х гг.

Уже начатая и планируемая ремилитаризация ФРГ в полной мере выступает элементом дрейфа от «стратегической сдержанности». Подтверждение тому – ключевая цель, поставленная в рамках НАТО. Она должна быть достигнута в результате создания новых войсковых единиц, а также придания им и уже имеющимся более межвидового характера: Германия принимает функции «рамочного государства» в возможно большом количестве кейсов [Glatz, Zapfe 2017, 2–4]. 7 июня 2022 г. канцлер О. Шольц заявил, что будущие ВС ФРГ станут наиболее многочисленными конвенциональными войсками среди европейских стран-участниц НАТО²⁶. Соответственно, Германия вернет третью позицию в списке крупнейших ВС государств-членов Альянса (после США и Турции), которая была утрачена в 1990-е – середине 2010-х гг. [Varwick 2007].

Параллельно официальный Берлин стремился упрочить опосредованный доступ к ОМУ США – запасу атомных бомб В-61 в Бюхеле. Данные действия нарушают букву и дух самоограничений ФРГ по договору «2+4» (как минимум по вопросам распоряжения и владения ОМУ). Опираясь на принципиальные договоренности с США (они де-факто соблюдались даже в период президентства Д. Трампа), германский истеблишмент вновь использовал тезис о «российской угрозе» в увязке с секретностью ряда ключевых мер, чтобы замаскировать свои действия. Так, в октябре 2020 г. в ФРГ провели учения 33-й авиаэскадры люфтваффе по принятию на борт и учебной отработке бомбометания боезарядов В-61, что стороны не афишировали. Используя фактор СВО РФ как повод, в марте 2022 г. правительство ФРГ приняло решение заменить парк самолетов 33-й эскадры на F-35 производства США²⁷. Проблема доступа к американскому ОМУ актуализировалась для ФРГ после того, как увеличилось количество избранных партнеров, которым Белый дом готов предоставить такую возможность. В результате создания AUKUS она вполне может появиться у Австралии [Васильев 2022, 241–244].

²⁶ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 7. Juni 2022 in Wilna. Bundeskanzleramt. 7.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428>).

²⁷ Bloomberg узнал о планах ФРГ закупить 35 истребителей F-35. Известия. 5.12.2022. (<https://iz.ru/1435694/2022-12-05/bloomberg-uznal-o-planakh-frg-zakupit-35-istrebitelei-f-35>).

Принцип «стратегической сдержанности» при использовании бундесвера

Основным практическим идентификатором степени интегрированности ВС ФРГ в НАТО стал резкий рост участия в комплектовании группировок Альянса. Двумя ключевыми элементами их системы выступали силы быстрого реагирования (СБР, NATO Response Force, NRF) и силы передового развертывания (СПР, NATO Forward Presence Force, FPF). СПР представлял I-ый стратегический эшелон войск НАТО, который развернут непосредственно у границ зоны ответственности Альянса, обращенных к РФ, – в основном на территории восточноевропейских стран-участниц. II-ой эшелон, который представлял собой СБР, в основном располагался в «глубине», на территории «старых» государств-членов. При наращивании потенциала FPF и NRF Германия заметно большее внимание уделяла вторым (особенно до начала 2020-х гг.). В первую очередь причиной тому был географический фактор (расположение самой ФРГ), однако в определенной мере в этом проявлялась и «стратегическая сдержанность». В рассматриваемом ракурсе она была наиболее заметна в первые годы новой холодной войны, когда институционализация данного принципа лишь стартовала. В тот период существовал риск неконтролируемой эскалации.

Именно во время выполнения ФРГ функций «рамочного государства» при комплектовании СБР (с сентября 2014 г. на год) было решено резко увеличить их штатную численность (с 13 до 40 тыс.), а также создать в их составе соединение повышенной боевой готовности – «острие копья» (Very High Readiness Joint Task Force, VJTF)²⁸. В дальнейшем ФРГ чаще, чем было положено в рамках вновь установленной в НАТО 7-летней очередности, принимала роль «рамочной нации» при комплектовании VJTF – не только в 2019 г. (на 12 месяцев), но и в ходе крупнейших учений Trident Juncture 18²⁹.

При принятии (2016 г.) и выполнении (с января 2017 г.) решений о развертывании боевых групп СПР НАТО в странах Балтии и Польше ФРГ стала «рамочной нацией» для войсковой части в Литве. Показательно, что в первый список «рамочных государств» для FPF, помимо Германии, вошли исключительно англо-саксонские державы³⁰. Направляющая роль, которую ФРГ приняла на себя при развертывании наземных войсковых СПР, стала первым симптомом отхода от «стратегической сдержанности» на данном направлении.

С середины 2010-х гг. Германия активно участвовала в развертывании системы штабов многосторонних корпусов и дивизий FPF. Первое время они оставались в основном «бумажными» соединениями, имея в подчинении вместо положенных 3-х бригад по 2–3 батальона³¹. Поводом для их «наполнения» войсковым содержанием стала СВО РФ на Украине с 24 февраля 2022 г. Уже через месяц ФРГ направила контингент в состав второй для себя многосторонней боевой группы СПР НАТО в Восточной Европе (в Словакии). В этом случае «рамочной нацией» выступила Чехия, однако именно ФРГ внесла наиболее крупный по численности войсковой вклад. Параллельно Берлин активизировал участие в комплектовании военно-морских групп Альянса в акваториях к северу и югу от Восточной Европы, а также в развертывании военно-воздушной миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства всего региона (в пределах зоны ответственности НАТО).

²⁸ NATO Response Force. NATO. 11 Jul. 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm).

²⁹ Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 01 Jan. 2019. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en).

³⁰ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 21 Dec. 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm).

³¹ Ibid.

7 июня 2022 г., почти в 100-й день проведения СВО, канцлер О. Шольц по итогам встречи с лидерами стран Балтии заявил, что батальонная боевая группа в Литве с ведущим участием бундесвера будет трансформирована в бригадную³². Данное решение уже де-юре нарушает положения Основополагающего акта Россия-НАТО (1997). Следует подчеркнуть, что этот шаг стал прецедентом на уровне Альянса, то есть ранее США или другие игроки не предлагали таких инициатив. Более того, на Мадридском саммите НАТО (2022) закрепили необязательный характер перехода для боевых групп FPF в целом³³. Решение от 7 июня 2022 г. было подано в контексте планов по превращению бундесвера в крупнейшие среди европейских стран-участниц Альянса конвенциональные вооруженные силы. 30 июня по итогам саммита НАТО О. Шольц заявил о том, что полную, трехбригадную «тяжелую» дивизию (15 тыс. военнослужащих; на тот момент в бундесвере насчитывалось всего два таких соединения), 60 боевых самолетов и 15 кораблей зарезервируют для ротационного комплектования группировок НАТО в Восточной Европе³⁴.

Соответственно, в 2022 г. активность ФРГ в развертывании FPF и NRF стала вполне соизмеримой. Неудивительно, что Берлин на Мадридском саммите НАТО поддержал резкий рост объема сил стран-участниц, резервируемых для комплектования различных группировок: 800 тыс. военнослужащих, в т.ч. 100 тыс. способных перейти в состояние полной боевой готовности в срок до 10 дней, еще 200 тыс. – до месяца, остальные 500 тыс. – до полугода³⁵. Постепенно их будут объединять в единую отлаженную систему.

При проведении наиболее значимых учений НАТО Германия проявляла приверженность «стратегической сдержанности», однако в начале 2020-х гг. позиция стала скорее ситуационной. Чем обусловлены данные особенности? ФРГ стремилась минимизировать использование войск, особенно боевых (а не вспомогательных) частей и подразделений, в тех учениях Альянса, которые имели провокационную направленность в отношении РФ. Здесь, однако, Берлин не столько учитывал историческую ответственность, сколько не желал допустить неконтролируемую эскалацию напряженности, т.е. подойти к состоянию прямого военного конфликта. Так, бундесвер крайне ограниченно участвовал в интенсифицированном комплексе учений НАТО в странах Балтии и Республике Польша (РП) в 2014–2015 гг. В ходе маневров Anakonda 16 (июнь 2016 г., РП, частично восточные районы ФРГ) удельный вклад бундесвера составлял чуть более 1% и был ограничен саперным батальоном³⁶. Таким образом Германия подавала «сигнал» о предпочтительности плавного наращивания СПР НАТО в середине 2010-х гг., а также о недопустимости перехода от ротационного к постоянному характеру их комплектования. В отличие от других «западных держав», ФРГ уклонилась от участия в национальных маневрах шведских

³² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. Bundeskanzleramt. 7.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428>).

³³ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 21 Dec. 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm).

³⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. Bundeskanzleramt. 30.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018>).

³⁵ New NATO Force Model. NATO. 2022. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf).

³⁶ Рассчитано на основе: NATO countries begin largest war game in eastern Europe since the Cold War. The Guardian. 6 Jun 2016. (<https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016>).

войск Аугоа 17 (сентябрь 2017 г.). Так Берлин выразил свое отношение к перспективе ускоренного вступления Швеции в НАТО.

Качественно иным был вклад ФРГ в учения Trident Juncture 18 (октябрь – ноябрь 2018 г.), которые проводили в основном в Норвегии и прибрежных акваториях. Доля германских военных в них составила 16%, а на суше бундесвер исполнял функции «рамочного государства» при комплектовании VJTF – основы контрударной группы³⁷. На практике Германия отработала комбинированную передислокацию крупной разнородной группировки войск в северном направлении – в субарктическую зону. Как и другие учения (Anakonda 16, Sea Breeze 21, Cold Response 22), маневры Trident Juncture 18 были нацелены на отработку действий в рамках A2/AD. На практике они представляли собой маневры по окружению и расчленению группировок войск оппонента, под которым условно подразумевалась РФ. Однако ФРГ в принципе не участвовала в Sea Breeze 21 (июнь-июль 2021 г., Черное море и прибрежные районы Украины). Ее вклад в Cold Response 2022 (март-апрель 2022 г., Норвегия и прилегающие акватории) оказался незначительным – около 3% от общего объема задействованных военнослужащих³⁸. Почему Trident Juncture 18 стали исключением из ряда маневров? ФРГ демонстрировала интерес к стратегическому проникновению в Арктику, геополитически и геоэкономически делая основную ставку на Норвегию. Притом учения Trident Juncture 18 проводились в то время, когда первые, казавшиеся Берлину наиболее опасными, этапы развития новой конфронтации с РФ уже прошли. В случае с Cold Response 2022 ФРГ вновь проявила «стратегическую сдержанность» на фоне развития СВО РФ.

Факторами, которые объективно приближали Евро-Атлантическое сообщество к прямому военному конфликту с РФ, выступали не только масштабные поставки ВиВТ Киеву, но и участие в деятельности «иностранный легиона» ВФУ граждан из стран-участниц НАТО, особенно отставных и действующих военных. Их активности не препятствовали правительства ряда государств-членов Альянса. Однако власти ФРГ заняли иную позицию, будучи неготовыми негласно одобрить отправку сколько-нибудь значительного контингента офицеров и солдат бундесвера в украинские формирования. О. Шольц неоднократно подчеркивал недопустимость использования регулярных частей ВС любой страны-участницы НАТО в зоне СВО³⁹. Данная позиция повлияла на численность германских граждан в составе ВФУ. К середине марта 2022 г. их насчитывалось порядка 1 тыс. из общего количества в 20 тыс. «легионеров»⁴⁰, т. е. 5%. Летом-осенью 2022 г. численность наемников из ФРГ существенно сократилась (до нескольких сотен и даже десятков комбатантов), что объяснялось боевыми потерями и – частично – возвращением на родину. К декабрю 2022 г. Германия не входила в топ-10 государств, выходцы из которых были наиболее представлены в «иностранный легионе» ВФУ⁴¹. Среди прочего, сыграло свою роль то, что официальный Берлин понимал опасность возвращения на родину ряда категорий иностранных комбатантов – прежде всего, идейных неонацистов и радикалов, в том

³⁷ Trident Juncture 2018. NATO. 29.10.2018. (<https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm>).

³⁸ Рассчитано на основе: Exercise Cold Response 2022 – NATO and partner forces face the freeze in Norway. NATO. 7.03.2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm).

³⁹ См., например: “Es darf keinen Krieg zwischen Russland und der NATO geben”. Bundeskanzleramt. 26.01.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/-es-darf-keinen-krieg-zwischen-russland-und-der-nato-geben-2160706>).

⁴⁰ Was über deutsche Kämpfer in der Ukraine bekannt ist. rbb24. 11.03.2022. (<https://www.rbb24.de/politik/thema/Ukraine/beitrag/deutsche-freiwillige-kaempfer-ukraine-beweggruende.html>).

⁴¹ Председатель СК России провел оперативное совещание в Генеральской Херсонской области. Следственный комитет России. 24.11.2022. (<http://sledcom.ru/press/events/item/1743429/>).

числе тех, которые ранее воевали в составе отрядов «Исламского государства»⁴². Именно они преобладали среди «добровольцев» из ФРГ⁴³, представляя для нее более чем реальную угрозу в случае возвращения на родину – особенно с оружием. Наиболее тревожным был сценарий теневого «срачивания» германских неонацистов, свободно действующих на территориях официального Киева, с крайне правыми в личном составе силовых структур ФРГ. Активность правых радикалов, особенно в военной области [Белинский 2021, 251–253], проиллюстрировала неполноту денацификации Западной Германии, которую проводили, прививая ценности «либеральной демократии».

В зонах нестабильности в Азии и Африке вынужденное резкое сокращение военного присутствия в начале 2020-х гг. не сопровождалось даже частными эпизодами силового использования бундесвера. Причем Германия активно стремилась применять тактику антиухода (сохранения своих стратегических позиций в условиях утраты таковых другими «западными державами») – особенно в Афганистане и Мали. Однако данная задача решалась в политико-дипломатической плоскости (попытки установить опосредованный контакт с «Талибаном» через Исламабад, а также поддерживать прямую связь с переходными властями в Бамако). Основу контингента оставляли в регионе до последней возможности. Так, правительство ФРГ отказывалось эвакуировать личный состав из состава *Resolute Support* [Glatz, Kaim 2020, 2–4] вплоть до окончательного решения администрации Дж. Байдена по Афганистану (апрель 2021 г.). Германские военные инструкторы из миссии EUTM Mali оставались в стране даже в условиях временного прекращения ее деятельности (апрель 2022 г.). Также ФРГ стремилась сохранить свой контингент в составе MINUSMA (особенно весной-осенью 2022 г.)⁴⁴. Данная линия не исключала участия германских военных в боевых столкновениях, однако оно было сугубо точечным, что можно было трактовать как право на самооборону.

На первый взгляд, обоснованием выбора несиловых форм использования бундесвера служит тезис о традиционной неготовности ФРГ проводить военно-силовые операции вне многосторонних усилий государств-партнеров по Евро-Атлантическому сообществу. Однако подобные миссии осуществлялись, но без участия Германии. Так, в феврале 2020 г. по инициативе Франции началась многоаспектная операция под эгидой ЕС *Takuba* с силовой составляющей, целью которой была борьба с радикальными НВФ в Мали и G5 Sahel в целом [Сидоров 2022]. Для самого ЕС подобная миссия стала прецедентной, на практике выражая «стратегическую автономию» объединения. В *Takuba* участвовали внешние для ЕС игроки – Великобритания (только что завершившая процедуру выхода из состава объединения) и Канада, но отсутствовала Германия⁴⁵. Последняя последовательно продолжала избегать боевого использования ВВС в борьбе II-й западной антитеррористической коалиции с «Исламским государством» и дружественными ему силами в Ираке. Данные примеры иллюстрируют, что Берлин сохранял приверженность «стратегической сдержанности» при использовании бундесвера в северной части африканского континента и на Ближнем Востоке. Чем объяснялось данное поведение? ФРГ всячески старалась закрепить свой образ взвешенного глобального миротворца, особенно в пред-

⁴² Запрещенная в РФ организация.

⁴³ См.: Was über deutsche Kämpfer in der Ukraine bekannt ist. rbb24. 11.03.2022. (<https://www.rbb24.de/politik/thema/Ukraine/beitraege/deutsche-freiwillige-kaempfer-ukraine-beweggruende.html>).

⁴⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2022). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05. S. 5–10.

⁴⁵ Ibid.

ставлении африканских и азиатских стран. Берлин был готов пожертвовать сугубо тактическими результатами, которые часто были отрицательными. Так, ни группировка ВВС в Ираке, ни миссия Takuba не смогли выполнить поставленные перед ними задачи в полной мере. Отказавшись от участия в операции ЕС, ФРГ сохранила свое присутствие в Мали в 2021–2022 гг. (в основном под эгидой ООН) – в отличие от Франции или Великобритании. Помимо прочего, так официальный Берлин смог умело дистанцироваться от бывшей метрополии (Парижа) в восприятии Бамако. Отказ от боевого использования бундсвера в Ираке (с фокусом на подготовку кадров сил безопасности официального Багдада и пеш-мерга) усилил положительный имиджевый эффект от невовлеченности ФРГ в военно-силовую кампанию 2003 г.

На Дальнем Востоке в начале 2020-х гг. Германия стремилась отложить полноценное военное подключение к «сдерживанию» КНР, которое развивали США и их партнеры в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В данном контексте примечательна столь редкая в практике ФРГ национальная эгида военно-дипломатической миссии фрегата «Бавария» (август 2021 г. – февраль 2022 г.) [Арзаманова 2022]. Официальный Берлин рассматривал ее как первый шаг на пути к ротационному присутствию своих ВМС в ИТР с опорой на порты дружественных стран (в частности, Австралии и Японии)⁴⁶. С 2021 г. германская сторона декларативно поддерживала ужесточение восприятия КНР Евро-Атлантическим сообществом, особенно по линии НАТО. «Китайский фактор» стали обозначать как угрозу в коммюнике по итогам ключевых саммитов, а в июне 2022 г. КНР зафиксировали в этом статусе в новой стратегической концепции Альянса [Major, Swistek 2022, 2–3]. Вместе с тем, официальный Берлин пока не проявлял энтузиазма в вопросе практического использования эгиды блока для противодействия Пекину.

Среди причин такой стратегии – фактор исторической ответственности Германии, однако не следует преувеличивать его значимость. Одним из ближайших партнеров Берлина в ИТР неизменно выступает Япония, которая в годы Второй мировой войны нанесла чудовищный по масштабу и жестокости урон китайскому народу. В реалиях XXI в. Германия и Япония вновь проявили взаимную заинтересованность. Стороны признают успехи друг друга в деле денацификации/демилитаризации посредством демократизации по западным стандартам и взаимной поддержке усилий по увеличению стратегического присутствия в мире. Их партнерство проявлялось в рамках формата G4, который нацелен на реформу Совета Безопасности ООН. Взвешенность Берлина в вопросе «сдерживания» Китая имела во многом торгово-хозяйственную мотивацию, что отражает содержание двусторонних межправительственных консультаций (ФРГ не пошла на «заморозку» данного формата), а также визит О. Шольца в Пекин 4 ноября 2022 г. Не столь очевидны, но важны и соображения военно-стратегического характера: в начале 2020-х гг. Германия не была готова полноценно подключиться к еще одной конфронтации Запада и не-Запада. Подобный шаг не только увеличил бы ориентированность ФРГ на США, но уменьшил бы ее и без того сократившиеся возможности обеспечивать военное присутствие на глобальном уровне. Развертывание военно-морской группировки НАТО на Дальнем Востоке потребует использования и резервирования нескольких фрегатов Германии.

⁴⁶ Indo-Pacific Deployment 2021. BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021>).

Эволюция подхода к поставкам ВиВТ германского производства

До начала 2020-х гг. правительство ФРГ последовательно отказывалось от поставок летальных ВиВТ в зоны вооруженных конфликтов. Логичное исключение оно делало только в тех случаях, когда власти таких стран в согласии с умеренной оппозицией и международным сообществом сосредотачивались исключительно на противодействии радикальным НВФ.

Практикой (особенно с середины 2010-х гг.) стало резкое сокращение объемов экспорта ВиВТ с запретом на продажу ряда ключевых категорий по запросу партнеров, в т. ч. отдельных стран-участниц НАТО. Речь, во-первых, идет о Турции: Берлин сократил военную торговлю с ней (особенно в плане комплектующих для бронетехники) из-за недовольства сразу по нескольким вопросам. Так, протесты со стороны ФРГ вызвали полноценные операции турецких войск на территорию Сирии и Ирака. Также Германия пыталась подтолкнуть Анкару к выполнению решений Берлинской конференции по Ливии (2020 г.) и не допустить применения силы в отношении Греции – другой страны-участницы НАТО. Во-вторых, Берлин ограничил торговлю с Саудовской Аравии в 2019 г. Поводом и одной из причин такого шага стало убийство журналиста Дж. Хашогги, однако более важной детерминантой виделось иное: она побуждала партнера прекратить многостороннюю военную активность ССАГПЗ в Йемене и тем не допустить риск эскалации напряженности в отношениях с Ираном.

Здесь следует выделить проявившуюся с середины 2010-х гг. особенность экспорта ВиВТ ФРГ в западные державы, с которыми Запад находится (РФ, КНР) или приближается к состоянию конфронтации (ИРИ). В первых случаях показатели продаж ВиВТ были практически точечными, в последнем – нулевыми⁴⁷.

Однако ФРГ использовала фактор СВО как информационный повод для отхода от приверженности «стратегической сдержанности» и на данном треке. До середины апреля 2022 г. официальный Берлин ограничивался предоставлением украинским властям нелетальной продукции (экипировка, медицинские средства и т. п.), однако затем правительство О. Шольца направило Бундестагу запрос о поставке ВиВТ на Украину. 28 апреля 2022 г. большинство депутатов удовлетворили данную просьбу. В него вошли представители эстаблированных, т. е. интегрированных в политическую систему «либеральной демократии», партий – как правительственных (СДПГ, «Зеленые», СвДП), так и оппозиционного блока ХДС/ХСС. «Против» выступили отдельные их депутаты и фракции «фланговых» партий – «Левой» и «Альтернативы для Германии»⁴⁸. Стал очевиден широкий консенсус элит по крайне важному элементу «игр мускулами» в контексте державных амбиций ФРГ. Как и на других треках, Берлин проводил соответствующий курс плавно по нарастающей – постепенно переходя от одиночных шагов небольшого масштаба к мерам качественно иного характера. Поставки ВиВТ для Украины стали значительными с конца лета 2022 г. Их денежное выражение за весь календарный год

⁴⁷ См. ежегодные отчеты по экспорту вооружений: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre... (Rüstungsexportbericht...). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie.

⁴⁸ Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, Bündnis 90/Die Grünen und FDP: Frieden und Freiheit in Europa verteidigen – Umfassende Unterstützung für die Ukraine. Drucksache 20/1550 (2022) Plenarprotokoll 20/31. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 31. Sitzung. Berlin, Donnerstag, 28. April. S. 2719A-2736D, 2742 D-2745 D.

составило более 2,0 млрд евро, а планируемое на 2023 г. – порядка 2,2 млрд евро⁴⁹. На конец 2022 г. речь прежде всего шла о предоставлении, во-первых, штурмовых гаубиц Panzerhaubitze 2000 (14 единиц) и РСЗО MARS II (5 единиц). Каждая из них способна стать «ядром» соответственно небольшой механизированной или артиллерийской группы ВФУ. Во-вторых, поставлялась специальная саперная техника, в частности мостоукладчики, которые особенно ценны для ВФУ при форсировании водных преград. В-третьих, Украина получает средства для «ослепления» дронов, разведывательные БПЛА и такие же ударные аппараты для действий на водной поверхности. Наконец, ФРГ постепенно усиливала оснащение наземной (1 система типа Iris-T) и особенно войсковой ПВО (30 зенитных самоходных установок Gepard) Украины⁵⁰. Принципиально значимым моментом в отдалении ФРГ от концепции «стратегической сдержанности» стало решение от 25 января 2023 г. о поставке танков Leopard 2A6 (первая партия – 14 единиц)⁵¹. Также Берлин разрешил европейским странам-участницам НАТО отправлять Украине такие танки, приобретенные ранее у Германии⁵².

* * *

К началу 2020-х гг. в ФРГ стартовала новая ремилитаризация. Как и в случае с Западной Германией, информационно ее связывают с позиционированием ФРГ как «либеральной демократии» и демонизацией «российской угрозы» (ранее советской). Именно по тем трекам, где последнюю наиболее активно используют как повод, Германия особенно значительно отходит от обусловленных ее исторической ответственностью стратегических ограничений. На постепенный отказ от данного принципа указывают: наращивание военной мощи в целом, резкая интенсификация использования бундесвера вблизи границ и в глубине зоны ответственности НАТО, получение опосредованного доступа к ОМУ. Дрейф Германии от концепции «стратегической сдержанности» с различных точек зрения (военной, политико-идеологической – особенно при учете фактора исторической памяти) наносит наибольший ущерб интересам РФ.

Ремилитаризация ФРГ призвана убрать или как минимум сократить разрыв между стремлением Берлина стать полновесным глобальным игроком и необходимой для этого ресурсной базой. Наиболее полно данная стратегия проводится внутри Евро-Атлантического сообщества (пример – роль в комплектовании различных многосторонних группировок НАТО). Вне данного объединения – и особенно в отдалении от его – напротив, наблюдается деградация позиций ФРГ. Так, Германия сохраняет приверженность «стратегической сдержанности» при использовании бундесвера в зонах конфликтов в Азии и Африке, осторожность в деле практического подключения к «сдерживанию» КНР (и ИРИ). Притом избранное обрамление ремилитаризации – ужесточение отношений с незападными игроками, особенно РФ – с высокой долей вероятности не позволит Германии достичь желанной цели. Данную гипотезу подтверждает исторический опыт.

⁴⁹ Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514>).

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Jakobsdóttir am 25. Januar 2023 in Berlin. Bundesregierung. 25.01.2023. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-jakobsdottir-am-25-januar-2023-2160572>).

⁵² Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.А. (2017) «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 2. С. 217–232.
- Арзаманова Т.В. (2022) Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11.
- Белинский А.В. (2021) Свастика на шевроне: правый экстремизм в правоохранительных органах и бундесвере ФРГ // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 247–282. DOI: 10.31249/ape/2021.04.10.
- Берман Р. (2017) Трамп или Меркель: кто во главе Запада? // Россия в глобальной политике. № 5. С. 98–108.
- Васильев В.С. (2022) Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10.
- Сидоров А.С. (2022) Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.
- Синдеев А.А. (2015) Реформа бундесвера: три этапа // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 86–94.
- Bindenagel J. D. (2020) Germany from Peace to Power? Can Germany Lead in Europe without Dominating? Bonn: Bonn University Press. 224 p.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Berlin: SWP-Studie. 49 S.
- Glatz R., Kaim M. (2020) Die Folgen des Abkommens der USA mit den Taliban vom Februar 2020 // SWP-Aktuell. No. 18. 4 p. DOI: 10.18449/2020A18.
- Glatz R., Zapfe M. (2017) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. No. 62. 8 p.
- Hacke C. (1993) Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt-am-Main: Ullstein. 682 p.
- Major C., Swistek G. (2022) Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. No. 49. 4 p. DOI: 10.18449/2022A49.
- Rink M. (2015) Die Bundeswehr 1950/55–1989. München: De Gruyter Oldenbourg. 224 p.
- Tull D. M. (2019) UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. No. 23. 4 p. DOI: 10.18449/2019C2.
- Vogel D. (2020) Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. No. 79. 4 p. DOI: 10.18449/2020A79.
- Varwick J. (2007) Bundeswehr // In: Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Ed(s): S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. Pp. 246–258.

REFERENCES

- Alekseeva T.A. (2017) "Zapad" i "ne Zapad" v prostranstve teorii mezhdunarodnyh otnoshenij ["The West" and "Non-West" in the Space of International Relations Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. no. 2, pp. 217–232.
- Arzamanova T.V. (2022) Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Ti-hookeanskom regione v usloviyah vozvrashheniya sopernichestva velikih derzhav [Some Aspects of German Strategic Planning in Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Powers Rivalry]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 258–284.

Belinsky A.V. (2021) Svastika na shevrone: pravyyj ekstremizm v pravoohranitel'nyh organah i bundesvere FRG [Swastika on a Chevron: Right-Wing Extremism in Law-Enforcement Authorities and in the Bundeswehr of the FRG]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 247–282.

Berman R. (2017) Tramp ili Merkel': kto vo glave Zapada? [Trump or Merkel: Who is the Head of the West?]. *Rossiya v global'noj politike*. no. 5, pp. 98–108.

Bindenagel J. D. (2020) *Germany from Peace to Power? Can Germany Lead in Europe without Dominating?* Bonn: Bonn University Press. 224 p.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Berlin: SWP-Studie. 49 p.

Glatz R., Kaim M. (2020) Die Folgen des Abkommens der USA mit den Taliban vom Februar 2020. *SWP-Aktuell*. no. 18, 4 p.

Glatz R., Zapfe M. (2017) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. no. 62, 8 p.

Hacke C. (1993) *Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. Frankfurt-am-Main: Ullstein. 682 p.

Major C., Swistek G. (2022) Die NATO nach dem Gipfel von Madrid. *SWP-Aktuell*. no. 49, 4 p.

Rink M. (2015) *Die Bundeswehr 1950/55–1989*. München: De Gruyter Oldenbourg. 224 p.

Sidorov A.S. (2022) Voenno-politicheskiy balans vozmognosti Frantsii v Sahele: jetapy i mekhanizmy v'ychoda is TVD [The Military-Political Balance of France's Capabilities in the Sahel: Stages and Mechanisms of Exit from the Theater of Operations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 258–284.

Sindeev A.A. (2015) Reforma bundesvera: tri jetapa [Bundeswehr Reform: Three Stages]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 3, pp. 86–94.

Tull D.M. (2019) UN Peacekeeping in Mali. *SWP-Comment*. no. 23, 4 p.

Varwick J. (2007) Bundeswehr. In: *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. Ed(s): S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. Pp. 246–258.

Vasil'ev V.S. (2022) Anglosaksonskie skrizhali narastajushhego global'nogo civilizatsionnogo protivostojaniya [Anglo-Saxon Guidestones of Growing Global Confrontation between Civilizations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 234–257.

Vogel D. (2020) Bundeswehr und Weltraum. *SWP-Aktuell*. no. 79, 4 p.

Информация об авторе

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Адрес: 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21. E-mail: 1trunov@mail.ru

About the author

Philipp O. Trunov, Candidate of Political Science, Leading Research Fellow, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Address: 51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 24.12.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 30.01.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010070
EDN: NTZPSU

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход

© С.И. ФЕДОРОВ

Федоров Сергей Игоревич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), fedoroffsi@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2155-9837

Выбор механизмов отраслевой организации всегда происходит в контексте подходов к экономическому регулированию, которые задают политические элиты. Во времена масштабных политических потрясений, как, например, в 2022 г., экономисты ощущают данную специфику все сильнее, однако до сих пор не сформирован операциональный инструментарий, который позволил бы учитывать ее при анализе механизмов отраслевого регулирования. Статья посвящена поиску такого инструментария с позиций новой институциональной экономической теории (НИЭТ): совмещены концепции «социальных порядков» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста и «механизмов управления транзакциями» О. Уильямсона. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что исключение фактора оппортунизма политиков из анализа отраслевой организации приводит к тому, что вне фокуса внимания остаются интересы политиков, которые способны искажающее воздействовать на выбор механизмов управления транзакциями.

Ключевые слова: отраслевые рынки, институциональная среда, механизмы управления транзакциями, социальные порядки, политическая власть

Цитирование: Федоров С.И. (2023) Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход // Общественные науки и современность. № 1. С. 101–120. DOI: 10.31857/S0869049923010070, EDN: NTZPSU.

The Influence of Political Power on Models of Industrial Organization: Institutional Approach

© S. FEDOROV

Sergei I. Fedorov, Moscow State University (Moscow, Russia), fedoroffsi@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2155-9837

Abstract. The choice of industrial organization mechanisms always takes place in the context of approaches to economic regulation set by the political elite. In times of large-scale political upheavals which are taking place in 2022, economists are more and more concerned with this context, but operational tools that would allow it to take into account when analyzing the mechanisms of governance have not yet been found. This article is developing such tools from the perspective of the New Institutional Economics: combination of the “social orders” concept developed by D. North, J. Wallis, B. Weingast and the “mechanisms of governance” by O. Williamson. It is concluded that taking into account only the transaction costs minimizing principle while choosing the mechanism of governance excludes an important factor: the opportunism of politicians, which are often directly involved in the establishment of governance mechanisms.

Keywords: industrial organization, institutional environment, mechanisms of governance, social orders, political power

Citation: Fedorov S. (2023) The Influence of Political Power on Models of Industrial Organization: Institutional Approach. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 101–120. DOI: 10.31857/S0869049923010070, EDN: NTZPSU.

Введение

Классическая (вертикальная) промышленная политика, основанная на наделении отраслей и предприятий ресурсами, в последние десятилетия в некоторых сферах уступает место «горизонтальной» политике, которая сфокусирована на защите и развитии экономической конкуренции [Rodrik 2004; Кузнецов, Симачев 2014]. Однако этот тренд не универсален: например, некоторые государства предпочитают нерыночные, антиконкурентные инструменты промышленной политики¹. Данная особенность наиболее ярко проявляется в кризисные периоды – такие, как 2022 г. В сложившейся ситуации многие страны пытаются с помощью дискреционных мер преодолеть возникшие отраслевые шоки, вмешиваясь в рыночные процессы. При этом одни и те же отрасли, которые имеют схожие особенности технологического и экономического характера, разные государства регулируют по-разному. Соответственно, следует рассматривать проблему выбора инструментов промышленной политики в более широком контексте: как на проблему выбора механизмов отраслевой организации под влиянием политической власти. Предпринята попытка установить причины и условия, при которых политики ограничивают экономическую конкуренцию «сверх необходимого» или проводят дерегуляцию там, где обычно считается необходимым преодолевать «провалы рынка».

Проблему защиты и развития экономической конкуренции в научных работах часто рассматривают изолированно от контекста политических целей элитной группы и особен-

¹ Данный вывод не значит, что есть страны, в которых используется «горизонтальная» промышленная политика, и есть страны с «вертикальной» промышленной политикой. Речь идет лишь о тенденции, согласно которой некоторые государства склонны к «вертикальным» инструментам там, где другие уже внедрили бы «горизонтальные».

ностей институциональной среды. Сама тема влияния интересов политиков на организацию отраслей поднята давно: например, в [Tullock 1967] показано, что отраслевая политика может приводить к потерям общественного благосостояния в связи с укреплением рыночной власти – как в статике, так и в динамике. К. Мерфи и его соавторы в своей статье [Murphy et al. 1993] пришли к выводу, что рентоориентированное (rent-seeking) поведение в общем (и со стороны политиков в частности) вытесняет производительную деятельность в экономике. Однако в большинстве работ внимание исследователей смещено на последствия регуляторного вмешательства для общественного благосостояния. Данная статья сфокусирована на том, как действия политиков влияют на механизмы взаимоотношений между участниками отрасли. Механизмы взаимоотношений, в свою очередь, подразделяются на: свободное заключение контрактов на рынке, иерархические структуры или гибридные формы взаимодействия, сочетающие рынки и иерархии. Данный аспект представляет собой элемент новизны в этой работе².

Следует остановиться на понятии «экономическая конкуренция», чтобы определить, в какой процесс вмешивается политик. Она определена как соперничество экономических агентов за ограниченные ресурсы, которое рассматривается в двух аспектах:

- как ситуация на рынке, при которой ни один из игроков не обладает возможностью значительно влиять на общие условия обращения товаров на рынке³ (неоклассическая статическая трактовка);
- как «процесс выявления неиспользованных возможностей применения известных и обнаружения новых ресурсов» [Hayek 1968]⁴ (динамическая трактовка).

Оба аспекта экономической конкуренции (статический и динамический) предполагают «автономность контроля игроков над правами собственности» [Menard 2022]. Автономность означает независимое распоряжение правами собственности на активы, используемые в хозяйственной деятельности. Понятие введено в данное исследование по той причине, что теория трансакционных издержек рассматривает процесс передачи прав собственности (трансакции), а не сами права собственности. Может показаться, что контроль над правами собственности входит в «пучок прав», а потому не следует выделять эту категорию отдельно. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что контроль над правомочиями и сами правомочия – не одно и то же. Например, когда предприятия образуют консорциум, в рамках конкретного проекта они временно передают контроль над частью своих правомочий общему руководителю проекта, но сами правомочия руководитель консорциума не получает – они не отчуждаются от участников. Необходимо учитывать это тонкое различие, чтобы не смешивать теорию трансакционных издержек (в этой статье представленную концепцией О. Уильямсона) и теорию прав собственности. Здесь и далее речь идет именно о контроле над правами как об отдельной категории. В противном случае каждый эпизод вмешательства в этот контроль со стороны государ-

² Некоторые аспекты рассматриваемой проблемы уже исследовали (в т. ч. и российские авторы) в рамках экономического анализа конкурентного права и эффектов его применения. Часть подобных работ упомянуты в настоящей статье. Тем не менее, в них авторы фокусируются на проблемах антимонопольного правоприменения, тогда как тема влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию выглядит несколько шире.

³ Определение зафиксировано в законодательстве; например, ст. 4 Федерального закона № 135 от 26.07.2006 «О защите конкуренции».

⁴ Авторство данного определения принадлежит Ф. фон Хайеку. В австрийской школе наиболее последовательно развита трактовка экономической конкуренции как процесса, а не состояния. Динамическую трактовку экономической конкуренции, например, также рассматривали Й. Шумпетер [Schumpeter 2008] и Ф. Найт [Knight 1921], но они в качестве «эталона» для сравнения все равно используют статические состояния, из-за чего их концепции критиковала австрийская школа [Kirzner 1978].

ства (а значит – любую регуляторную инициативу) пришлось бы трактовать как нарушение прав собственности⁵.

Вместе с тем вмешательство в автономность контроля, как и нарушение самих прав собственности, постоянно сопровождают деятельность экономических агентов, помещенных в контекст институциональной среды. Именно на уровне институциональной среды фиксируются основополагающие правила защиты прав собственности и установления контроля над ними [Davis, North 1971].

Вопрос о том, как политические цели влияют на выбор механизмов отраслевой координации, становится актуальнее в контексте масштабных политических потрясений 2022 г. В то же время речь не идет об оценке «уровня экономической конкуренции», который определяют под воздействием институциональной среды для страны в целом. Подразумевается установление правил игры для каждого конкретного рынка или отрасли под воздействием как специфичных для них факторов, так и под воздействием фактора институциональной среды. На фоне политических конфликтов и сопровождающих их санкционных ограничений подходы к отраслевому регулированию кардинально меняются во многих странах. В то же время существующие модели [Williamson 1991; Menard 2004; Menard 2022] объясняют выбор механизма управления транзакциями только с точки зрения минимизации транзакционных издержек экономическими агентами. Так, О. Уильямсон [Williamson 1985; 1991], модель которого применена и дополнена в данной работе, предлагает выбор из дискретных альтернатив: рынка, иерархии и гибрида. Выбор зависит от трех факторов – специфичности⁶ активов, частоты сделок и уровня неопределенности, который их сопровождает. При высокой специфичности, снижении частоты транзакций и росте неопределенности выбор смещается от рынка в сторону иерархии (и наоборот), поскольку она позволяет снизить издержки взаимодействия фирм.

В реальности многие механизмы координации устанавливают третьи лица, которые обладают потенциалом насилия⁷ (назовем их «политиками») и руководствуются собственными интересами, отличающимися от интересов отрасли и собственников предприятий. Например, Д. Норт с соавторами [North et al. 2009] предлагает модель, в рамках которой все государства разделены на порядки открытого и ограниченного доступа. Предельно упрощая концепцию, можно сказать, что в порядках открытого доступа верховенство права и недискриминационность доступа к экономической деятельности снижают возможности того, что политики будут принимать неэффективные (в общественном смысле) регуляторные решения для максимизации личной выгоды. В порядках ограниченного доступа, наоборот, создаются экстрактивные институты, которые фиксируют возможность для политиков извлекать ренту. Включение данного обстоятельства в упомянутую выше модель О. Уильямсона позволит ответить на вопрос о том, почему в относительно короткий период и в условиях отсутствия технологических изменений подходы к отраслевой координации могут радикально изменяться под воздействием политических факторов.

Так, в России в 2022 г. за относительно короткий срок были серьезно скорректированы подходы к регулированию самых разных отраслей экономики. Распространились следующие практики: заключение соглашений с продовольственными сетями о продаже социально значимых товаров без наценки, выкуп государством лизинговых самолетов авиакомпаний и т. д. Усилился контроль антимонопольной службы за продовольственными

⁵ Например, представители австрийской школы последовательно отстаивают именно такую позицию.

⁶ Специфичные активы – это активы с низкой стоимостью при альтернативном использовании. Например, доменная печь, которую невозможно использовать где-либо, кроме как на металлургическом предприятии.

⁷ Данное понятие будет охарактеризовано в разделе о социальных порядках.

ценами в регионах, а в электроэнергетике вновь объединили магистральные и распределительные сети⁸, которые ранее стали независимыми в ходе реформы РАО «ЕЭС России». Также был подготовлен законопроект о внесении изменений в ФЗ № 38 от 13.03.2006 «О рекламе», согласно которому предлагалось создать монопольного оператора цифровых рекламных конструкций и объявлений⁹. В то же время устанавливаются ограничения на сделки с активами иностранных компаний¹⁰. «Регуляторный крен» [Шаститко 2012] в экономической политике, который присутствовал и ранее, сегодня становится все более выраженным. Данное направление подтвердил и министр промышленности и торговли России, вице-премьер Д.В. Мантуров, который в июле 2022 г. заявил, что правительство намерено «совершить поворот» в сторону от рыночных подходов в промышленной политике¹¹. Следовательно, может усиливаться тренд на отказ от рыночных механизмов в пользу иерархии и различного рода гибридных¹² форм координации, в которых государству отведена ведущая роль.

Существующие модели не объясняют логику подобных изменений, происходящих по инициативе государства. Соответственно, цель исследования – создать концепцию формализованной модели выбора механизма отраслевой координации политиком, которая будет учитывать вмешательство его интересов в этот процесс.

Поднимаемая проблема и до последних событий часто становилась предметом исследования в научной литературе, посвященной аспектам экономической конкуренции, а также конкурентной¹³ и промышленной политике. Внимание к данному вопросу со стороны научного сообщества объясняется рядом эмпирических фактов, природу которых современная экономическая теория пока не способна объяснить до конца. Их можно объединить в три блока.

Во-первых, наблюдаются существенные межстрановые различия в подходах к отраслевому регулированию. В одних странах правительства ориентируются на классическую промышленную политику, в рамках которой отрасли и предприятия наделяет ресурсами государство. В других больше¹⁴ полагаются на способность предприятий получать ресурсы на рынке самостоятельно (проконкурентные механизмы, «горизонтальная промышленная политика») [Rodrik 2004]. Более того, сущность одних и тех же инструментов промышленной политики может серьезно меняться в разных странах: например, так происходит с кластерной политикой, которая в некоторых случаях из проконкурентного инструмента превращается в механизм классической вертикальной промышленной политики [Федоров 2021].

⁸ Почему ФСК и Россети только сейчас сливаются в единую компанию. Ведомости. 17 июля 2022. (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/17/931727-pochemu-fsk-rosseti>).

⁹ «Закон полностью уничтожает отрасль»: Дума рассмотрела идею о едином операторе наружной цифровой рекламы. Газета.Ru. 18 июля 2022. (<https://www.gazeta.ru/business/2022/07/18/15137330.shtml>).

¹⁰ Путин ограничил недружественным иностранцам продажу российских активов. РБК. 05 авг 2022. (<https://www.rbc.ru/politics/05/08/2022/62ed00579a7947368f338edf>).

¹¹ Мантуров призвал отойти от рыночной промышленной политики. Ведомости. 15 июля 2022. (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/07/15/931572-manturov-prizval-rinochnoi-promishlennoi-politiki>).

¹² Имеется в виду гибрид между рыночными и иерархическими формами (промышленные кластеры, промышленные группы, консорциумы, проекты государственно-частного партнерства и проч.)

¹³ Конкурентная политика – это совокупность мер государственного регулирования, которые направлены на создание новых рынков и защиту конкурентных условий на существующих с целью обеспечить экономическое развитие [Kurdin, Shastitko 2020].

¹⁴ В сравнении с другими странами, а не в сравнении с классическими инструментами. Классическая промышленная политика в целом остается наиболее распространенным подходом во всех странах. Ее популярность связана как с особенностями институциональной среды и социальных порядков, так и с относительной простотой дизайна таких инструментов.

Также многие правительства привержены проводить рыночные реформы в отдельных отраслях экономики. Так, в работе [Erdgou 2014] эмпирически показано значимое влияние институциональной среды на либерализацию электроэнергетической отрасли.

Во-вторых, в литературе сохраняется интерес к теме «легкости ведения бизнеса» с точки зрения различного рода административных барьеров [Djankov 2002]. Последние прямо влияют на экономическую конкуренцию, поскольку представляют собой один из видов барьеров входа на рынок (и выхода с него).

В-третьих, большую обеспокоенность у экономистов вызывает то, что в отдельных странах меры антимонопольной политики применяют в качестве инструментов экономического регулирования (в связи с особенностями институциональной среды). Так, в российском научном сообществе проблема впервые была сформулирована в статье [Шаститко 2012]. В дальнейшем тема получила развитие в работах [Шаститко, Павлова 2018; Шаститко, Ионкина 2021; Шаститко, Павлова 2021; и др.]. Одной из наиболее ярких иллюстраций стала норма об индивидуальном злоупотреблении коллективным доминирующим положением на рынке, которая фактически позволяет регулировать цены на нем через инструменты конкурентной политики. В попытках осмыслить причины «регуляторного крена» в российском антитастовом законодательстве исследователи приходят к выводу, что антимонопольный орган может отклоняться от официально обозначенных целей в своей деятельности по разным причинам. Например, он может ориентироваться на популярность принимаемых решений у населения [Katcoulacos et al 2016] и даже на поддержку отдельных участников рынка [Avdasheva, Shastitko 2011]. Целевые индикаторы, которые ставят перед антимонопольным органом, также могут искажать его стимулы и приводить к негативным последствиям [Avdasheva, Golovanova 2016] в виде ограничения конкуренции и снижения уровня общественного благосостояния. Важно отметить, что во всех перечисленных случаях снижение эффективности антимонопольного правоприменения связывают с особенностями характеристик институциональной среды. Более широкая постановка проблемы представлена в работе [Шаститко, Павлова 2022]. Авторы провели сравнительный анализ трех видов политики – либерального фундаментализма, пугувианства и коузианства – по отношению к рыночным изъятиям. Они пришли к выводу, что выбор того или иного подхода зависит от спроса на экономические знания на политическом рынке.

В своей работе О. Уильямсон [Williamson 1991, 287] предполагал, что уровень защищенности прав собственности и риски их принудительного отчуждения могут повышать неопределенность. Последняя, в свою очередь, выступает фактором при выборе оптимального механизма управления транзакциями – рыночного, гибридного или иерархического. Развивая его идею, данное исследование попытается объяснить механизм влияния политической власти (в контексте институциональной среды) на экономическую конкуренцию, подразумевая, что последняя возникает в случае, когда механизм управления имеет сравнительно большую автономность контроля над правами собственности¹⁵. Автономность контроля над правами собственности приводит к большей избирательности при транзакциях: когда владелец актива не должен координировать свои решения с другими экономическими агентами, у него расширяется и выбор альтернативных способов использования своих активов.

¹⁵ В эту категорию могут попадать как рыночный механизм, так и гибридное институциональное соглашение по О. Уильямсону. Однако гибридное соглашение по определению предполагает сочетание рынка и иерархии. Соответственно, его можно рассматривать в качестве синонима экономической конкуренции лишь в той мере, в которой оно предполагает автономность контроля над правами собственности.

Институциональный подход к экономической конкуренции в контексте общественного устройства

Впервые проблему влияния общественного устройства на развитие экономической конкуренции в работах НИЭТ затронул М. Олсон¹⁶ в исследовании «Логика коллективных действий» [Olson 1965]. Он рассматривал экономическую конкуренцию с позиции интересов участников открытых (инклюзивных) и закрытых (эксклюзивных) групп. В рамках данной концепции эксклюзивность группы связана с ограниченностью распределяемых внутри группы рент (примером служило картельное соглашение), а инклюзивность, напротив, – с неконкурентностью в потреблении¹⁷.

Как уже говорилось ранее, идеи о взаимосвязи между экономической конкуренцией и институциональной средой прозвучали в работе О. Уильямсона [Williamson 1985], в которой показано, что институциональная среда влияет на выбор механизма управления транзакциями через параметр неопределенности в процессе договорных отношений.

Вновь проблему обозначили Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгайт [North et al 2009]¹⁸ в работе «Насилие и социальные порядки», в которой синтезированы идеи теории общественного выбора, концепции рентаориентированного поведения [Buchanan, Tullock 1962; Tullock 1967] и предшествующих работ Д. Норта об эволюции институциональной системы. Преимуществом их модели стало то, что она разграничивает способы монополизации насилия в обществе в соответствии с «пороговыми условиями» открытых социальных порядков. Рассмотрение политического устройства государства с таких позиций позволяет абстрагироваться от конкретных механизмов общественного выбора и учитывать институциональную среду, которая формируется в результате такого выбора. Подробнее сущность концепции применительно к проблеме экономической конкуренции будет рассмотрена в соответствующем разделе. Здесь же следует отметить, что, по мнению Д. Норта и др., более «открытый» социальный порядок, в котором силовые структуры консолидированы, соблюдается принцип верховенства права для элит и функционируют постоянно действующие организации, способствует развитию экономической конкуренции.

Схожие идеи Д. Асемоглу и Дж. Робинсон представили в работе 2012 г. «Why Nations Fail» [Аджемоглу, Робинсон 2016]. Здесь авторы рассматривают институциональную среду, противопоставляя «экстрактивные» и «инклюзивные» институты, что перекликается с ранее упомянутыми идеями: «инклюзивные» и «эксклюзивные» группы у М. Олсона, «открытые» и «ограниченные» порядки у Д. Норта и т. д. В то же время авторы соглашались с тезисом о том, что не существует прямой связи между политическим режимом или механизмом общественного выбора с одной стороны, и институциональной средой – с другой. «Экстрактивные» институты, такие как «институциональные пустоты», неформальные договоренности и др., могут сделать институциональную среду неблагоприятной для конкуренции при любом политическом режиме и любом механизме общественного выбора.

Таким образом, идея О. Уильямсона о взаимосвязи институциональной среды и механизмов управления транзакциями пока не раскрыта на уровне операциональной модели.

¹⁶ Упоминание М. Олсона в этом контексте неслучайно, поскольку он был соавтором модели «оседлого бандита», которая во многом перекликается с концепцией «социальных порядков» – одной из ключевых моделей в НИЭТ, описывающих различия в институциональных средах.

¹⁷ Саму экономическую конкуренцию можно рассматривать как благо, которое неконкурентно в потреблении.

¹⁸ В работах [van Besouw, 2016; van Bavel et al., 2017] концепция Д. Норта и др. переведена в вид формальной математической модели.

Накоплен большой пласт литературы, посвященной проверке взаимосвязи между характеристиками институциональной среды и экономической конкуренции на эмпирических данных. Следует обратить внимание, что в перечисленных далее исследованиях передаточным механизмом влияния конституционных общественных норм на экономическую конкуренцию выступает государственное регулирование, подходы к которому вырабатываются в результате политического соперничества. Так, исторический анализ влияния групп интересов на проконкурентные правила игры в Германии XIX в. представлен в статье [Wegner 2015]. Приверженность рыночному механизму управления транзакциями авторы исследования [Weymouth 2016] объясняют соотношением политических сил проконкурентной коалиции «аутсайдеров» и антиконкурентной группы «инсайдеров», которые хотят сохранять контроль над экономическими рентами. Данная гипотеза была успешно протестирована на панельных данных по 155 странам мира. В 21 стране ОЭСР эмпирически подтвердилось влияние идеологических¹⁹ предпочтений в обществе на проконкурентность экономической политики правительства [Potafke 2010].

В работе [Foer 2018] исследованы культурные истоки предпочтений субъектов экономической политики, которые устанавливают проконкурентные или антиконкурентные правила игры. Авторы эмпирического исследования [Lee, Vanino 2018] делают вывод о том, что цены в секторе неторгуемых²⁰ товаров растут при наличии экстрактивных институтов в обществе. Серьезный разрыв между конкурентными ценами и реально установленными ценами в колониальных режимах показан в статье [Tadei 2018]. В работе [Gultom 2021] продемонстрировано, что эффективность функционирования компаний, работающих с государством в одной и той же стране, растет при переходе от ограниченного доступа к открытому. Автор использует метод difference-in-difference, чтобы сравнить параметры эффективности компаний до и после масштабного реформирования сектора государственно-частного партнерства на фоне политических изменений в стране. В исследовании [Asiimwe 2013] на примере кофейной индустрии в Уганде показано, как отсутствие верховенства права позволило правящей элитной группе извлекать ренту, установив государственную монополию на торговлю кофе. В работе [Wolff 2020] также выявлена приверженность стран со слабыми институтами защиты прав собственности к классическим мерам промышленной политики и протекционизму. Автор анализирует запрет импорта «секонд-хенда» в ряде африканских стран с целью защиты национальных производителей и делает вывод, что длительное время придерживаться такой политики могут только государства, в которых политики не учитывают интересы потребителей и локальных ритейлеров.

Возвращаясь к отечественной литературе, следует обратить внимание на исследование [Яковлев 2012; Yakovlev et al 2014]. В нем проанализированы попытки экономических агентов повлиять на институциональную среду через совместные политические действия.

Тем не менее, увеличение количества как теоретических, так и эмпирических исследований пока не привело к формированию единых рамок учета влияния политической власти на развитие и защиту экономической конкуренции. В попытке заполнить данный «пробел» будет представлен анализ взаимосвязи концепций О. Уильямсона и Д. Норта с соавторами (которые относятся к двум разным направлениям исследований в рамках НИЭТ) с целью идентифицировать каналы влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию.

¹⁹ Имеется в виду идеология как выражение групповых политических интересов.

²⁰ Товары, которые не экспортируют за рубеж.

Права собственности при различных механизмах управления транзакциями

Насилие, которое в рамках НИЭТ понимают как физическое ограничение спектра доступных индивиду стратегий поведения, по сути представляет собой способность ограничивать автономный контроль над «пучком прав» собственности на актив. В ситуации, когда оно применяется вне принципа верховенства права (специфицируемые права собственности не подкреплены достоверными обязательствами со стороны государства), любые действия с правами собственности (транзакции) начинают происходить в условиях большей неопределенности.

Неопределенность, в свою очередь, представляет собой один из трех факторов, которые влияют на выбор оптимального механизма управления транзакциями [Williamson 1991], вместе со специфичностью активов и частотой сделок. Оптимальный выбор механизма управления транзакциями в каждом конкретном случае, по О. Уильямсону, – одна из дискретных альтернатив: рынок, гибрид или иерархия (таб. 1).

Таблица 1

Механизмы управления транзакциями: рынок, гибрид и иерархия

Table 1

Transaction Management Mechanisms: Market, Hybrid and Hierarchy

	Рынок	Гибрид	Иерархия
Адаптируемость к изменениям	Высокая	Средняя	Низкая
Административный контроль	Отсутствует	Слабый	Сильный
Тип контракта	Классический	Неоклассический или отношенческий с двусторонней/трехсторонней структурой управления	Отношенческий с односторонней структурой управления
Права собственности	У участников автономный контроль над всеми правами собственности из «пучка»	Контроль над некоторыми правами собственности из «пучка» совместный или осуществляется третьим лицом	Автономный контроль над правами собственности из «пучка» отсутствует
Персонифицированность транзакций	Неперсонифицированные	Персонифицированные	—
Избирательность транзакций	Избирательные	Ограниченно избирательные	Неизбирательные

Источник: составлено автором по [Williamson 1985; 1991].

Source: compiled by the author based on [Williamson 1985; 1991].

Следует обратить внимание на то, что только в условиях рыночного механизма существует автономный контроль над всеми правами собственности из «пучка» и над всеми активами, участвующими в транзакциях [Menard 2022]. В случаях гибридного институционального соглашения и иерархии автономность в той или иной степени ограничена²¹.

²¹ Следует уточнить, что такие ограничения могут иметь разную природу. В том числе они могут быть следствием добровольного решения индивида – например, обменять права на отдачу от инвестиций в специфический актив.

Так, гибридное институциональное соглашение предполагает двустороннюю или трехстороннюю (с участием арбитра) структуру управления. Соответственно, стратегии обращения с активами в данном случае ограничены как минимум действиями контрагента и/или арбитра. Однако важно подчеркнуть, что гибридные механизмы весьма разнообразны [Menard 2004], и представляют собой результат добровольного выбора в случае, когда их устанавливают сами экономические агенты. Другая ситуация возникает, когда гибридный механизм создает государство²² – именно на таких вариациях фокусируется данная статья. В иерархиях же вовсе отсутствует автономный контроль над правами собственности на активы у одного из участников трансакций. В частности, особенности механизмов управления трансакциями различных видов отражаются в неизбирательности трансакций. Только рыночный механизм и, соответственно, классический контракт обеспечивают максимальную свободу выбора параметров договора. На данное обстоятельство обращено внимание в статье [Menard 2022, 305]: различие между рынком, гибридами и иерархией, а также между различными видами гибридов заключается именно в том, насколько экономическим агентам необходимо жертвовать своим автономным контролем над правами собственности.

Еще одной особенностью трансакций в рамках гибридного институционального соглашения можно считать их персонифицированность. Специфичность активов и высокая степень неопределенности зачастую вынуждают контрагентов выстраивать отношенческий контракт, чтобы снижать трансакционные издержки. Такой контракт сокращает риски, но трансформирует природу трансакций.

Защита прав собственности как критерий открытости социального порядка

Как было сказано ранее, избирательность трансакций (и рыночного механизма управления ими) возможна только в условиях достоверности обязательств государства по защите прав собственности. Однако, как указывают авторы концепции «социальных порядков» [North et al. 2009], это условие не всегда выполняется.

Согласно данной концепции, все общества (за исключением первобытных и анархических) можно разделить на порядки «открытого» и «ограниченного» доступа. Различие в социальных порядках возникает в связи с разными подходами к монополизации насилия: в порядках ограниченного доступа (естественных государствах) насилие монополизует элита²³, которая использует его для извлечения ренты; в порядках открытого доступа насилие применяют в интересах всего сообщества граждан [North et al. 2009]. В порядках ограниченного доступа государство, чтобы извлекать ренту из национальной экономики, создает «экстрактивные институты», в порядках открытого доступа – «инклюзивные институты», которые вовлекают всех граждан в принятие решений о применении насилия, чтобы учесть их интересы [Аджемоглу, Робинсон 2016]. Важно отметить, что трансплантация институтов из порядка открытого доступа в «естественное государство» может закончиться дисфункцией этих институтов [Полтерович 2001; Плискевич 2013].

²² Например, Правительство России довольно часто прибегает к соглашениям с участниками рынков, чтобы ограничить рост цен. Так, в апреле 2022 г. такое соглашение было заключено с металлургами (Металлурги договорились с трейдерами об ограничении наценок РБК. 06 апр 2022. (<https://www.rbc.ru/business/06/04/2022/624bf6389a79474279ebb800>), а ранее – с продуктовыми ритейлерами (Трезво наценившая ситуацию. Коммерсант. 12.01.2022. (<https://www.kommersant.ru/doc/5157727>)).

²³ Здесь и далее речь идет только о политической элите – индивидах, которые по тем или иным причинам имеют преимущества в применении насилия. Преимущества в данном случае – любые средства, позволяющие сохранять и использовать власть.

Д. Норт и др. также предлагают формальные критерии, по которым можно определять, «открытость» социального порядка – т. н. пороговые условия²⁴ (таб. 2).

Таблица 2

Пороговые условия перехода в порядок открытого доступа

Table 2

Threshold conditions for transition to the open access order

№	Пороговые условия ²⁵	Порядок ограниченного доступа	Порядок открытого доступа
1	Верховенство права	Отсутствует или не развито (ввиду наделения элит привилегиями)	Все граждане подчиняются принципу верховенства права (одинаково)
2	Постоянно действующие организации	Возникновение постоянно действующих организаций вне контроля государства маловероятно. Создание организаций предполагает разрешительные процедуры личного характера («патрон-клиент»)	Большое количество разнообразных постоянно действующих организаций, не зависящих от государства и обладающих обезличенной социальной идентичностью. Их создание основано на соблюдении минимальных общих требований, соответствующих уведомительному порядку, а также на защите обязательственных прав (относительных прав собственности)
3	Контроль насилия	Децентрализованный (необязательно), основанный на коалиции группы индивидов внутри элиты	Консолидированный. Опирается на политические механизмы, функционирующие в соответствии с принципами свободного доступа, которые обеспечивают включенность и равенство, распространенное за пределы элит (в идеале – всеобщее)
4	Свобода входа в сферы экономической деятельности	Ограничена разрешительными условиями (но не закрыта), включая личное отношение уполномоченных лиц (прямое или опосредованное)	Не ограничена (личным отношением уполномоченных лиц), хотя вход и не имеет всеобщий характер

Источник: [Шаститко 2012].

Source: [Шаститко 2012].

Анализируя пороговые условия, можно отметить следующие особенности трансакций в двух разных социальных порядках.

- Недостовверные обязательства государства по защите прав собственности в порядках ограниченного доступа. Отсутствуют механизмы (судебная система, политическая конкуренция и т. д.), которые сдерживали бы возможности государства устанавливать

²⁴ В работе [Авдеева и др. 2017] проводится попытка квантификации пороговых условий с целью эмпирического анализа социальных порядков.

²⁵ К «пороговым условиям», согласно [North et al. 2009], относятся только первые три критерия. Однако свобода входа в сферы экономической деятельности считается необходимым следствием из пороговых условий [Шаститко 2012].

излишние ограничения на автономный контроль над правами собственности²⁶. Следовательно, в случае собственной заинтересованности участники элитной группы способны сокращать спектр доступных экономическим агентам стратегий. В результате политики могут устанавливать гибридные и иерархические механизмы управления транзакциями в различных экономических сферах или отраслях в личных интересах.

- Необходимость разрешительных процедур личного характера для создания и функционирования организаций в порядках ограниченного доступа. Данная особенность означает, что приоритет имеют личные отношения, а заключение классического (и даже – неоклассического) контракта возможно далеко не во всех случаях.

- Отсутствие консолидированного контроля над применением насилия в порядках ограниченного доступа. Экономическая конкуренция не предполагает применение насилия к конкурентам [Mises 1996, 274]. Когда консолидированный контроль над насилием отсутствует, игрокам на рынке невозможно гарантировать неприменение насилия против них.

Итак, «пороговые условия» – критерии перехода одного социального порядка к другому – тесно связаны с факторами, которые влияют на выбор оптимального метода управления транзакциями и могут способствовать смещению выбора в сторону того или иного механизма.

Влияние социального порядка на выбор механизма управления транзакциями

Представим, что политика-оппортуниста назначили на должность, где у него есть полномочия устанавливать регуляторные меры для отдельной отрасли экономики или рынка²⁷. Оппортунизм заключается в том, что в своих действиях он руководствуется не минимизацией транзакционных издержек для представителей регулируемой отрасли или рынка, а персональной выгодой. Последняя отчасти состоит из легальных доходов от эффективного регулирования, а отчасти – от нелегальных. Причем подразумевается доход в широком смысле: коррупционная связь с одним из игроков, политическая поддержка от одной из заинтересованных сторон, популярность у избирателей, обеспечение конкурентных условий закупки сырья для находящейся в нелегальном владении фирмы и т. д. Политик обладает исключительной возможностью извлекать ренту из контролируемой отрасли, что исходит из природы формирования элитной группы в порядках ограниченного доступа: разделение источников рент между участниками гарантирует стабильность социального порядка²⁸ [North et al. 2009]. В то же время политик, реализуя свое оппортунистическое намерение, может столкнуться с препятствиями институциональной среды: политической конкуренцией, независимостью судебной системы, независимостью средств массовой информации и т. п.

²⁶ Нарушение прав собственности и установление ограничений на автономный контроль над ними – это разные ситуации. В последнем случае речь идет о добровольном отказе экономических агентов от этого автономного контроля в обмен на экономические выгоды. Когда же государство ограничивает автономный контроль в принудительном порядке, различия между двумя категориями стираются.

²⁷ В этом смысле политик выбирает не отрасль (или рынок), а механизм координации для заданной отрасли. Конечно, если речь идет о политике высокого ранга, допущение следовало бы снять, но это не скажется на выводах модели: просто они будут применимы к отрасли, которая в наибольшей степени интересует политика.

²⁸ В противном случае речь бы шла о войне элит и «несостоявшемся государстве», что не находится в фокусе данного исследования. Здесь ситуация с согласием элит по поводу извлечения рент похожа на ту, что складывается в модели Шлейфера-Вишни [Shleifer, Vishny 1993].

Итак, политик-оппортунист максимизирует собственный доход²⁹ (I). Допустим, что политик принимает решение самостоятельно. Тогда функция дохода политика I выглядит следующим образом:

$$I = \tau(P - c_i) + RS(1 - r) + V(P - c_i), \quad (1)$$

где $P = \text{const}$ – гипотетический уровень общественного благосостояния при отсутствии транзакционных издержек; $c_i \geq 0$ – уровень транзакционных издержек; $\tau \in [0; 1]$ – ставка налога, которая позволяет политику извлекать доход из эффективного регулирования; $R \geq 0$ – потенциальный размер нелегальной ренты, которую можно извлечь; $S \in [0; 1]$ – характеристика «ограниченности» социального порядка (при 1 политик не встречается с издержками извлечения ренты, при 0 – извлечение ренты обходится «запретительно дорого» из-за особенностей правовой системы); $r \in [0; 1]$ – уровень риска потерять ренту из-за отсутствия достаточного административного контроля над проведением транзакций; $V \geq 0$ – «дополнительная» выгода от эффективного регулирования (например, политически популярные меры, которые стали необходимыми в трудной для политика ситуации³⁰). Уровень риска r – величина, которая зависит от механизма координации. В случае, если политик выберет рыночный механизм или «недостаточно» ограничит автономию контроля над правами собственности в гибридной модели³¹, конкуренция между экономическими агентами может привести к потере ренты от исключительных отношений³². Кроме того, в еще более негативном для политика-оппортуниста сценарии конкуренция приведет к столкновению его экономических интересов с интересами других членов элитной группы, что понизит стабильность сговора в порядке ограниченного доступа. Следовательно, чем больше избирательность транзакций (и автономность контроля над правами собственности), тем больше риск потери ренты. Только административный контроль в рамках иерархических и гибридных механизмов помогают избежать этого риска [Williamson 1991]. Соответственно, ожидается, что уровень риска потерять ренту для политика максимален при рынке (m), минимален при иерархии (hi) и занимает промежуточное положение при гибридном соглашении (hy), т. е.: $r_m \rightarrow 1$; $r_{hy} \in (0; 1)$; $r_{hi} \rightarrow 0$. Данную ситуацию можно проиллюстрировать эпизодом из истории кофейной индустрии Уганды [Asiimwe 2013], в которой правительство устанавливало государственную монополию на торговлю кофе, поскольку иначе не могло бы гарантированно извлекать ренту из разницы между экспортной ценой и ценой закупки товаров у фермеров.

Таким образом, задача политика выглядит так:

$$I = (\tau + V)(P - c_i) + RS(1 - r) \rightarrow \max. \quad (2)$$

От максимизации дохода в данном случае можно легко перейти к задаче минимизации потерь (или издержек) L :

$$L = (\tau + V)c_i + RS(1 - r) \rightarrow \min. \quad (3)$$

²⁹ Прямо пропорционально связанный с полезностью.

³⁰ Так, в России в 2022 г. был введен мораторий на плановые проверки бизнеса (Правительство РФ ввело мораторий на проведение плановых проверок юрлиц и ИП в 2022 году. КонсультантПлюс. 11.03.2022. (<http://www.consultant.ru/law/hotdocs/73937.html>) и понижены требования к выпускаемым автомобилям (У машин обнуляется экология. Коммерсант. 19.04.2022. (<https://www.kommersant.ru/doc/5316400>)), чтобы обеспечить занятость в трудной экономической ситуации.

³¹ Опять же, речь идет о гибридном соглашении, которое заключают по инициативе политика, а не экономических агентов, которые минимизируют свои транзакционные издержки.

³² Здесь и далее имеется в виду не квазиарента от специфичности активов, а рента от исключительных отношений политика и экономических агентов, от которых он получает выгоду.

Отличие этой задачи от той, которая стоит перед экономическими агентами в соответствии с концепцией Уильямсона [Williamson 1985; 1991], наглядно иллюстрирует график (рис. 1).

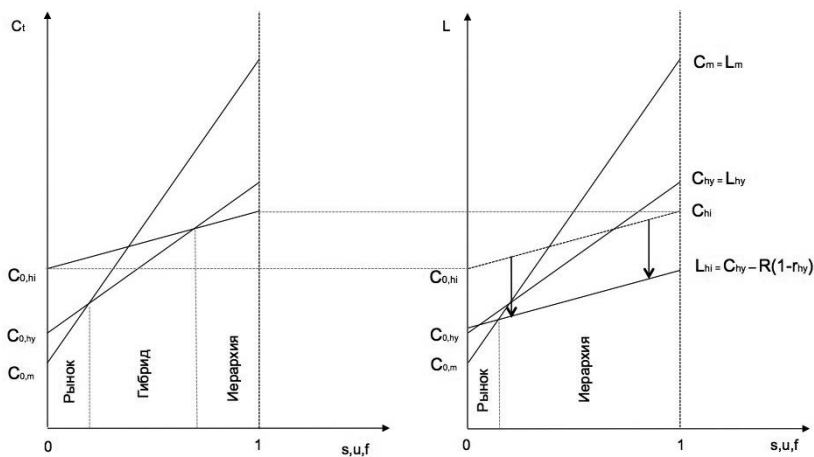

Рис. 1. Задача минимизации транзакционных издержек (слева) и один из случаев постановки задачи максимизации дохода политика-оппортуниста (справа)

Figure 1. The task of minimizing transaction costs (on the left) and one of the cases of setting the problem of maximizing the income of an opportunist politician (on the right)

На рисунке слева представлены (в линейном виде для простоты) функции транзакционных издержек от специфичности активов, меры неопределенности или редкости транзакций³³ для рынка, гибрида и иерархии. В данном простом примере сами экономические агенты выбирают тот механизм, который минимизирует транзакционные издержки при заданной комбинации s , u и f . В случае, представленном в этом исследовании (справа), выбор совершает политик, максимизирующий свой доход. На графике показана простая ситуация, когда размер ренты R для политика преобладает над его доходами от эффективного регулирования, и возможные потери дохода при выборе иерархии L_{hi} снижаются относительно уровня транзакционных издержек при прочих равных условиях³⁴. Тогда пространство комбинаций s , u и f , при котором будет выбрана иерархия, будет гораздо больше, чем при традиционной постановке задачи (слева).

Если представить уровень издержек при каждой из трех дискретных альтернатив в виде линейных функций, они будут выглядеть так:

$$C_{t(m)} = c_{0,m} + \alpha_m s + \beta_m u + \gamma_m f, \quad (4)$$

$$C_{t(hy)} = c_{0,hy} + \alpha_{hy} s + \beta_{hy} u + \gamma_{hy} f, \quad (5)$$

$$C_{t(hi)} = c_{0,hi} + \alpha_{hi} s + \beta_{hi} u + \gamma_{hi} f. \quad (6)$$

Первые слагаемые – уровни транзакционных издержек при нулевой специфичности, «максимальной»³⁵ частоте транзакций и минимально возможной неопределенности.

³³ Графики можно считать одной из проекций гиперплоскостей 4-мерного пространства, задаваемого s, u, f . Также: $s \in [0; 1]$; $u \in [0; 1]$; $f \in [0; 1]$.

³⁴ Как уже говорилось, возможна и обратная ситуация.

³⁵ Допустим, что такое значение существует при заданных технологиях.

Тогда, во-первых, $c_{0,hi} > c_{0,hy} > c_{0,m}$. Во-вторых, эластичность влияния каждого фактора на уровень транзакционных издержек должна удовлетворять теоретическое условие:

$$\alpha_m > \alpha_{hy} > \alpha_{hi}, \quad (7)$$

$$\beta_m > \beta_{hy} > \beta_{hi}, \quad (8)$$

$$\gamma_m > \gamma_{hy} > \gamma_{hi}. \quad (9)$$

При подставлении (4), (5) и (6) в (3) получаем уровни потерь дохода политика с правого графика (рис. 1) для каждой дискретной альтернативы:

$$L_m = c_{0,m}(\tau + V) + \alpha_m(\tau + V)s + \beta_m(\tau + V)u + \gamma_m(\tau + V)f - R(1 - r_m)S, \quad (10)$$

$$L_{hy} = c_{0,hy}(\tau + V) + \alpha_{hy}(\tau + V)s + \beta_{hy}(\tau + V)u + \gamma_{hy}(\tau + V)f - R(1 - r_{hy})S, \quad (11)$$

$$L_{hi} = c_{0,hi}(\tau + V) + \alpha_{hi}(\tau + V)s + \beta_{hi}(\tau + V)u + \gamma_{hi}(\tau + V)f - R(1 - r_{hi})S. \quad (12)$$

Тогда необходимыми условиями выбора каждой из альтернатив будут: $L_m < L_{hy} \cup L_m < L_{hi}$ для рынка; $L_{hy} < L_{hi} \cup L_{hy} < L_m$ для гибрида; $L_{hi} < L_{hy} \cup L_{hi} < L_m$ для иерархии. Учитывая, что значения s , u и f определены только на отрезке $[0; 1]$, вероятность попадания в который равна единице, можно перейти к вероятностям выбора той или иной альтернативы через функции Лапласа, что позволяет при наличии эмпирических данных в дальнейшем использовать систему уравнений (10), (11) и (12) в качестве модели дискретного выбора.

Таким образом, при переходе от задачи минимизации транзакционных издержек к максимизации дохода политика, который устанавливает механизм координации, оптимальный выбор может смещаться в сторону той или иной дискретной альтернативы. Такая ситуация становится возможной, если учитывать, что политик может стремиться не только обеспечивать общественную эффективность отраслевого регулирования, но и преследовать иные цели, для достижения которых необходимо либо ужесточать, либо ослаблять административный контроль над транзакциями. В то же время следует помнить, что в модели речь не идет о механизмах, которые появляются в результате свободного выбора самих представителей отрасли. Имеется в виду ситуация, в которой правительство (в лице политиков), преследующее цели, альтернативные минимизации транзакционных издержек в индустрии, может смещать выбор механизмов координации в ту или иную сторону от оптимального.

Заключение

По итогам проведенного анализа сделан вывод о том, что три пороговых условия перехода одного социального порядка в другой (по Д. Норт и др.) тесно связаны с характеристиками альтернативных механизмов управления транзакциями (по О. Уильямсону). В результате политическая власть, которую не сдерживают институты порядков открытого доступа, способна влиять на то, какой механизм управления транзакциями с большей вероятностью будет установлен в той или иной экономической сфере. Данное обстоятельство объясняет, почему механизмы координации в некоторых ситуациях меняются так стремительно и вне зависимости от желания экономических агентов минимизировать транзакционные издержки. Так происходило в России в 2022 г., когда во многих отраслях за короткий период усилился «регуляторный крен», а в некоторых, наоборот, ослабился административный контроль.

Политик, влияя на решение о механизме управления транзакциями, минимизирует свой риск потерять то, что на чем сфокусирован его политический интерес³⁶. Так он может

³⁶ К слову, схожие идеи, но с точки зрения институциональных изменений, рассматривают в своей статье [Аузан и др. 2022].

способствовать установлению механизмов с большим административным контролем и меньшей избирательностью транзакций (иерархические и гибридные механизмы вместо рыночных). Данная тенденция продемонстрирована с помощью формальной модели.

Вместе с тем предложенная модель обладает рядом недостатков. Во-первых, она не описывает ситуации, при которых механизм управления транзакциями уже выбран, а регулятор вмешивается в него дискреционно (что происходит, например, при некорректном использовании инструментов антимонопольной политики). Во-вторых, требуется более детально проанализировать, какую выгоду можно понимать под рентой R : как было обозначено ранее, спектр возможных интерпретаций здесь довольно широк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016) Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ. 760 с.

Андреева А.А., Ионкина К.А., Санишвили Т.Т. (2017) Эмпирический подход к сравнению социальных порядков // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. № 2. С. 51–71.

Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. (2022) Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 24–47.

Кузнецов Б. В., Симачев Ю. В. (2014) Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 152–178.

Плискевич Н.М. (2013) Возможности трансформации в России и концепция Норт-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации вчера и сегодня // Общественные науки и современность. № 5. С. 37–50.

Полтерович В.М. (2001) Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–49.

Федоров С.И. (2021) Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. С. 161–185.

Шаститко А.Е. (2012) Быть или не быть антитрасту в России? // Экономическая политика. № 3. С. 50–69.

Шаститко А.Е., Ионкина К.А. (2021) Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России // Вопросы экономики. № 7. С. 68–88.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2018) Широкие перспективы и овраги конкурентной политики // Экономическая политика. № 5. С. 110–133.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2021) Антиккурентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 7–33.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2022) Пигувианство против коузианства: идеи, ценности, перспективы // Вопросы экономики. № 1. С. 23–46.

Яковлев А.А. (2012) Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // Вопросы экономики. № 11. С. 4–23.

Asiimwe G.B. (2013) From Monopoly Marketing to Coffee Mangedo: Responses to Policy Recklessness and Extraction in Uganda, 1971–79 // Journal of Eastern African Studies. No. 7. Pp. 104–124.

Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Distorting Effects of Competition Authority's Performance Measurement: The Case of Russia // International Journal of Public Sector. No. 3. Pp. 288–306.

- Avdasheva S., Shastitko A. (2011) Russian Anti-Trust Policy: Power of Enforcement versus Quality of Rules // *Post-Communist Economies*. No. 4. Pp. 493–505.
- Buchanan J. M., Tullock G. (1962) *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Carmel: Liberty Fund.
- Davis L., North D. (1971) *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press. 283 p.
- Djankov S., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Schleifer A. (2002) The Regulation of Entry // *The Quarterly Journal of Economics*. No. 1. Pp. 1–37.
- Erdogu E. (2014) The Political Economy of Electricity Market Liberalization: A Cross-Country Approach // *Energy Journal*. No. 3. Pp. 91–128.
- Foer A.A. (2018) Culture, Economics, and Antitrust: The Example of Trust // *The Antitrust Bulletin*. No. 63. Pp. 65–103.
- Gultom Y.M.L. (2021) When Extractive Political Institutions Affect Public-Private Partnerships: Empirical Evidence from Indonesia's Independent Power Producers under Two Political Regimes // *Energy Policy*. No. 149.
- Hayek F.A. (1968) *Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren*. Kiel: Inst. für Weltwirtschaft. 20 p.
- Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Legal Standards and the Role of Economics in Competition Law Enforcement // *European Competition Journal*. No. 2. Pp. 1–21.
- Kirzner I.M. (1978) *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p.
- Knight F. (1921) *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin. 381 p.
- Kurdir A., Shastitko A. (2020) The New Industrial Policy: A Chance for the BRICS Countries // *BRICS Journal of Economics*. No. 1. Pp. 60–80.
- Menard C. (2004) The Economics of Hybrid Organizations // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. No. 3. Pp. 345–376.
- Menard C. (2022) Hybrids: Where We Are? // *Journal of Institutional Economics*. No. 18. Pp. 297–312.
- Mises L. (1996) *Human Action: A Treatise on Economics*. 3th rev. ed. New Haven: Yale University Press.
- Murphy K. M., Shleifer A., Vishny R. W. (1993) Why is Rent-Seeking so Costly to Growth? // *The American Economic Review*. No. 2. Pp. 409–414.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework of Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press. 186 p.
- Potrafke N. (2010) Does Government Ideology Influence Deregulation of Product Markets? Empirical Evidence from OECD Countries // *Public Choice*. No. 143. Pp. 135–155.
- Rodrik D. (2004) *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Papers 4767. 57 p.
- Schleifer A., Vishny R. (1993) Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. No. 3. Pp. 599–617.
- Schumpeter J.A. (2008) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. Originally published in 1934. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Tadei F. (2018) The Long-Term Effects of Extractive Institutions: Evidence from Trade Policies in Colonial French Africa // *Economic History of Developing Regions*. No. 33. Pp. 183–208.
- Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // *Western Economic Journal*. No. 5. Pp. 224–232.
- van Bavel B., Ansink E., van Besouw B. (2017) Understanding the Economics of Limited Access Orders: Incentives, Organizations and the Chronology of Developments // *Journal of Institutional Economics*. No. 13. Pp. 109–131.

van Besouw B., Ansink E., van Bavel B. (2016) The Economics of Violence in Natural States // *Journal of Economic Behaviour & Organization*. No. 132. Pp. 139–156.

Vanino E., Lee S. (2018) Extractive Institutions in Non-Tradeable Industries // *Economics Letters*. No. 170. Pp. 10–13.

Wegner G. (2015) Capitalist Transformation without Political Participation: German Capitalism in the First Half of the Nineteenth Century // *Constitutional Political Economy*. No. 26. Pp. 61–86.

Weymouth S. (2016) Competition Politics: Interest Groups, Democracy, and Antitrust Reform in Developing Countries // *The Antitrust Bulletin*. No. 61. Pp. 296–316.

Williamson O. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press. 468 p.

Williamson O. (1991) Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly*. No. 2. Pp. 269–296.

Wolff E.A. (2020) The Global Politics of African Industrial Policy: The Case of the Used Clothing Ban in Kenya, Uganda and Rwanda // *Review of International Political Economy*. No. 5. Pp. 1308–1331.

Yakovlev A., Sobolev, A., Kazun A. (2014) Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? // *Post-Soviet Affairs*. No. 30. Pp. 171–194.

REFERENCES

Adzhemoglu D., Robinson Dzh. (2016) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: AST. 760 p.

Andreeva A.A., Ionkina K.A., Sanishvili T.T. (2017) Empiricheskij podhod k sravneniyu social'nyh poryadkov [An Empirical Approach to Comparing Social Orders]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal*. no. 2, pp. 51–71.

Auzan A.A., Lepetikov YA.D., Sitkevich D.A. (2022) Koleya i mayatnik: vliyanie lovushki predshestvuyushchego razvitiya na dinamiku institucional'nyh izmenenij [Track and Pendulum: The Influence of the Trap of Previous Development on the Dynamics of Institutional Changes]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. no. 1, pp. 24–47.

Asiimwe G.B. (2013) From Monopoly Marketing to Coffee Mangedo: Responses to Policy Recklessness and Extraction in Uganda, 1971–79. *Journal of Eastern African Studies*. no. 7, pp. 104–124.

Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Distorting Effects of Competition Authority's Performance Measurement: The Case of Russia. *International Journal of Public Sector*. no. 3, pp. 288–306.

Avdasheva S., Shastitko A. (2011) Russian Anti-Trust Policy: Power of Enforcement versus Quality of Rules. *Post-Communist Economies*. no. 4, pp. 493–505.

Buchanan J. M., Tullock G. (1962) *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Carmel: Liberty Fund.

Davis L., North D. (1971) *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press. 283 p.

Djankov S., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Schleifer A. (2002) The Regulation of Entry. *The Quarterly Journal of Economics*. no. 1, pp. 1–37.

Erdogu E. (2014) The Political Economy of Electricity Market Liberalization: A Cross-Country Approach. *Energy Journal*. no. 3, pp. 91–128.

Fedorov S.I. (2021) Klasternaya politika i innovacionnaya aktivnost' promyshlennykh predpriyatij [Cluster Policy and Innovative Activity of Industrial Enterprises]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. no. 4, pp. 161–185.

Foer A.A. (2018) Culture, Economics, and Antitrust: The Example of Trust. *The Antitrust Bulletin*. no. 63, pp. 65–103.

- Gultom Y.M.L. (2021) When Extractive Political Institutions Affect Public-Private Partnerships: Empirical Evidence from Indonesia's Independent Power Producers under Two Political Regimes. *Energy Policy*. no. 149.
- Hayek F.A. (1968) *Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren*. Kiel: Inst. für Weltwirtschaft. 20 p.
- Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Legal Standards and the Role of Economics in Competition Law Enforcement. *European Competition Journal*. no. 2, pp. 1–21.
- Kirzner I.M. (1978) *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p.
- Knight F. (1921) *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin. 381 p.
- Kurdir A., Shastitko A. (2020) The New Industrial Policy: A Chance for the BRICS Countries. *BRICS Journal of Economics*. no. 1, pp. 60–80.
- Kuznecov B. V., Simachev YU. V. (2014) Evolyuciya gosudarstvennoj promyshlennoj politiki v Rossii [Evolution of State Industrial Policy in Russia]. *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*. no. 2, pp. 152–178.
- Menard C. (2004) The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. no. 3, pp. 345–376.
- Menard C. (2022) Hybrids: Where We Are? *Journal of Institutional Economics*, no. 18, pp. 297–312.
- Mises L. (1996) *Human Action: A Treatise on Economics*. 3th rev. ed. New Haven: Yale University Press.
- Murphy K. M., Shleifer A., Vishny R. W. (1993) Why is Rent-Seeking so Costly to Growth? *The American Economic Review*. no. 2, pp. 409–414.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework of Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press. 186 p.
- Pliskevich N.M. (2013) Vozmozhnosti transformacii v Rossii i koncepciya Nort-Uollisa-Vajngasta. Stat'ya 1. Sryvy modernizacii vchera i segodnya [Transformation Opportunities in Russia and the North-Wallis-Weingast Concept. Article 1. Failures of Modernization Yesterday and Today]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 37–50.
- Polterovich V.M. (2001) Transplantaciya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of Economic Institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. no. 3, pp. 24–49.
- Potrafke N. (2010) Does Government Ideology Influence Deregulation of Product Markets? *Empirical Evidence from OECD Countries*. *Public Choice*. no. 143, pp. 135–155.
- Rodrik D. (2004) *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Papers 4767. 57 p.
- Schleifer A., Vishny R. (1993) Corruption. *Quarterly Journal of Economics*. no. 3, pp. 599–617.
- Schumpeter J.A. (2008) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. Originally published in 1934. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Shastitko A.E. (2012) Byt' ili ne byt' antitrastu v Rossii? [To Be or Not to Be: Antitrust in Russia?]. *Ekonomicheskaya politika*. no. 3, pp. 50–69.
- Shastitko A.E., Ionkina K.A. (2021) Himera otechestvennogo antitrasta: institut kollektivnogo dominirovaniya v Rossii [Chimera of the Domestic Antitrust: the Institute of Collective Dominance in Russia]. *Voprosy ekonomiki*. no. 7, pp. 68–88.
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2018) SHirokie perspektivy i ovragi konkurentnoj politiki [Broad Prospects and Ravines of Competition Policy]. *Ekonomicheskaya politika*. no. 5, pp. 110–133.
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2021) Antikonkurentnye posledstviya antimonopol'noj politiki: kejs mobil'nyh operatorov [Anticompetitive Consequences of Antimonopoly Policy: Case of Mobile Operators]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. no. 2, pp. 7–33.
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2022) Piguvianstvo protiv kouzianstva: idei, cennosti, perspektivy [Pigouvianism versus Cousianism: Ideas, Values, Perspectives]. *Voprosy ekonomiki*. no. 1, pp. 23–46.

- Tadei F. (2018) The Long-Term Effects of Extractive Institutions: Evidence from Trade Policies in Colonial French Africa. *Economic History of Developing Regions*. no. 33, pp. 183–208.
- Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft. *Western Economic Journal*. no. 5, pp. 224–232.
- van Bavel B., Ansink E., van Besouw B. (2017) Understanding the Economics of Limited Access Orders: Incentives, Organizations and the Chronology of Developments. *Journal of Institutional Economics*. no. 13, pp. 109–131.
- van Besouw B., Ansink E., van Bavel B. (2016) The Economics of Violence in Natural States. *Journal of Economic Behaviour & Organization*. no. 132, pp. 139–156.
- Vanino E., Lee S. (2018) Extractive Institutions in Non-Tradeable Industries. *Economics Letters*. no. 170, pp. 10–13.
- Wegner G. (2015) Capitalist Transformation without Political Participation: German Capitalism in the First Half of the Nineteenth Century. *Constitutional Political Economy*. no. 26, pp. 61–86.
- Weymouth S. (2016) Competition Politics: Interest Groups, Democracy, and Antitrust Reform in Developing Countries. *The Antitrust Bulletin*. no. 61, pp. 296–316.
- Williamson O. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press. 468 p.
- Williamson O. (1991) Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives. *Administrative Science Quarterly*. no. 2, pp. 269–296.
- Wolff E.A. (2020) The Global Politics of African Industrial Policy: The Case of the Used Clothing Ban in Kenya, Uganda and Rwanda. *Review of International Political Economy*. no. 5, pp. 1308–1331.
- Yakovlev A.A. (2012) Kak umen'shit' silovoe davlenie na biznes v Rossii? [How to Reduce the Power Pressure on Business in Russia?]. *Voprosy ekonomiki*. no. 11, pp. 4–23.
- Yakovlev A., Sobolev, A., Kazun A. (2014) Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? *Post-Soviet Affairs*. no. 30, pp. 171–194.

Информация об авторе

Федоров Сергей Игоревич, аспирант, ассистент экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46. E-mail: fedoroffsi@yandex.ru

About the author

Sergei I. Fedorov, Postgraduate Student, Research Assistant, Faculty of Economics, Moscow State University. Address: 11991, Moscow, Leninskye Gori, 1/46. E-mail: fedoroffsi@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 25.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 07.11.2022

Статья принята к публикации/ Accepted: 10.02.2023

DOI: 10.31857/S0869049923010082
EDN: FCRNTD

Оригинальная статья / Original article

Уровень востребованности высшего образования в Германии

© Ф.А. ТАСКИН

Таскин Федор Александрович, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), taskinf@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9210-4274

Рассмотрено формирование, состояние и особенности системы высшего образования в Германии на современном этапе. Приведены преимущества высшего образования в немецких вузах. Оценена востребованность высшего образования разных ступеней среди населения. Представлены и проанализированы данные Федерального статистического управления Германии по количеству и типам высших учебных заведений, численности студентов вузов и их распределению по предметным группам за зимние семестры 2019/2020–2021/2022 гг., а также по численности первокурсников немецких вузов по землям в зимние семестры 2020/2021–2021/2022 гг. Изучена статистика о конкурентоспособности выпускников на рынке труда Германии. Оценена их средняя первоначальная годовая зарплата в зависимости от направления подготовки и полученной квалификации. Сделан вывод о высоком уровне востребованности высшего образования среди населения Германии, а также о конкурентных преимуществах людей с высшим образованием на рынке труда.

Ключевые слова: высшее образование, высшие учебные заведения, студент, бакалавр, магистр, зарплата, Германия

Цитирование: Таскин Ф.А. (2023) Уровень востребованности высшего образования в Германии // Общественные науки и современность. № 1. С. 121–136. DOI: 10.31857/S0869049923010082, EDN: FCRNTD.

The Level of Demand for Higher Education in Germany

© F. TASKIN

Fedor A. Taskin, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), taskinf@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9210-4274

Abstract. The article studies the formation, current state and features of the system of Germany's higher education at the present stage. The advantages of obtaining higher education in German universities are defined. The level of demand for higher education of various levels among the population is estimated. The data of the Federal Statistical Office of Germany on the number and types of higher education institutions, on the number of students of higher educational institutions and their distribution by subject groups for the winter semesters 2019/2020–2021/2022 is presented and analyzed, as well as the data on the number of first-year students of German universities by state in winter semesters 2020/2021–2021/2022. The data on the competitiveness of graduates of higher educational institutions in the German labor market is studied. The average initial annual salary of university graduates is estimated depending on the field of training and the qualifications received. The conclusion is made about the high level of demand for higher education among the German population, as well as about competitive advantages people with higher education have in the labor market.

Keywords: higher education, higher educational institutions, student, bachelor, master, salary, Germany

Citation: Taskin F. (2023) The Level of Demand for Higher Education in Germany. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 121–136. DOI: 10.31857/S0869049923010082, EDN: FCRNTD.

Интерес к системе высшего образования Германии обусловлен тем, что оно сохраняет конкурентоспособность и качество на протяжении длительного периода истории. Сделать вывод о современных тенденциях развития и востребованности высшего образования в Германии возможно, проанализировав: количественные показатели по типам учебных заведений; численность студентов по различным предметным группам, учебным заведениям и землям Германии; уровень заработной платы выпускников вузов. Результаты проведенного исследования могут быть полезны в разработке стратегии развития как отдельного вуза, так и целого сегмента системы высшего образования Германии или других стран. Возможно применение опыта Германии в России.

Система высшего образования

Система высшего образования в Германии имеет большую историю, которая начинается с XIV в. [Антропов 2019, 210]. Карлов университет в Праге, основанный 7 апреля 1348 г. императором Карлом IV, считается первым университетом Священной Римской империи германской нации. Уже в конце XIV в. появились университеты в Вене (1365), Гейдельберге (1386), Кельне (1388) и Эрфурте (1392) [Каргин 2020, 131]. Студентов в них обучали по четырем направлениям: медицина, философия, теология и юриспруденция.

В начале XIX в. произошло становление классического немецкого университета, основанного на идеях В. Гумбольдта. В конце XIX – начале XX вв. была введена профессиональная специализация системы высшего образования. В 70-ые годы XX в. в дополнение к университетам и техническим университетам стали открываться специализированные

высшие учебные заведения. В конце XX – начале XXI вв. в системе высшего образования Германии стала наблюдаться *большая* дифференциация между типами вузов и уровнями программ (бакалавриат/магистратура) [Lee, Müller 2019, 435; Münch, Schäfer 2014, 75; Reimer, Pollak 2010, 418; Triventi 2013, 62].

Современная система высшего образования Германии имеет развитую сеть государственных и частных высших учебных заведений, а также большое количество направлений подготовки. Высшее образование страны успешно конкурирует в международных рейтингах. Германия располагается на 3-ем месте (после США и Великобритании) в рейтингах TNE, QS и Shanghai (чтобы быть сопоставимым с TNE и QS, в нем учитывается только континентальный Китай), а также в рейтинге мировых университетов Webometrics¹. Соответственно, страну можно считать одним из лучших мест в мире по уровню обучения. Лидирующие позиции в мировых и национальных списках занимают Мюнхенский университет им. Людвига-Максимилиана, Мюнхенский технический университет, Гейдельбергский университет им. Рупрехта и Карла, Берлинский университет им. Гумбольдта и Берлинский технический университет.

По данным Федерального статистического управления, в зимнем семестре 2021/2022 гг. на территории современной Германии действовали 422 высших учебных заведения². В таб. 1 перечислены различные типы учреждений и их количество в каждой из категорий.

Таблица 1

**Высшие учебные заведения Германии в зимние семестры
2019/2020–2021/2022 гг.**

Table 1

**Higher education institutions in Germany in the winter semesters
2019/2020–2021/2022**

№ п/п	Тип заведения	2019/2020 гг.		2020/2021 гг.		2021/2022 гг.	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
1.	Университеты	107	25,2	108	25,6	108	25,6
2.	Педагогические вузы	6	1,4	6	1,4	6	1,4
3.	Богословские колледжи	16	3,8	16	3,8	16	3,8
4.	Художественные колледжи	52	12,3	52	12,3	52	12,3
5.	Университеты прикладных наук	213	50,2	210	49,8	210	49,8
6.	Административные колледжи	30	7,1	30	7,1	30	7,1
Итого:		424	100,0	422	100,0	422	100,0

Источник: *составлено по Hochschularten (Wintersemester). Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Hochschulen/Tabelle/hochschulen-hochschularten.html).*

Source: *compiled from Hochschularten (Wintersemester). Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Hochschulen/Tabelle/hochschulen-hochschularten.html).*

¹ Рейтинг университетов Германии. Global Dialog. 2022. (https://www.globaldialog.ru/countries/germany/higher_education/rejting-universitetov-germanii/).

² Bildung – das Digitale Magazin. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html#579808).

В общей структуре высших учебных заведений наиболее представлены университеты прикладных наук, наименее – педагогические вузы. Популярность первых связана с тем, что они предлагают своим студентам более практико-ориентированную подготовку с обязательной производственной практикой в немецких компаниях – в основном по инженерным, экономическим и социальным специальностям.

За последние 20 лет количество высших учебных учреждений Германии возросло в несколько раз за счет появления как новых высших школ, так и частных образовательных учреждений (например, Высшая юридическая школа им. Буцериуса в Гамбурге) [Антропов 2019, 211]. В зимнем семестре 2021/2022 в Германии действовали 115 частных высших учебных заведений³. Они имеют ряд преимуществ перед государственными: меньшее количество студентов, лучшее финансирование, более гибкий подход к перечню образовательных программ, ориентация на запросы рынка труда, отсутствие системы квот для абитуриентов. Основным их недостатком выступает высокая стоимость обучения – 4–8 тыс. евро за семестр.

Доступ к высшему образованию в Германии гарантирует государство. Возможность его получения закреплена в федеральных и региональных законодательных актах. В Основном законе Федеративной Республики Германия указано, что высшее образование должно быть доступно каждому независимо от пола, возраста, социального и профессионального статуса, предшествующего образования, политических взглядов и национальности. Также, согласно закону, у всех граждан должна быть возможность получать знания и умения, необходимые для полноценного участия в трудовой и общественной жизни⁴.

У системы образования Германии есть свои особенности. Ею децентрализовано управляют немецкие земли [Самсонова 2021, 107], которые издают региональные законы о высшем образовании, например, Закон о высшем образовании Нижней Саксонии⁵. Федеральный закон об образовании не имеет приоритета над нормативами территориальных образований. Государственные власти формируют и имплементируют образовательные стандарты и требования к кадровому обеспечению учебного процесса. Остальные вопросы земли решают самостоятельно [Вязовская, Иванова 2018, 37; Ананин, Крекель 2020, 13]. Они определяют потребность в тех или иных специалистах, устанавливают объемы финансирования, а также заключают между собой соглашения о взаимном сотрудничестве в области образования и науки [Оганян 2021, 33; Титор 2022, 76].

Высшее образование в Германии контролирует государство, преподаватели считаются государственными служащими. Также власти осуществляют надзор за деятельностью высших учебных заведений в своих сферах ответственности. Согласно Рамочному закону о высшем образовании⁶, академические вопросы они не контролируют [Титор 2022, 76]. Университеты обладают автономностью. Каждый из них утверждает несколько обязательных для изучения предметов, остальные предметы студенты могут выбирать самостоятельно в рамках существующей учебной программы.

Система образования Германии ориентирована на актуальные тенденции развития страны. Высшие учебные заведения оперативно разрабатывают и внедряют новые обра-

³ Bildung – das Digitale Magazin. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html#579808).

⁴ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Deutscher Bundestag. 1949. (<https://www.bundestag.de/gg>).

⁵ Niedersächsisches Hochschulgesetz (NHG). Niedersächsischen Ministerium für Wissenschaft und Kultur. 2002. (<http://www.schule.de/22210/nhg.htm>).

⁶ Hochschulrahmengesetz. Bundesministerium der Justiz. 1976. (<https://www.gesetze-im-internet.de/hrg/>).

зовательные программы в соответствии с текущими потребностями экономики, страны и общества [Алчинова 2018, 11].

В 1999 г. Германия подписала Болонскую Декларацию. К 2010 г. все высшие учебные заведения страны перешли на Болонскую систему образования с двухэтапным обучением. Степень бакалавра (Bachelor) считается первой профессиональной квалификационной степенью, продолжительность обучения по ней составляет 3–4 года [Фабарисов 2022, 105], после чего студент может выйти на рынок труда и обретает право получить более высокую квалификацию в рамках магистерской степени.

Магистр (Master) – вторая ступень высшего образования, диплом выдается после 1–2 лет подготовки. Магистратура позволяет приобрести более глубокую специализацию и реализовать себя в научно-исследовательской работе. Поступить в нее можно сразу после бакалавриата, либо через нескольких лет профессиональной деятельности. Магистерская степень необходима для допуска к обучению в аспирантуре.

Программы бакалавриата и магистратуры подлежат аккредитации специальными аккредитационными агентствами (ACQUIN, ANPGS, AKAST, ASIIN, Evalag и др.), которые высшие учебные заведения выбирают самостоятельно [Тупор 2022, 73]. Система аккредитации децентрализована, но она регламентируется Порядком аккредитации программ бакалавриата и магистратуры⁷.

Образование в государственных университетах бесплатное – студенты оплачивают только административный взнос (100–300 евро за семестр), который покрывает расходы на транспорт, членство в студенческих сообществах, абонемент в библиотеку и др. В частных высших учебных заведениях предусмотрена ежегодная плата [Мякина 2021, 145].

Следует отметить, что в Германии существует большое количество различных стипендиальных фондов и организаций (DAAD, Deutschlandstipendium, Heinrich Boell Stiftung, Hans-Seidel-Stiftung, Stiftung der Deutschen Wirtschaft, Alexander-von-Humboldt-Stiftung и др.). Они на конкурсной основе предоставляют выплаты талантливым студентам, которые имеют высокую академическую успеваемость, а также активно участвуют в научной и общественной жизни. Например, Deutschlandstipendium выплачивает студентам вузов-участникам программы (310 вузов) 300 евро ежемесячно в течение как минимум двух семестров⁸. Стипендия позволяет студентам полностью или частично покрыть свои расходы на административные взносы, проживание и питание. Alexander-von-Humboldt-Stiftung предлагает большое количество ежемесячных выплат в размере от 2150 до 2750 евро для различной целевой аудитории. У фонда есть специальные пособия на обучение в аспирантуре, научно-исследовательскую деятельность и участие в семинарах и проектах⁹.

В немецких высших учебных заведениях нет вступительных экзаменов. Прием абитуриентов проводят на основании проходного балла аттестата. Чтобы поступить на большинство программ, достаточно иметь средний балл от 3,0 до 1,5 (по шкале от 1,0 до 6,0 баллов) [Дрокова, Токарева 2016, 54]. Кроме того, в некоторых немецких вузах наряду

⁷ Einführung eines Akkreditierungsverfahrens für Bachelor-/Bakkalaureus- und Master-/Magisterstudiengänge. Beschluss der Kultusministerkonferenz vom 03.12.1998. Kultusministerkonferenz. (https://www.kmk.org/fileadmin/veroeffentlichungen_beschluesse/1998/1998_12_03-Bachelor-Master-Akkred.pdf).

⁸ Стипендии и гранты в Германии. Учеба в Германии. 2022. (<https://euni.ru/informatsiya/statji/obuchenie-v-vuze/stipendii-i-granty>).

⁹ 10 стипендий для учебы в Германии. Abroads. 2022. (<https://abroadz.com/10-stipendij-dlya-ucheby-v-germanii/>).

с конкурсом аттестатов проводят специальные тесты на пригодность к учебе. Не все выпускники школ, получив квалификацию для поступления в высшие учебные заведения, потом учатся в них. В 2020 г. только 185 тыс. молодых людей пошли в высшие учебные заведения сразу после выпуска из школы. Коэффициент перехода составил 48%¹⁰.

Средний возраст студентов в зимнем семестре 2021/2022 составил 23,5 года. Конкурс аттестатов не всегда позволяет поступить на желаемую специальность с первого раза, поэтому в вузах Германии насчитывается менее 1% учащихся, которым при поступлении не исполнилось 18 лет. Доля студентов, которые приходят в вуз после 25 лет, составляет около 14% [Антропов 2019, 211].

Численность студентов немецких вузов за последние три зимних семестра представлена в таб. 2.

Таблица 2

**Численность студентов высших учебных заведений Германии
 в зимние семестры 2019/2020–2021/2022 гг.**

Table 2

**The number of students in German higher education institutions
 in the winter semesters 2019/2020–2021/2022**

№ п/п	Тип заведения	2019/2020 гг.		2020/2021 гг.		2021/2022 гг.	
		Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %
1.	Университеты	1749734	60,5	1751960	59,5	1725461	58,7
2.	Педагогические вузы	25557	0,9	26090	0,9	26292	0,9
3.	Богословские колледжи	2467	0,1	2512	0,1	2495	0,1
4.	Художественные колледжи	36547	1,3	37473	1,3	37084	1,3
5.	Университеты прикладных наук	1023146	35,4	1069995	36,3	1090251	37,0
6.	Административные колледжи	53598	1,8	56115	1,9	60332	2,0
Итого:		2891049	100,0	2944145	100,0	2941915	100,0

Источник: *составлено по Studierende nach Bundesländern und Hochschularten. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Hochschulen/_inhalt.html).*

Source: *compiled from Studierende nach Bundesländern und Hochschularten. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Hochschulen/_inhalt.html).*

За последние десять лет количество студентов высших учебных заведений значительно возросло. Если в зимнем семестре 2010/2011 гг. университеты прикладных наук посещали 684 тыс. человек (31% от всех студентов Германии), то в 2020/2021 гг. их насчитывалось уже 1 млн 70 тыс. (36%)¹¹.

¹⁰ Bildung – das Digitale Magazin. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html#579808).

¹¹ Ibid

В зимнем семестре 2021/2022 гг. в вузах учились более 2,9 млн студентов. Большинство приходилось на университеты: более 58% в общем объеме. Тем не менее численность учащихся в университетах немного снизилась, а в университетах прикладных наук и административных колледжах – возросла. Причина заключается в том, что образование в университетах ориентировано прежде всего на последующую научную и исследовательскую деятельность. Специализированные учебные заведения, в свою очередь, выпускают практико-ориентированных специалистов, которые больше востребованы на рынке труда [Каргин 2020, 133].

По данным Федерального статистического управления Германии, в немецких вузах изучают 273 предмета, которые можно разделить на девять основных предметных групп. Как студенты распределились по предметным группам в зимних семестрах 2019/2020–2021/2022 гг., можно увидеть в таб. 3.

Таблица 3

**Распределение студентов немецких вузов по предметным группам
в зимние семестры 2019/2020–2021/2022 гг.**

Table 3

**Distribution of students of German universities by subject groups
in the winter semesters 2019/2020–2021/2022**

№ п/п	Предметная группа	2019/2020 гг.		2020/2021 гг.		2021/2022 гг.	
		Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %
1.	Гуманитарные науки	332440	11,5	326408	11,1	320804	10,9
2.	Спорт	29207	1,0	30944	1,1	30629	1,0
3.	Юридические, экономические и социальные науки	1082326	37,4	1128572	38,3	1131886	38,5
4.	Математика, естественные науки	322086	11,1	319264	10,8	316132	10,8
5.	Медицинские науки	186835	6,5	188774	6,4	197787	6,7
6.	Сельскохозяйственные, лесные и диетологические науки, ветеринарная медицина	63381	2,2	65127	2,2	64422	2,2
7.	Технические науки	774687	26,8	782679	26,6	776246	26,4
8.	Искусство, искусствоведение	95521	3,3	98781	3,4	100548	3,4
9.	Другие предметы	4566	0,2	3596	0,1	3461	0,1
Итого:		2891049	100,0	2944145	100,0	2941915	100,0

Источник: составлено по Insgesamt nach Fächergruppen. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Hochschulen/Tabellen/studierende-insgesamt-faechergruppe.html>).

Source: compiled from Insgesamt nach Fächergruppen. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Hochschulen/Tabellen/studierende-insgesamt-faechergruppe.html>).

Наибольшей популярностью у студентов пользуются юридические, экономические и социальные науки, их доля в рассматриваемом периоде составила 38,5%. На протяжении трех последних семестров растет интерес учащихся к юридическим, экономическим, социальным и медицинским наукам, искусству и искусствоведению. Снижается спрос на гуманитарные, естественные и технические науки, а также на математику.

Численность первокурсников в общем количестве студентов немецких вузов за зимние семестры 2020/2021 и 2021/2022 гг. приведена в таб. 4.

Таблица 4

**Численность первокурсников немецких вузов по землям
в зимние семестры 2020/2021–2021/2022 гг.**

Table 4

**The number of first-year students of German universities by state
in the winter semesters 2020/2021–2021/2022**

№ п/п	Земля/ город	2020/2021 гг.		2021/2022 гг.	
		Численность студентов, чел.	в т.ч. перво- курсников, чел.	Численность студентов, чел.	в т.ч. перво- курсников, чел.
Земли Западной Германии					
1.	Баден-Вюртемберг	360630	56977	357342	54610
2.	Бавария	404705	66262	404090	63404
3.	Берлин	199421	25755	203869	27908
4.	Бремен	37646	5923	37393	5165
5.	Гамбург	116393	14255	119110	13955
6.	Гессен	266903	35413	262759	31259
7.	Нижняя Саксония	208395	26833	197246	25656
8.	Северный Рейн-Вестфалия	779199	98770	764565	89756
9.	Рейнланд-Пфальц	123644	15616	121060	14104
10.	Саар	31461	5086	31835	4764
11.	Шлезвиг-Гольштейн	66805	10634	67447	9527
Итого (с Берлином):		2595202	361524	2566716	340108
Земли Восточной Германии					
1.	Бранденбург	50615	7778	50549	7142
2.	Мекленбург-Передняя Померания	39131	6163	39041	5582
3.	Саксония	107576	17417	105868	15812
4.	Саксония-Анхальт	55017	8034	54823	7366
5.	Тюрингия	96604	17781	124918	19835
Итого (без Берлина):		348943	57173	375199	55737
Всего:		2944145	418697	2941915	395845

Источник: составлено по Studienanfänger: Bundesländer, Semester, Nationalität, Geschlecht. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (<https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?sequenz=tabelleErgebnis&selectionname=21311-0014&zeitscheiben=1#abreadcrumb>).

Source: *compiled from Studienanfänger: Bundesländer, Semester, Nationalität, Geschlecht. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (<https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?sequenz=tabelleErgebnis&electionname=21311-0014&zeitscheiben=1#abreadcrumb>).*

В 2020 г. в немецкие высшие учебные заведения поступило 418697 человек, а в 2021 г. – на 5,5% меньше (395845 человек). Прирост численности студентов наблюдался только в вузах Берлина, Гамбурга и Тюрингии.

В целом в землях Западной Германии обучается в 7 раз больше студентов, чем в землях Восточной Германии. Тенденцию можно объяснить тем, что в первой из них расположено больше вузов. Также граждан страны и иностранцев привлекает широкий спектр культурных и образовательных возможностей в Берлине, Гамбурге и Бремене.

Средняя продолжительность обучения на бакалаврских программах в 2020 г. составила 7,2 семестра, в педагогических вузах с получением степени преподавателя – 10,2 семестра. В бакалавриате и магистратуре вместе с получением степени магистра (без степени магистра в области преподавания) студенты в среднем учатся 12,3 семестра. Обучение в педагогических вузах с получением степени магистра длится дольше, так как предусматривает, кроме освоения профильных предметов, обязательное прохождение преддипломной практики в течение 18 месяцев¹².

Доля выпускников вузов, впервые получивших высшее образование, выше среди женщин: в 2010 г. – 31% женщин и 28% мужчин, в 2020 г. – 34% женщин и 27% мужчин¹³.

Выпускники вузов на рынке труда

Выпускники немецких университетов реже остаются без трудовой занятости. В целом по стране уровень безработицы составляет 5,4%, однако среди специалистов с высшим образованием показатель немного превышает 2%¹⁴.

У людей с дипломами выше шанс получить работу, чем у граждан без них. По данным ежегодного исследования рынка труда Германии компанией StepStone, в 2020 г. выпускники вузов зарабатывали на 36% больше остальных¹⁵. Специалисты и руководители с высшим образованием, получают в среднем 67,4 тыс. евро в год – на 17 тыс. евро больше, чем их коллеги без диплома (49,7 тыс. евро)¹⁶. Оклад также зависит и от стажа работы – зарплаты молодых специалистов ниже, чем у опытных сотрудников.

В таб. 5 указана средняя первоначальная годовая зарплата выпускников вузов Германии по направлениям обучения.

Самую высокую первоначальную зарплату получают выпускники медицинских, естественнонаучных и инженерных направлений, самую низкую – те, кто изучал дизайн, архитектуру, гуманитарные и социальные науки.

¹² Bildung – das Digitale Magazin. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html#579808).

¹³ Ibid.

¹⁴ Erwerbslose und Erwerbstätige. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Arbeit/Arbeitsmarkt/Erwerbslosigkeit/Tabellen/erwerbslose.html;jsessionid=84613C9450A41B36EFAC222B11B91970.live722>).

¹⁵ Зарплаты выпускников в Германии. Study-in-Germany. 2020. (<https://www.study-in-germany.ru/zarplati-vipusnikov>).

¹⁶ Там же.

С приобретением опыта заработок выпускников существенно увеличивается. Например, врачи с профильным образованием и стажем получают 92,3 тыс. евро в год, финансовые эксперты – 76,4 тыс. евро, юристы и инвестиционные консультанты – 70 тыс. евро. Сотрудники банков ежегодно зарабатывают 65 тыс. евро, инженеры – 64,5 тыс. евро, специалисты по информационным технологиям – 60,5 тыс. евро¹⁷.

Специалисты с дипломом бакалавра менее востребованы на рынке труда Германии, чем магистры. Только треть выпускников из первой категории работает по профилю [Sakbaeva 2020, 21] из-за высокой конкуренции со стороны обладателей диплома магистра.

Таблица 5

Средняя первоначальная годовая зарплата выпускников вузов

Table 5

Average initial annual salary of university graduates

№ п/п	Направление	Средняя первоначальная годовая зарплата, евро
1.	Медицина и стоматология	52668
2.	Естественные науки (биология, химия и т. п.)	48812
3.	Экономическая инженерия	48696
4.	Инженерные науки	47481
5.	Юриспруденция	46524
6.	Математика и информатика	46191
7.	Экономическая информатика	45566
8.	Экономические науки	43033
9.	Психология	42829
10.	Геология и геологические науки	41452
11.	Преподавательская деятельность	41253
12.	Социальные науки	39599
13.	Дизайн	36525
14.	Архитектура	36009
15.	Воспитательная педагогика	35917
16.	Гуманитарные науки	35151
17.	История и культурология	34764

Источник: составлено по Зарплаты в Германии: исследование StepStone 2020. Study-in-Germany. 2020. (<https://www.study-in-germany.ru/zarplati-2020>).

Source: compiled from Salaries in Germany: a study StepStone 2020. Study-in-Germany. 2020. (<https://www.study-in-germany.ru/zarplati-2020>).

¹⁷ Зарплаты выпускников в Германии. Study-in-Germany. 2020. (<https://www.study-in-germany.ru/zarplati-vipusnikov>).

В последние годы возрос спрос на обучение в магистратуре. Около 45% бакалавров 2019 г. получили степень магистра в 2021 г. В то же время уровень интереса зависел от направления подготовки. Примерно 33% бакалавров в области права, экономики и социальных наук перешли на следующую академическую ступень в 2021 г., однако в области математики и естественных наук показатель составил 80%¹⁸. Чтобы повышать заинтересованность студентов в продолжении обучения, высшим учебным заведениям необходимо предлагать новые гибкие возможности непрерывного образования, а также обучать междисциплинарным компетенциям [Auferkorte-Michaelis 2018, 180].

В таб. 6 приведено сравнение средней зарплаты выпускников с дипломами бакалавра и магистра.

Таблица 6

**Средняя первоначальная годовая зарплата выпускников
бакалавриата и магистратуры**

Table 6

Average initial annual salary of bachelor and master graduates

№ п/п	Профессия	Средняя первоначальная годовая зарплата, евро		Прирост зарплаты, %
		Бакалавр	Магистр	
1.	Инженерия	45484	48930	7,6
2.	Информационные технологии	42992	46845	9,0
3.	Закупки, снабжение, логистика	42527	48033	12,9
4.	Финансы	41437	47055	13,6
5.	Продажи	41053	47821	16,5
6.	Управление персоналом	39095	43566	11,4
7.	Естественнонаучные исследования и работа в лаборатории	37477	43921	17,2
8.	Маркетинг и коммуникации	36203	42010	16,0
9.	Администрация и секретариат	35324	41118	16,4
10.	Дизайн и архитектура	33406	39818	19,2
11.	Образование и социальная работа	32794	39188	19,5

Источник: составлено по Зарплаты выпускников в Германии. Study-in-Germany. 2020. (<https://www.study-in-germany.ru/zarplati-vipusnikov>).

Source: compiled from Graduate salaries in Germany. Study-in-Germany. 2020. (<https://www.study-in-germany.ru/zarplati-vipusnikov>).

Выпускники с дипломом магистра во всех сферах занятости получают заработную плату на 8–19% выше, чем обладатели степени бакалавра. Наибольшая разница прослеживается в образовании, социальной работе, дизайне и архитектуре, наименьшая – в областях инженерии и информационных технологиях.

¹⁸ Bildung – das Digitale Magazin. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2022. (https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html#579808).

Заключение

Высшие учебные заведения Германии предлагают огромный перечень направлений подготовки в соответствии с потребностями рынка труда. Качество высшего образования в Германии считается одним из лучших в мире.

Структура высших учебных заведений включает университеты, педагогические вузы, богословские, художественные и административные колледжи, университеты прикладных искусств. Наибольшую долю в общей численности высших учебных заведений занимают университеты прикладных наук. Их востребованность связана с практико-ориентированной подготовкой студентов.

Наибольшее количество студентов обучается в университетах, которые предлагают все ступени высшего образования и возможность научной и исследовательской деятельности. В последнее время наблюдается снижение численности обучающихся в университетах: в зимнем семестре 2021/2022 гг. по сравнению с зимним семестром 2019/2020 гг. численность студентов сократилась на 1,4%. В то же время за аналогичные периоды наблюдается рост численности обучающихся в университетах прикладных искусств – на 6,6%, и в административных колледжах – на 12,6%. Данная тенденция связана с большей востребованностью на рынке труда специалистов, обладающих не только теоретическими, но и практическими знаниями, которые дают специализированные учебные заведения.

Уровень востребованности высшего образования среди населения страны высок, и он растет с каждым годом. Если в 2010 г. 37% молодых людей поступили в высшие учебные заведения сразу после окончания школы, то в 2020 г. коэффициент перехода составил 48%.

Германия выделяется тем, что не все молодые люди стремятся поступить в вузы в год получения школьного диплома. Средний возраст студентов в зимнем семестре 2021/2022 гг. составлял 23,5 года. Данная статистика объясняется тем, что многие молодые люди предпочитают посвятить несколько лет путешествиям, волонтерским услугам и профессиональной деятельности.

Наибольшей популярностью у обучающихся пользуются юридические, экономические и социальные науки. Растет интерес к медицинским наукам, искусству и искусствоведению.

Численность студентов в высших учебных заведениях Западной Германии (включая Берлин) значительно превышает численность студентов в землях Восточной Германии как по общему значению – в 7 раз, так и по численности первокурсников – в 6 раз. Указанная тенденция связана с тем, что в Западной Германии расположено большое количество вузов, которые занимают лидирующие позиции в мировых и национальных рейтингах, и крупных городов (Берлин, Гамбург, Мюнхен, Бремен), в которых можно не только воспользоваться широким спектром образовательных возможностей, но и посещать культурно-досуговые мероприятия.

В 2010 г. доля студентов, получивших степень бакалавра, составила 59% от поступивших на первый курс, в 2020 г. – 61%. В среднем около 45% выпускников бакалавриата по всем направлениям продолжают обучение в магистратуре.

Высшее образование необходимо, чтобы начать работать по многим специальностям, таким как врач, адвокат, преподаватель, научный сотрудник и др. Диплом вуза в несколько раз увеличивает шансы на высокооплачиваемую и престижную работы – как в Германии, так и в других странах. Уровень безработицы среди лиц с высшим образованием значительно ниже, чем у лиц без образования. Специалисты с дипломами получают увеличенную заработную плату по сравнению с людьми без образования. Причем чем выше законченная ступень образования, тем более высокую заработную плату получают сотрудники.

Академическое образование не только гарантирует своему владельцу финансовую стабильность, но и уважение на работе и в обществе.

Представляется, что общим для любой страны может служить вывод о том, что для повышения востребованности выпускников высших учебных заведений на рынке труда необходимо повышать профессиональную ориентацию обучающихся; развивать способность студента самостоятельно получать новые знания в областях, которым он ранее не был обучен, умение творчески подходить к разнообразию получаемой научной и практической информации и способность критически оценивать результаты своей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алчинова В.А. (2018) История развития системы высшего образования в Германии // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 3 т., Курск, 22–23 марта 2018 года. Юго-Западный государственный университет; Московский политехнический университет. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга». С. 8–12.

Ананин Д.П., Крекель Р. (2020) Иерархичность системы высшего образования Германии: историографический анализ // Университетское управление: практика и анализ. Т. 24. № 1. С. 9–27. DOI: 10.15826/umpra.2020.01.001.

Антропов Р.В. (2019) Высшее образование в Германии: ситуация в вузах и рынок труда выпускников // Наука и образование: актуальные исследования и разработки: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Чита, 25–26 апреля 2019 года. Отв. ред.: Н.С. Кузнецова. Чита: Забайкальский государственный университет. С. 209–213.

Вязовская Т.Н., Иванова О.А. (2018) Организационно-правовые основы высшего образования в европейских государствах – участниках болонского процесса: сравнительно-правовой анализ // Право и практика. № 4. С. 35–42.

Дрокова Е.А., Токарева О.Ю. (2016) Система высшего образования в Германии // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. № 1. С. 53–56.

Каргин Е.А. (2020) Национальная специфика систем высшего образования в Великобритании, Германии и России // Социология религии в обществе позднего модерна. Т. 9. С. 128–140.

Мякина С.Б. (2021) Сравнительный анализ правового регулирования высшего образования в Германии и Финляндии // Современное социально-гуманитарное образование: векторы развития в год науки и технологий: материалы VI международной конференции, Москва, 22–23 апреля 2021 года. Московский педагогический государственный университет, Институт социально-гуманитарного образования. М.: Московский педагогический государственный университет. С. 143–149. DOI: 10.37492/ETNO.2021.36.37.018.

Оганян К.М. (2021) Стратегии высшего образования в США и Германии // Образование в поликультурном обществе: Коллективная монография. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. С. 30–37.

Самсонова Е.Н. (2021) Система управления высшим образованием в Федеративной Республике Германия на современном этапе // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. № 2. С. 101–107. DOI: 10.46845/2071-5331-2021-2-56-101-108.

Титор С.Е. (2022) Управление образованием в Германии // E-Management. Т. 5. № 1. С. 69–79. DOI: 10.26425/2658-3445-2022-5-1-69-79.

Фабарисов Т.И. (2022) Анализ эффективности системы финансирования высшего образования Германии и ее влияние на подготовку молодых специалистов // Трансформации общественно-го сознания в переходную эпоху: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21–22 апреля 2021 года. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Ванадзорский государственный университет им. О. Тумяна. Н. Н.: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. С. 92–201.

Auferkorte-Michaelis N., Linde F. (2018) *Diversität lernen und lehren – ein Hochschulbuch* // Verlag Barbara Budrich. 411 p. (<https://www.jstor.org/stable/j.ctvbkjx58>).

Lee S. J., Müller L. (2019) Institutional Stratification and Its Effects on Wages of Higher Education Graduates in Germany and South Korea // *European Journal of Higher Education*. No. 9. Pp. 433–451. DOI: 10.1080/21568235.2019.1666290.

Münch R., Schäfer L. O. (2014) Rankings, Diversity and the Power of Renewal in Science: A Comparison between Germany, the UK and the US // *European Journal of Education*. No. 49. Pp. 60–76. DOI: 10.1111/ejed.12065.

Reimer D., Pollak R. (2010) Educational Expansion and Its Consequences for Vertical and Horizontal Inequalities in Access to Higher Education in West Germany // *European Sociological Review*. No. 26. Pp. 415–430. DOI: 10.1093/esr/jcp029.

Sakbaeva M.A. (2020) About the Higher Education System of the Federal Republic of Germany // *Актуальные научные исследования в современном мире*. № 6–8. С. 19–22.

Triventi M. (2013) The Role of Higher Education Stratification in the Reproduction of Social Inequality in the Labor Market // *Research in Social Stratification and Mobility*. No. 32. Pp. 45–63. DOI: 10.1016/j.rssm.2013.01.003.

REFERENCES

Alchinova V.A. (2018) *Istoriya razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v Germanii* [The History of the Development of the Higher Education System in Germany]. *Molodezh' i nauka: shag k uspekhu: sbornik nauchnykh statey 2-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh: v 3 t., Kursk, 22–23 marta 2018 goda*. Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet; Moskovskiy politekhnicheskii universitet. Kursk: Zakrytoye aktsionernoye obshchestvo «Universitetskaya kniga». Pp. 8–12.

Ananin D.P., Krekel' R. (2020) Iyerarkhichnost' sistemy vysshego obrazovaniya Germanii: istoriograficheskiy analiz [Hierarchy of the German Higher Education System: Historiographical Analysis]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*. vol. 24, no. 1, pp. 9–27. DOI: 10.15826/umpa.2020.01.001.

Antropov R.V. (2019) *Vyssheye obrazovaniye v Germanii: situatsiya v vuzakh i rynek truda vypusknikov* [Higher Education in Germany: The Situation in Universities and the Labor Market of Graduates]. *Nauka i obrazovaniye: aktual'nyye issledovaniya i razrabotki: Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chita, 25–26 aprelya 2019 goda*. Ed(s): N.S. Kuznetsova. Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet. Pp. 209–213.

Auferkorte-Michaelis N., Linde F. (2018) *Diversität lernen und lehren – ein Hochschulbuch*. Verlag Barbara Budrich. 411 p. (<https://www.jstor.org/stable/j.ctvbkjx58>).

Vyazovskaya T.N., Ivanova O.A. (2018) *Organizatsionno-pravovyye osnovy vysshego obrazovaniya v yevropeyskikh gosudarstvakh – uchastnikakh bolonskogo protsessa: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Organizational and Legal Foundations of Higher Education in European Countries Participating in the Bologna Process: A Comparative Legal Analysis]. *Pravo i praktika*. no. 4, pp. 35–42.

Drokovaya Ye.A., Tokareva O.YU. (2016) Sistema vysshego obrazovaniya v Germanii [The System of Higher Education in Germany]. *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. no. 1, pp. 53–56.

Kargin Ye.A. (2020) Natsional'naya spetsifika sistem vysshego obrazovaniya v Velikobritanii, Germanii i Rossii [National Specificity of Higher Education Systems in Great Britain, Germany and Russia]. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna*. vol. 9, pp. 128–140.

Myakinina S.B. (2021) Sravnitel'nyy analiz pravovogo regulirovaniya vysshego obrazovaniya v Germanii i Finlyandii [Comparative Analysis of the Legal Regulation of Higher Education in Germany and Finland]. *Sovremennoye sotsial'no-gumanitarnoye obrazovaniye: vektory razvitiya v god nauki i tekhnologii: materialy VI mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 22–23 aprelya 2021 goda*. Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet, Institut sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet. Pp. 143–149. DOI: 10.37492/ETNO.2021.36.37.018.

Oganyan K.M. (2021) Strategii vysshego obrazovaniya v SSHA i Germanii [Higher Education Strategies in the USA and Germany]. *Obrazovaniye v polikul'turnom obshchestve: Kollektivnaya monografiya*. Saint-Petersburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena. Pp. 30–37.

Samsonova Ye.N. (2021) Sistema upravleniya vysshim obrazovaniyem v Federativnoy Respublike Germaniya na sovremennom etape [The System of Higher Education Management in the Federal Republic of Germany at the Present Stage]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskiye nauki*. no. 2, pp. 101–107. DOI: 10.46845/2071-5331-2021-2-56-101-108.

Titor S.Ye. (2022) Upravleniye obrazovaniyem v Germanii [Education Management in Germany]. *E-Management*. vol. 5, no. 1, pp. 69–79. DOI: 10.26425/2658-3445-2022-5-1-69-79.

Fabarisov T.I. (2022) Analiz effektivnosti sistemy finansirovaniya vysshego obrazovaniya Germanii i yeye vliyaniye na podgotovku molodykh spetsialistov [Analysis of the Effectiveness of the German Higher Education Financing System and its Impact on the Training of Young Professionals]. *Transformatsii obshchestvennogo soznaniya v perekhodnuyu epokhu: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 21–22 aprelya 2021 goda*. Nizhegorodskiy gosudarstvennyy lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova; Vanadzorskiy gosudarstvennyy universitet im. O. Tumanyana. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova. Pp. 92–201.

Lee S. J., Müller L. (2019) Institutional Stratification and Its Effects on Wages of Higher Education Graduates in Germany and South Korea. *European Journal of Higher Education*. no. 9, pp. 433–451. DOI: 10.1080/21568235.2019.1666290.

Münch R., Schäfer L. O. (2014) Rankings, Diversity and the Power of Renewal in Science: A Comparison between Germany, the UK and the US. *European Journal of Education*. no. 49, pp. 60–76. DOI: 10.1111/ejed.12065.

Reimer D., Pollak R. (2010) Educational Expansion and Its Consequences for Vertical and Horizontal Inequalities in Access to Higher Education in West Germany // *European Sociological Review*. No. 26. Pp. 415–430. DOI: 10.1093/esr/jcp029.

Sakbayeva M.A. (2020) O sisteme vysshego obrazovaniya Federativnoy Respubliki Germanii [About the Higher Education System of the Federal Republic of Germany]. *Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire*. no. 6–8, pp. 19–22.

Triventi M. (2013) The Role of Higher Education Stratification in the Reproduction of Social Inequality in the Labor Market. *Research in Social Stratification and Mobility*. no. 32, pp. 45–63. DOI: 10.1016/j.rssm.2013.01.003.

Информация об авторе

Таскин Федор Александрович, аспирант департамента «Международные отношения» ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». Адрес: 620002, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: taskinf@mail.ru

About the author

Fedor A. Taskin, Postgraduate Student, Department of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Address: 19, Mira street, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, Russia, 620002. E-mail: taskinf@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 8.11.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 20.12.2022

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023